Евгений Лукин

Статьи. Эссе (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачкой удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре…»

- Евгений Лукин
  - В защиту логики
  - Взгляд со второй полки
  - Враньё, ведущее к правде
  - Все на зачистку родной речи!
  - Затворите мне темницу
  - История одной подделки,
  - Как отмазывали ворону
  - Кризис номер два
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - Людка
  - Манифест партии национал-лингвистов
  - Нехай клевещут
  - О рычагах воздействия и чистоте речи
  - Про Штерна
  - Разборка с Маркионовым
  - С приветом из 80-х!
  - Сравнительное естествознание
  - Типа неопределенный артикль
  - Читая Соловьева

Евгений Лукин
Статьи. Эссе

В защиту логики
Заметки национал-лингвиста

Памяти Зенона из Элеи

1.

В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачкой удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре.

Думаю, не будет ошибкой сказать, что апории пробовал опровергнуть каждый узнавший об их существовании. Счастливым исключением являются люди, напрочь лишённые способности к логическому мышлению: отмахнутся и забудут. Прочим – хуже. Простота и наглядность «Ахиллеса и черепахи» временами доводит их до исступления. Мало того, что апории оскорбляют человеческое достоинство, – они распространяются подобно компьютерному вирусу. Бедолага, обиженный черепахой, обязательно предложит эту головоломку друзьям, а то, согласитесь, как-то неловко получается.

Апории Зенона изложимы на любом человеческом языке. Наречия, в котором античный герой догнал бы и перегнал рептилию, судя по всему, пока ещё не обнаружено. Данную задачку можно легко растолковать на пальцах – настолько она проста.

В Интернете апориям посвящены целые сайты и форумы! Опровергают с пеной у рта. До сих пор. Физически, релятивистски, с формулами, с математическими выкладками, напрочь забывая о том, что, коль скоро аргументы Зенона понятны четырёхлетнему ребёнку, то и опровержение их должно быть столь же внятно и членораздельно.

Сам, знаете, грешен. По молодости лет пытался догнать черепаху всерьёз, потом стал над собой подтрунивать. Но и над Зеноном тоже. Скажем, так:

«Допустим, что за пятнадцать минут Ахиллесова бега

черепаха проползает всего одну минуту времени…»

«Пока Ахиллес достигнет точки, в которой находилась черепаха, время успеет настичь его бесчисленное множество раз».

«На самом деле Ахиллес гонится не за черепахой, а за упущенным временем».

В последней фразе ирония плавно перетекает в истерику, не находите?

2.

Но и лучшие умы человечества тоже, знаете ли, хороши!

Возражения Аристотеля кратки и небрежны. Брезгливы, как показалось Борхесу. Менее склонный к трепету перед авторитетом Пьер Бейль высказывался куда жёстче: «Ответ Аристотеля жалок: он говорит, что фут материи бесконечен лишь потенциально…». Действительно, такое впечатление, будто Стагирит просто-напросто отмахнулся от проблемы. Его спросили, догонит ли Ахиллес черепаху, а он принялся растолковывать, почему нельзя шинковать отрезок до бесконечности. Обычная адвокатская увёртка – ответ не по существу вопроса. Иначе, сами понимаете, пришлось бы ухлопать на опровержение апорий всю жизнь, так ничего в итоге и не опровергнув.

Что касается возражений, выходящих за рамки логики, то их и возражениями-то назвать трудно. Так, знаменитый променад Диогена перед одним из учеников Зенона был явно избыточен, поскольку противник киника, отстаивая невозможность движения, и сам наверняка открывал рот, шевелил языком, даже, возможно, жестикулировал.

Как тут не вспомнить знаменитую в своё время пародию Дмитрия Минаева на барона Розенгейма, не иначе навеянную Пушкинским «Движением»:

> Если в жизни застой обличитель найдёт,
> Ты на месте минуты не стой,
> Но пройдися по комнате взад и вперёд
> И спроси его: где же застой?

Я, кстати, не убеждён в том, что сам Зенон, как пишет о нём тот же Пьер Бейль, «горячо выступал против существования движения». Прежде всего в этом заставляет усомниться бурная биография философа. Пытаться свергнуть тирана, выдержать пытку, прикинуться, будто согласен сообщить по секрету имена

сообщников, в результате откусить узурпатору ухо – и всё это как бы пребывая в неподвижности? Конечно, теория часто расходится с практикой, но не до такой же степени! Кроме того, по свидетельству античного автора, Зенон учил, что «природа всего сущего произошла из тёплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга». Недвижное превращение? Тоже, знаете ли, неувязочка…

Ах, если бы он и впрямь всего-навсего утверждал, что движения нет! К сожалению, Зенон Элеат доказал кое-что похуже: логика и здравый смысл – несовместимы. Наш главный инструмент познания, которым мы так гордимся, ни к чёрту не годен. Или, может быть, годен, но для другого мироздания.

Мышленья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой не понял – стал пред ним ходить.

Две с половиной тысячи лет истекло, а Ахиллес всё никак не догонит черепаху…

Если враг не сдаётся и не уничтожается, к нему начинают подлизываться. И вот уже читаем в словаре следующий комплимент: «обнаруживающие необъяснимую для того времени диалектическую противоречивость движения». Это про них – про апории Зенона.

Даже Владимир Ильич Ленин – при его-то вере в мощь человеческого разума – вынужден был признать: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий».

Действительно, как?

Громоздят философы термин на термин, один другого краше да заумнее, а Ахиллес всё бежит, бежит…

3.

Бранить философию легко и приятно. Всё равно что бранить интеллигенцию – никто не вступится. Даже обороняться не станет, поскольку это, согласитесь, не комильфо. С логикой, однако, такой номер не пройдёт. Лица, главным своим достоинством почитающие именно логическое мышление, в уязвлённом состоянии бывают не просто опасны, а весьма опасны. Сталкивался, знаю.

И тем не менее…

В руках у меня учебник логики для юридических вузов. Странное дело: такую относительно простую штуку, как

равномерное прямолинейное движение мы (см. выше) в логике понятий выразить не можем, а путаницу человеческой жизни – пожалуйста! Но, с другой стороны, что тут странного? Логику-то как науку основал не кто-нибудь, а именно Аристотель, отмахнувшийся в своё время от неопровергнутых апорий Зенона.

Итак, учебник. С трепетом погружаемся в бездну премудрости. «Всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе». Натужно пытаюсь представить обратное. Тем не менее, если верить составителям, с помощью совокупности подобных приколов можно восстановить истинную картину происшествия и вычислить виновного.

Хотелось бы верить…

Если не ошибаюсь, Марк Твен первый высказал догадку, что все преступления, раскрытые Шерлоком Холмсом, были подстроены заранее самим великим сыщиком. Ладно, коли так. А ну как прав Антон Павлович Чехов, автор лучшего, в моём понимании, детектива всех времён и народов – рассказа «Шведская спичка»! Его вариант куда мрачнее и жизненнее: с помощью чистой дедукции двух подозреваемых прижали к стенке и уличили в убийстве, которого не было.

Дедуктивный метод требует жертв. Так что не стоит удивляться признанию американских юристов, будто в тюрьмах США содержится как минимум одиннадцать процентов совершенно невинных людей. Как минимум… Звучит пикантно. Сколько ж их сидит по максимуму?

«Лучшие русские юристы, – с уважением сообщает тот же учебник, – отличались не только глубоким знанием всех обстоятельств дела и яркостью речей, но и строгой логичностью в изложении и анализе материала, неопровержимой аргументацией выводов». Святые слова. Как тут не вспомнить нашумевший процесс Мироновича, когда три лучших русских юриста (Андреевский, Карабчевский, Урусов) неопровержимо аргументировали три взаимоисключающих вывода.

Мудры были наши пращуры, заставляя обвиняемого и обвинителя (или их доверенных лиц) сходиться в поединке: кто победил, тот и прав. Процент несправедливо осуждённых останется приблизительно прежним, зато сколько времени сбережёшь!

4.

Я бы рискнул определить Аристотелеву логику (в отличие от честной Зеноновой) как искусство примирения теории с

практикой задним числом. Историческое событие или отдельное человеческое деяние сами по себе абсолютно бессмысленны. Логическую выстроенность они обретают только в словесном изложении. Вот и учебник местами проговаривается: «Выявить и исследовать логические структуры можно лишь путём анализа языковых выражений».

Кстати, о языковых выражениях: сколько лет живу на свете, а с простым категорическим силлогизмом, не отягощённым учетверением терминов, в живой устной речи ещё не сталкивался ни разу. Вдобавок создаётся впечатление, что, чем в меньшей степени речь поражена правилами логики, тем убедительнее она звучит.

– Давай (следует любое предложение)!

– Зачем?

– А просто!

И, как показывает практика, этот последний довод обычно бывает неотразим. Начнёшь обосновывать – всё испортишь.

Мало того, злоупотребляя умозаключениями, рискуешь оказаться вне коммуникации. Приведу навскидку два примера.

Первый. Работая выпускающим областной газеты, я заподозрил однажды, что сменная мастерица наборного цеха воспринимает не столько смысл того, что я ей безуспешно пытаюсь втолковывать, сколько интонацию, с которой всё это произносится.

Решил проверить. Подошёл с отрешённым лицом, понизив голос, спросил:

– Люда, а ты знаешь, что угол падения равен углу отражения?

Вы не поверите, но она побледнела, всплеснула руками:

– Да ты чо-о?!

Через секунду сообразила – и сконфуженно засмеялась.

Другой случай: в каком-то застолье проникся ко мне уважением некий тинейджер колоссальных размеров. Подсел, завёл беседу. Слушаю – и ничего не понимаю. Слова все знакомые, а мысль уловить не могу. Нету её. Нетути.

Так оно впоследствии и оказалось. Какая там мысль! Титанический мальчуган всего-навсего старался употребить как можно больше «умных» слов, с тем чтобы я проникся к нему ответным уважением. Видимо, имела место попытка освоить язык иного социального статуса.

Не везёт с собеседниками, говорите? Тогда послушайте, что сообщает Президент Международного общества прикладной психолингвистики Татьяна Слама-Казаку (Бухарест):

«…упомяну о некоторых высказываниях, лишённых научных оснований, но заставляющих размышлять о себе. Г. Тард (1922)

приписывал изобретению слов эгоцентрические основания, считая, что язык создан ради праздной болтовни, или, по мнению О. Есперсена (1925), для выражения чувств, в частности эротически-любовных; П. Жане (1936) решительно защищал утверждение, что язык изобретён индивидами, способными командовать, и до сих пор служит этой цели; Стуртеван (1947, 1948) считал, что основная функция языка – ложь. Ведущий румынский психолог М. Ралея (1949) высказывал мнение, что основным свойством человеческой психологии, а следовательно, и языка, является симуляция».

А вы говорите: логика, логика…

5.

Есть ещё, правда, Наука (именно так – с прописной), но, обратите внимание, гуманитарные дисциплины, до сих пор использующие логику слова, а не логику формулы, мы за настоящие науки не держим – математики в них маловато. Что же касается точных наук, то не уверен, имеют ли они вообще отношение к человеческому мышлению и не являются ли переходной стадией к мышлению машинному.

Будучи по образованию гуманитарием, я привык относиться к математикам и физикам с паническим уважением. Так же, как к музыкантам. Они для меня вроде пришельцев, иной разум. Тем большую оторопь наводят высказывания учёных мужей, из которых явствует, что и точные науки с логикой, мягко говоря, не ладят.

«Эксперт – это человек, который совершил все возможные ошибки в очень узкой специальности». Нильс Бор.

«Фундаментальные исследования – это то, чем я занимаюсь, когда я понятия не имею о том, чем я занимаюсь». Вернер фон Браун.

«Фундаментальные исследования – примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух, и там, где она упадёт, рисовать мишень». Адкинз Хоумер.

Вам не кажется, что во всех приведённых изречениях присутствует нечто от апорий Зенона? Особенно в последнем.

Да и сами логики сплошь и рядом не отказывают себе в удовольствии осмеять своё ремесло. Так, профессор Рэймонд М. Смаллиан с откровенным наслаждением цитирует глумливое определение Тербера, автора не читанного мной романа «Тринадцать часов»: «Поскольку можно прикоснуться к часам, не останавливая их, то можно пустить часы, не прикасаясь к ним.

Это – логика, какой я её вижу и понимаю».

Когда рассказывают о каком-либо открытии, речь почему-то всегда идёт только об интуиции. «И гений, парадоксов друг». (Парадокс, напоминаю, не что иное как формально-логическое противоречие). Менделеев даже имел мужество признаться, что периодическая таблица элементов есть результат дурного сна.

Серьёзные учёные, как видим, позволяют себе относиться к науке скептически. Здоровый профессиональный цинизм. А вот недоучки, имя которым легион, за одну только осторожно высказанную мысль, что точные дисциплины тоже не слишком-то подвержены логике, могут схватиться за дреколье:

– Ка-ак это не подвержены? А мой компьютер! А мой «шестисотый»!

Они так гордятся прогрессом железяк, что можно подумать, будто это их собственный прогресс.

Подозреваю однако, что первый каменный топор, скорее всего, создавался без чертежей, расчётов и логических выкладок. Методом тыка. Ныне этот метод усовершенствован и носит имя глубоко научного тыка. Кроме того, не будем забывать, что техника занимается не столько познанием мира, сколько его покорением. Действительно, зачем познавать, если можно и так покорить? В крайнем случае, уничтожить.

Нет мира – нет проблемы.

6.

То, что человеческое мышление в логической своей ипостаси чуждо не только вселенной, в которой человек обитает, но и самому человеку, отрицать трудно. Об этом можно только забыть, чем мы, собственно, и занимаемся всю жизнь, пока смерть не придёт и не напомнит.

Забавно: мышление наше чуждо даже самому себе. Кромешное самооопровержение, парадокс на парадоксе. «Мысль изречённая есть ложь», – сказал Тютчев, закрутив беличье колесо дурной бесконечности (получается, ложь ты изрёк, Фёдор Иванович, да и я о твоей лжи тоже сейчас солгал).

Вот и Пиррон о том же…

Философия – заведомо неудачная попытка притереть разум к мирозданию. Не притирается.

Читатель, вероятно, уже решил, что дело клонится к очередному декрету национал-лингвистов – на сей раз об отмене формальной логики. Вынужден вас разочаровать: какой смысл отменять то, что мы используем только на экзамене по

указанному выше предмету?

Нет, я всего-навсего хотел бы поделиться некой безумной догадкой, снимающей тем не менее все вопросы разом.

Что, если апории Зенона, как, впрочем, и остальные парадоксы логики, имеют нравственную подоплёку?

Судите сами: допустим, догонит Ахиллес черепаху. И что он с ней тогда сделает? Боюсь, ничего хорошего. Моральный облик Пелеева сына достаточно подробно дан в «Илиаде»: надругательство над трупом Гектора, припадки безудержного гнева, пренебрежение интересами Эллады ради личной выгоды, более чем подозрительные отношения с Патроклом… И вот наш разум, цепенея при одной только мысли о дальнейшей судьбе медлительной рептилии, судорожно отодвигает беззащитную зверушку всё дальше и дальше от преследующего её убийцы и извращенца.

Здравый смысл беспощаден. Логика гуманна.

7.

Да, но не означает ли это, что логическое мышление является инстинктивным отторжением мира с его жестокими и безнравственными законами? Ни в коей мере! Напротив. Неуклонное следование правилам есть, как известно, неотъемлемое свойство любой логики.

Стало быть, отнюдь не логика, но само мироздание нарушает предписанные ему законы, что и было доказано Зеноном со всей очевидностью ещё в пятом веке до Рождества Христова.

Наша вселенная по сути своей криминальна. В ней царит полный беспредел, освящённый конформистской логикой Аристотеля, чей «Органон» являет собой позорный пакт с преступной окружающей действительностью.

Оглянитесь окрест себя. Разве не то же самое пренебрежение к законам мы наблюдаем сейчас в жизни социума? «Почему нельзя украсть? – недоумевает нормальный средний россиянин. – Никто же не видит! Могу – значит можно».

Неумышленно или осознанно, но он подменяет деонтическую модальность алетической, превращая тем самым благородный порядок логики в суетливый и алчный хаос здравого смысла.

Вот точно так же и с материей. «Почему нельзя? – спрашивает она себя. – Могу же…»

Возможно, всё дело тут в размерах мироздания: за каждой молекулой не уследишь – и, пользуясь этим, они напропалую учиняют коллективное правонарушение, стыдливо именуемое

броуновским движением частиц.
Материи не положено двигаться.
Тем не менее материя движется.
Когда-нибудь она за это ответит.

2004

Взгляд со второй полки

1

«Терпеть не могу фантастику!» Помнится, в златые годы застоя произносилось это сплошь и рядом, причём примерно с той же интонацией, что и фраза: «Я порядочная девушка, сударь!»

Не помню, однако, случая, чтобы кто-нибудь столь же решительно высказался о детективе или, допустим, о производственном романе. Вот я пытаюсь изречь со сдержанным негодованием: «Терпеть не могу историческую прозу!» – и, знаете, выходит ненатурально… Ну, «не люблю», ну, «не нравится»… Но чтобы вдруг с таким пафосом!

Похоже, фантастика в отличие от остальной литературы вызывала и вызывает в рядовом читателе исключительно сильные чувства: не влюбился – стало быть, возненавидел.

Да, но причины, причины?

С тех пор как я перешёл в сословие авторов, собеседники меня щадили. Вроде бы даже извинялись: «Ну, не понимаю я фантастики…» Однако ситуацию это не проясняло ни в малейшей степени. Во-первых, фраза типа «Ну, не понимаю я публицистики…» прозвучала бы так же дико, как и «Терпеть не могу историческую прозу!» А во-вторых, и без того давно уже известно, что именно непонимание является причиной ненависти.

Не устояв перед соблазном бинарного анализа, многие из великих и малых мира сего обожали распределять человечество по двум полкам. И их можно понять: когда третьего не дано, картина мироздания становится умилительно стройной. Колридж, например, заметил, что все люди рождаются последователями либо Аристотеля, либо Платона. Американский логик Смаллиан утверждает, что по образу мышления каждый из нас либо физик, либо математик.

Что ж, сунемся и мы с суконным рылом в калашный ряд. Мне вот тоже мерещится, что всех встреченных мною людей можно распределить по двум полкам. На первой окажутся те, для кого реалии этого мира важны как таковые. На второй же возлягут те, кого более интересуют не столько сами реалии, сколько отношения и связи между ними.

Попробую привести пример. Для первых добро есть добро, зло есть зло – какие ж тут сомнения? А вот вопрос «Почему это добро и зло в определённых ситуациях идут рука об руку и ведут себя совершенно одинаково?» может посетить только человека со

второй полки, на которой я, кстати, валяюсь уже не первый год и, что характерно, на тесноту ещё не жаловался ни разу.

2

Полемика между обитателями первой и второй полки невозможна в принципе. Они просто не поймут друг друга. Дело даже не в разной терминологии – мышление разное. В младые годы это меня, помнится, изрядно озадачивало: битый час, бывало, неистово что-то доказываешь, оба охрипли – и ты, и он, пена уже на губах, а спор – ни с места. Плюнешь наконец и отойдёшь в досаде. Вот ведь какой дурак попался твердолобый! А он не дурак, он просто с другой полки.

«Распалась связь времён…» Вся прелесть в том, что для обитателей первой полки она никогда и не возникала. Каждое явление представляется им как бы само по себе, и поэтому, чтобы сохранить рассудок в годы перемен, её обитатели обычно прибегают к склерозу. Митрополит напрочь забывает о том, что когда-то был замполитом. А пламенному революционеру лучше не напоминать о тех временах, когда он служил в охранке. Картина, впрочем, дьявольски усложняется тем, что любой из нас в процессе беседы так и норовит перебраться с полки на полку. Смотря о чём зашла речь.

Я уже не говорю о тех случаях, когда человек со второй полки сознательно прикидывается по необходимости обитателем первой. В качестве примера сошлюсь на публичные выступления тех же политиков.

3

Для большинства людей с первой полки в художественном произведении важна прежде всего правда. Иногда они уточняют: жизненная правда. Идеал, разумеется, – документальная проза. Мысль, что документы лгут столь же часто, как и очевидцы, в голову им, естественно, не приходит. Известие о том, что никакой Анны Карениной никогда на свете не было, обитатели первой полки либо воспринимают с откровенным недоверием и стараются забыть при первом удобном случае (склероз!), либо поспешно ставят знак равенства между персонажем и прототипом.

Естественно, что фантастика для них – это вранье и выдумка. Мало того: опасная выдумка, посягающая на привычный порядок

вещей, а стало быть, и на душевное равновесие читателя.

Сказано, однако, что «мысль изречённая есть ложь». Так вот с этой точки зрения фантастика куда честнее реализма. Самим названием своим она заранее предупреждает, что речь пойдёт о событиях вымышленных. Реализм же, уверяя, будто всё изложенное автором – святая правда, лжёт дважды.

Хотя, знаете, есть одно такое приворотное зелье, с помощью которого можно в два счёта присушить обитателя первой полки к не любимой им фантастике. Нужно объявить, что предложенная вниманию история имела место в действительности. Всего-навсего. Единственное условие: текст должен быть по возможности безлик и бездарен, ибо это, согласно представлениям людей с первой полки, и есть основной признак всякой правды.

4

Грешен – люблю, знаете, потревожить изначальный смысл того или иного слова. Вспомнишь, к примеру, что демагог – это по-гречески народный вождь, и душевная болезнь как-то сразу идёт на убыль…

Так вот, если вспомнить, что реалия по латыни это всего-навсего вещь, то смысл термина «реализм» проясняется до членораздельности. Вещественность, господа, вещественность. Просто умелое (или неумелое) описание реалий, о которых мы привыкли думать, что они и впрямь существуют.

Но для обитателя первой полки это-то и является главным. Он проглотит не поперхнувшись любую, даже самую чудовищную ложь, если та будет обильно приправлена вышеупомянутыми реалиями. Он даже способен поверить в честного сотрудника МВД, уволенного из органов за излишнюю принципиальность и с тех пор ведущего на свой страх и риск бескомпромиссную борьбу с коррупцией и преступностью. И как не поверить! Герой ходит по улицам (названия прилагаются), стреляет в мерзавцев из «Макарова», иногда его даже перезаряжая. Всё как в жизни.

Для реалиста существенно передать, как этот мир выглядит. Фантасту же важно понять, как этот мир устроен.

«Ну да! – возразите вы. – А реалисту разве не важно?»

Бывает, что и важно, но тогда человек с первой полки немедленно начинает ныть, что Достоевский – писатель тяжёлый и мрачный.

5

Было бы неверно думать, что на первой полке собрались одни лишь ярые ненавистники фантастической прозы. Есть среди них (правда, в меньшем количестве) и ярые её сторонники. Люди с первой полки вообще в большинстве своём придерживаются крайних взглядов. Середины для них не бывает.

Иное дело обитатели второй полки. Для них принципиальной разницы между реализмом и фантастикой зачастую нет вообще. Реалии могут быть привычными читателю (Тургенев), могут быть целиком и полностью вымышленными (Данте), наконец, и те, и другие могут мирно соседствовать в пределах одного повествования (Гоголь). Главное, ей-богу, не в этом…

А вот для обитателей первой полки разница очевидна. Поэтому ни детектив, ни женский роман у них протеста не вызовут, ибо все эти направления суть разновидности реализма. (А что тут возразишь? Реалии-то – вот они!)

С исторической прозой и вовсе забавно. Чем она отличается от альтернативной истории, никто даже объяснить не берётся. Исторические документы лгали, лгут и будут лгать, поскольку составляются людьми, и какой из них ни положи в основу повествования, всё равно в итоге получится фантазия на темы прошлого.

Ох уж эти мне реалии! Ну вот, допустим, изобразил я участкового с двуглавым орлом на фуражке. Реализм? Реализм, господа. Вон их сколько таких за окном! И все с орлами… А напиши я то же самое до 1991-го года? А вот тогда, товарищи, это была бы дерзкая, чтобы не сказать – злопыхательская фантастика (то есть, иными словами – тот же самый реализм, только еще не опошленный действительностью).

А теперь пришло время выдать страшную тайну. Делаю это со спокойным сердцем, поскольку предвижу, что разглашение её никаких последствий не повлечёт. На первой полке отмахнутся и забудут, на второй пожмут плечами: подумаешь, дескать, новость!

Так вот…

Господа! Всякий текст (включая цифры финансовых отчётов) – это фантастика чистой воды! Просто не всякий автор имеет мужество признаться в том, что он фантаст.

6

Бедные, бедные обитатели первой полки! Сколько им пришлось пережить потрясений за те несколько лет, когда добро внезапно объявлялось злом и наоборот, а жизнь за окном стремительно меняла ориентацию, шарахнувшись вдруг из

соцреализма в самую оголтелую фантастику во всем ее многообразии – от альтернативной истории до лютого хоррора!

Впрочем, наш взбаламученный социум, кажется, отстаивается помаленьку, крыши у людей с первой полки возвращаются в исходную позицию, и скоро, глядишь, победное речение «Терпеть не могу фантастику!» вновь зазвучит в народе с прежней силой.

1998

Враньё, ведущее к правде

Теперь я вижу, что был прав в своих заблуждениях.

Великий Нгуен

Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодёжной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС. «А в чём дело? – с недоумением спросили у распорядившейся тётеньки. – Фантастика же…» «Так это они говорят, что фантастика! – в праведном гневе отвечала та. – А на самом деле?!»

Помнится, когда нам передали этот разговор, мы долго и нервно смеялись. Много чего с тех пор утекло, нет уже Любови Лукиной, второе тысячелетие сменилось третьим, а обвинение живёхонько. «Прости, конечно, – говорит мне собрат по клавиатуре, – но никакой ты к чёрту не фантаст». «А кто же я?» – спрашиваю заинтригованно. Собрат кривится и издаёт бессмысленное звукосочетание «мэйнстрим».

Почему бессмысленное? Потому что в действительности никакого мэйнстрима нет. По моим наблюдениям, он существует лишь в воспалённом воображении узников фантлага и означает всё располагающееся вне жилой зоны. Можно, правда, возразить, что и окружающая нас реальность не более чем плод коллективного сочинительства, но об этом позже.

Не то чтобы я обиделся на собрата – скорее был озадачен, поскольку вспомнилось, как волгоградские прозаики (сплошь реалисты), утешить, наверное, желая, не раз сообщали вполголоса, интимно приобняв за плечи: «Ну мы-то понимаем, что никакой ты на самом деле не фантаст».

– А кто?

Один, помнится, напряг извилины и после долгой внутренней борьбы неуверенно выдавил:

– Сказочник…

Услышав такое, я ошалел настолько, что даже не засмеялся.

Впрочем, моего собеседника следует понять: термин «мистический реализм» (он же «новый реализм») используется пока одними литературоведами, да и то не всеми, а слово «фантастика» в приличном обществе опять перешло в разряд нецензурных. Недаром же, чуя, чем пахнет, лет десять назад

несколько мастеров нашего цеха предприняли попытку отмежеваться, назвавшись турбореалистами.

Тоже красиво…

Так вот о мистическом реализме. Если в Америке и Англии, по словам критиков, сайнс-фикшн и фэнтези традиционно донашивают лохмотья «серьёзной» литературы, то у нас всё обстоит наоборот: нынешние модные писатели – зачастую результат утечки мозгов, так сказать, эмигранты жанра. А то и вовсе откровенные компилляторы, беззастенчиво обдирающие нас грешных, выкраивая из обдирок собственные эпохальные произведения.

Что ж, бог в помощь. Хотелось бы только знать, чем в таком случае этот таинственный мистреализм принципиально отличается от фантастики? Кроме брэнда, конечно.

Задав подобный вопрос литературоведу, вы сможете насладиться стремительной сменой цвета лица и забвением слова «дискурс» (вообще, когда авторитет теряется до такой степени, что забывает феню и переходит на общепринятый язык, знайте, вы угодили в точку).

– Да как вообще можно сравнивать Булгакова и…

Если же вы будете упорны в своей бестактности, учёный муж (жена) нервно объяснит, что мистический реализм – это когда талантливо, а фантастика – это когда бездарно.

Такое ощущение, что господа филологи добросовестно прогуляли курс лекций по введению в литературоведение. Классификацией, напоминаю, занимается теория литературы, а качество того или иного произведения оценивает критика.

Впрочем, попытки подойти к проблеме с позиций теории, как выяснилось, также приводят к результатам вполне умопомрачительным. Так мне рассказали недавно, что московские литературоведы, с лёгкостью вычленив отличительные (типологические) признаки детектива и любовного романа, споткнулись на фантастике. Не нашлось у неё ярко выраженных отличительных признаков. И знаете, какое из этого проистекает заключенье? Фантастики нет. Нету нас. Нетути.

Встречу в следующий раз собрата по клавиатуре – непременно покажу ему язык.

* * *

Год этак семидесятый. Лекция. Преподаватель пластает романтизм. Представители данного направления, сообщает он, отвергали обыденность, видя выход в иной реальности, в иных

временах. Мрачные реакционные романтики идеализировали прошлое, уходили в мистику. Прогрессивные верили в будущее. Был, правда, автор, стоящий особняком, его трудно отнести и к тем, и к другим. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Явный романтик, но для реакционного слишком светел, а с другой стороны и от грядущего ничего доброго не ждал. Герой его обретает счастье в Атлантиде (не исключено, что сходит с ума).

Хорошо, что я тогда не задал вопрос: «Так может, это фантастика?» Выволочка за неприличное слово наглецу-студиозусу была бы гарантирована.

А почему, собственно, неприличное? Открой энциклопедию, прочти: «Фантастика – форма отображения мира, при к-рой на основе реальных представлений создаётся логически несовместимая с ними („сверхъестественная“, „чудесная“) картина Вселенной».

Отменно сказано. Единственное сомнение: не подскажете ли, которое именно отображение мира считать, по нашим временам, соответствующим действительности? Ведь не исключено, что в будущем сегодняшняя публицистика не только покажется, но и окажется фантастикой. Как, скажем, случилось с публицистикой советской эпохи.

Белинский, однако, одиозного ныне термина не чурался:

«„Портрет“ есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде. Здесь его талант падает, но он и в самом падении остаётся талантом».

И далее:

«Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем даётся г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырёва, который говорит, что „ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нём есть какая-то неопределённость; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног и языком вверху, тут уж не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое“».

Поругивал, как видим, но хотя бы честно называл вещи своими именами. Нынешние белинские такого непотребства ни за что себе не позволят.

– «Божественная комедия», – отбивается низкими обиходными словами припёртый к стенке литературовед, – не имеет отношения к фантастике, потому что Ад, Чистилище и Рай считались реально существующими.

– Позвольте, любезнейший! Тогда к ней не имеет отношения и «Туманность Андромеды», поскольку светлое коммунистическое будущее тоже считалось неизбежной реальностью.

– Да, но Алигьери-то верил не в будущее, а в вечное!

– Не вижу принципиальной разницы. Оба верили в то, что не может быть подтверждено опытом.

– Простите, но «Туманность Андромеды» – научная фантастика. – Слово «научная» произносится с заметным отвращением.

– А у Данте не научная? Помнится, мироздание у него скрупулёзно выстроено по Птолемею…

– Да как вы вообще можете сравнивать Данте и…

Короче, смотри выше.

Зато, если вдруг филолог очаруется невзначай творчеством какого-либо фантаста, тут и вовсе начинается диво дивное, сопровождаемое немыслимыми терминологическими кульбитами.

– Лем? Какой же это фантаст! Это философ…

– Бредбери? Но он же лирик…

Прибавь мне бог ума и терпения – обязательно составил бы и опубликовал сборник «Верования и обряды литературоведов».

* * *

Раньше казалось, будто всё дело в слове «научная», пока не обнаружилось, что термин «фэнтези» вызывает у паразитов изящной словесности не меньшее омерзение. Мало того, даже непричастность к какому-либо из этих двух направлений (фэнтези и НФ) ни от чего не спасает. Знаю по собственному опыту. Несмотря на утешения писателей-почвенников и на попытки собрата по клавиатуре, так сказать, проверить каинову печать на контрафактность, погоняло «фантаст» прилипло ко мне намертво. Собственно, я не против. А за термин обидно. Что делать, стилистическая окраска имеет обыкновение со временем меняться. Ну кто из нынешней молодёжи поверит, к примеру, что арготизм «попса» в юных розовых устах когда-то звучал гордо и ни в коем случае не презрительно? О слове «демократия» и вовсе умолчу…

Вот и с фантастикой та же история.

Одно утешение – Фёдор Михайлович Достоевский. Уважал, уважал классик гонимое ныне словцо:

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический».

«Что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»

Или такой, скажем, комплимент:

«Сердце имеет – фантаст».

И наконец главная жемчужина:

«Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп».

Предвижу вопль: да он же не о той фантастике говорил! Так и я не о той. Не о драконах, не о бластерах. Для нас с Белкой (Любовью Лукиной) все эти вытребеньки самостоятельной ценности никогда не имели. Мало того, не относясь к читателям, для которых антураж важнее сути, не видели мы подчас и принципиальной разницы между НФ и, допустим, производственным романом. В первом случае коллектив доблестно достигал субсветовых скоростей, во втором не менее доблестно выходил на заданные производственные мощности. Спрашивается, зачем гравилёт городить, когда можно обойтись прокатным станом!

Скорее нам казались фантастическими рассказы Шукшина, где роль зелёненького инопланетянина с рожками или чёртика с хвостиком исполнял откровенно выдуманный чудик или бывший зэк, тоже, как правило, сильно выдуманный. Стоило этим странным персонажам влезть в действие, как человеческие взаимоотношения начинали выворачиваться наизнанку, представая в самом невероятном и причудливом виде.

Фантастика для нас была не более чем ключиком к реальности. Иногда отмычкой. А то и вовсе ломиком. Фомкой.

То есть набором приёмов.

Возможно, этим и была вызвана та изумительная фраза разгневанной тётеньки из обкома.

То, что жизнь сама по себе достаточно фантастична, выяснилось гораздо позже. Достаточно сопоставить две обычно разобщаемые области нашего бытия – и вот вам фантасмагория в чистом виде. Бери и пользуйся.

Поясню на примере. В рассказике «Серые береты» нет исходного фантастического допущения. Я действительно ловил мышонка – и мышонок оказался умнее. По телевизору действительно показывали сюжет о мышах, участвовавших в Великой Отечественной. Мне оставалось лишь совместить два эти факта.

Если кто-то успел вообразить, что в данной статье я намерен осчастливить читателя анализом литературных направлений, пусть вздохнёт с облегчением. Отделять пшеницу от плевел бесполезно, ибо слово «фантастика» сейчас нецензурно во всех своих смысловых ипостасях.

Я даже не собираюсь защищать его от нападок.

И знаете, почему?

Потому что лучшая защита – это нападение.

Начнём с криминальной субкультуры литературоведов.

* * *

Её преступная сущность очевидна и легко доказуема. Настораживает уже тот факт, что литературоведение ничем не способно помочь автору. Эта лженаука не имеет ни малейшего отношения к процессу писанины и годится исключительно для разбора законченных произведений. Или, скажем, не законченных, но уже намертво прилипших к бумаге и утративших способность к развитию.

Знаменательно, что сами литературоведы опасаются иметь дело с живыми авторами, дабы тайное надувательство не стало явным. Примерно по той же причине большинство натуралистов предпочитает быть неверующими – иначе им грозит полемика с Творцом. Как провозгласил однажды в припадке циничной откровенности мой знакомый, ныне завкафедрой литературы: «Выпьем за покойников, которые нас кормят!» Недаром же старик Некрасов при виде аналогичной сцены воскликнул в ужасе: «Это – пир гробовскрывателей! Дальше, дальше поскорей!»

Ещё в меньшей степени литературоведение необходимо простому читателю. Этот тезис я даже доказывать не намерен. Скажу только, что читающая публика для учёных мужей и жён – не менее досадная помеха, чем автор, поэтому всё, что публике по нраву, изучения, с их точки зрения, не достойно.

Итак, городская субкультура литературоведов криминальна уже тем, что никому не приносит пользы, кроме себя самой, то есть паразитирует на обществе и тщательно это скрывает.

Способ мошенничества отчасти напоминает приёмы цыганок: неустанно убеждать власти в том, что без точного подсчёта эпитетов в поэме Лермонтова «Монго» всё погибнет окончательно и безвозвратно, а запугав, тянуть потихоньку денежки из бюджета. Навар, разумеется, невелик, с прибылями от торговли оружием и наркотиками его сравнивать не приходится, но это и понятно, поскольку литературоведы в уголовной среде считаются чуть ли не самой захудалой преступной группировкой. Что-то среднее между толкователями снов на дому и «чёрными археологами».

Само собой, изложив просьбу раскошелиться в ясных доступных словах, на успех рассчитывать не стоит. Что казна, что предполагаемый спонсор – фраера порченые, их так просто не разведёшь. Поэтому проходимцами разработан условный язык, специальный жаргон, употребляемый с двумя целями: во-первых,

уровень владения им свидетельствует о положении говорящего во внутренней иерархии, во-вторых, делает его речь совершенно непонятной для непосвящённых. Последняя функция создаёт видимость глубины и производит на сильных мира сего неизгладимое впечатление. Услышав, что собеседник изучает «гендерную агональность национальных архетипов», сомлеет любой олигарх, ибо сам он столь крутой феней не изъяснялся даже на зоне.

Глядишь, грант подкинет.

Заметим походя, что упомянутый жаргон в последние годы тяготеет к расслоению. В то время как стоящие одной ногой в прошлом «мужики» продолжают ботать по-советски, демократически настроенные «пацаны», норовя обособиться, спешно изобретают и осваивают новую «филологическую музыку».

Подобно любой другой криминальной субкультуре литературоведение характеризуется следующими признаками: жесткая групповая стратификация, обязательность установленных норм и правил, в то же время наличие системы отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени иерархии, наличие враждующих между собой группировок, психологическая изоляция некоторых членов сообщества, использование в речи арго (список признаков позаимствован из работы Ю.К. Александрова «Очерки криминальной субкультуры»).

Да и клички у них вполне уголовные: «Доцент», «Профессор».

Кстати, согласно неофициальным данным, именно преступная группировка литературоведов, контролировавшая в конце девятнадцатого столетия город Лондон, натравила британские власти на Оскара Уайльда, причём не за гомосоциализм, как принято считать, а за то, что в предисловии к «Портрету Дориана Грея» он разгласил их главную, пуще глаза оберегаемую тайну: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

И это всё о криминальной субкультуре литературоведов.

* * *

Тэк-с. С одним обидчиком разделался играючи. С другим – сложнее. Как уже отмечалось в эссе «Взгляд со второй полки», чем сильнее закручиваются гайки властями, тем пренебрежительнее относится обыватель к моему ремеслу. А ведь ещё совсем недавно, в смутные времена, тихий был, пуганый, фантастику на всякий случай боязливо уважал: чёрт её знает, вдруг она тоже правда! Теперь же, видя признаки наступающего порядка (вот и

поезда опаздывать стали, и продавщицы хамить), приободрился наш цыплёнок жареный, голосок подал, вспомнил, как клювик морщить.

– Привет фантастам! – развязно здоровается он со мной на улице.

Прижмёшь его в споре – тут же найдётся:

– Конечно! Ты же у нас фантаст…

А сам, между прочим, налетев на неожиданность, каждый раз ахает: «Фантастика!» – не понимая, что одним уже восклицанием этим лишает себя морального права упрекать одноимённое литературное направление за отрыв от жизни.

Предстоящая мне задача непроста: доказать – и не просто доказать, а объяснить на пальцах всем недоброхотам фантастики, что их «реальная жизнь» не меньший, а то и больший вымысел. Собственно, я уже высказывался на эту тему и не однажды, но, боюсь, выпады мои неизменно воспринимались в юмористическом ключе. Поэтому на сей раз я постараюсь подойти к делу по возможности серьёзно. Заранее прошу простить меня за чрезмерное увлечение подробностями, но, как говаривал один мой друг-газетчик, репортаж есть набор свидетельств, что ты был в данное время в данном месте.

Начнём, благословясь.

Севастополь. Пироговка. Акации с шипами, роскошными, как оленьи рога, двухэтажные дома из инкерманского камня. Мне одиннадцать лет. Пыльные сандалии, просторные синие трусы, оббитые ороговевшие коленки. В одном из дворов – налитый до краёв бассейн: круглый, метровой высоты. Зачем он там, сказать трудно. Видимо, на случай пожара. Для купания грязноват, а запускать кораблики – в самый раз.

Шагах в десяти от меня на бетонной (а может, кирпичной, но оштукатуренной) стенке бассейна, стоя на коленях, пытается достать прутиком свою парусную дощечку самый младший из нашей оравы – девятилетний Вовка Брехун. Кличка обидная и несправедливая. Плакса, ябеда, маменькин сынок, но почему Брехун? Уж кто горазд врать – так это я. Приехал из Оренбурга и пользуюсь этим вовсю: рассказываю взахлёб, как плавал по Уралу в прозрачной подводной лодке и ловил под землёй недобитых фашистов. Поди проверь! Однако разнузданное воображение ни у кого из пацанвы протеста не вызывает, поэтому прозвище у меня вполне уважительное – Аримбург (орфография выверена по надписи на асфальте).

И вот, силясь дотянуться прутиком до кораблика, Вовка Брехун внезапно теряет равновесие и летит торчмя головой в мутный желтоватый с прозеленью омут. Оторопь, затем восторг.

Мальчишеский, злорадный. Ох, достанется сегодня Брехуну! Ему ж мамочка к бассейну близко подходить не разрешает…

Однако дальше происходит нечто странное. Вместо грязной и мокрой головы на поверхность выскакивает ступня в сандалии, потом другая – и они как-то вяло принимаются шлёпать по воде. Что он делает, дурак! Ему же достаточно нащупать ногами дно и встать. Глубина, повторяю, метр.

Почему я не бросаюсь на помощь? А чёрт его знает! То ли срабатывает родительский запрет на купание в бассейне, где «всякая зараза плавает», то ли боязнь проявить героизм без санкции старших. Кроме того, не следует забывать, что Брехун – наименее значительное лицо в нашей компании, которого как-то и спасать неловко. Впрочем остальные ведут себя не лучше. Кричать, правда, кричим, но скорее ликующе, чем испуганно:

– Брехун тонет!..

Потом на бетонную стенку вспрыгивает рослый парень в светлых отутюженных брюках, белой рубашке, туфлях. Должно быть, за ним наблюдает его девушка, поскольку всё, что он делает дальше, красиво до невозможности. Чётко, как на соревнованиях по плаванию, он приседает, отведя руки назад, затем вонзается в воду «щучкой», хотя при его росте разумнее просто слезть в бассейн.

Чудом не вписавшись в дно, выпрямляется, весь мокрый, весь в какой-то дряни, и на руках его тряпично обвисает наш утопленник.

Нервы мои не выдерживают – и я со всех ног кидаюсь домой с потрясающей новостью: Брехун утонул!.. Ну, чуть не утонул!

Поступок опрометчивый: выслушав мой сбивчивый рассказ, наверняка оснащённый выдуманными по дороге душераздирающими подробностями, во двор мне вернуться не позволяют. А через некоторое время раздаётся звонок в дверь. На пороге – дворовые активисты: две вредные тётки («тёханки», как мы их называли) и не менее вредный мужичонка («дяхан»). Но, самое удивительное, сзади из-за их спин выглядывают оробело-сердитые лица пацанов.

Никакого свежего греха я за собой не ведаю, но, раз пришли, значит что-то натворил.

– Ваш сын, – торжествующе объявляет тёханка, – спихнул мальчика в бассейн…

Всё это настолько невероятно и несправедливо, что от обиды я ударяюсь в самый постыдный рёв, чем окончательно подтверждаю свою вину. Несколько дней меня не выпускают гулять, все попытки оправдания пресекаются решительнейшим образом. Действительно, нельзя же врать и выкручиваться столь

нагло и бесстыдно! Свидетелей-то – полон двор.

Наконец срок заключения истекает, и мне позволяют выйти из дому. Первым делом нахожу пацанов.

– Сквора! Гусёк! Ну вы же видели, что я никого не толкал…

Слушайте, они меня чуть не побили.

– Кто не толкал? Ты не толкал? Я видел! Гусёк видел! Ты же по стенке шёл мимо Брехуна – и вот так двумя руками в спину его толканул…

Они не врали. Они были искренне возмущены моей неумелой попыткой заморочить им голову.

Испуганный, сбитый с толку, я тут же постарался забыть эту историю – и правильно сделал, потому что думать о таком, когда тебе всего одиннадцать лет, – это и с ума сойти недолго.

Что же произошло? Думаю, событие воссоздавалось следующим образом. Брехун упал в бассейн. Аримбург убежал. Почему убежал Аримбург? Испугался. Чего? Ну ясное дело, того, что столкнул Брехуна в бассейн. И вот в памяти пацанов складывается ясная чёткая картина – одна на всех: Аримбург идёт по стенке и двумя руками изо всех сил толкает в спину Брехуна. Допрашивай их с пристрастием, сличай показания – факт очевиден.

Понадобилось прожить жизнь, чтобы понять: любое наше воспоминание – о чём бы оно ни было – строится именно по приведённому выше образцу. Полагаю, что люди вообще гораздо искренней, чем о них принято думать. Они почти никогда не лгут, просто случившееся отпечатывается у каждого по-своему. И если бы только по-своему! И если бы только случившееся!

* * *

Однажды я спросил Сергея Синякина:

– Серёжа, а вот, скажем, выезжаешь ты на труп. У тебя пять свидетелей. И все они слово в слово показывают одно и то же…

Начальник убойного отдела задумался, но лишь на секунду.

– Ну, значит, успели уже друг с другом переговорить, – с уверенностью профессионала заключил он.

Страшное это дело – коллективная память.

Но и индивидуальная тоже хороша.

Недавно я с умилением напомнил Марине Дяченко, как любовался её дочкой в колыбельке: вся такая розовая, крохотная…

– А ты разве у нас в девяносто пятом был?

– Да, – отвечаю с гордостью. – Восьмого марта.

– Позволь, но Стаска родилась позже.

Секундное остолбенение.

– Минутку, минутку… – ошалело бормочу я. – Как же… Восьмое марта… девяносто пятый…

Это что же получается? Это получается, что в Киеве восьмого марта девяносто пятого года Маринка в упоении рассказывала мне о том, как прекрасен любой новорождённый младенчик, а у меня, стало быть, из её слов сложилась иллюзия, будто бы… Да нет же, нет! Я ведь не только Стаску – я и кроватку запомнил, и комнату. Хотя это-то как раз просто: счастливые Серёжа с Мариной могли показать мне заранее подготовленную колыбельку и прочее.

И сам собой возникает вопрос: а вдруг меня и с Брехуном память подвела? Были же случаи, когда преступник, ужаснувшись содеянному, забывал всё напрочь!

Хорошая версия. Остроумная. Но, к сожалению, кое-что в ней представляется сомнительным. Вернёмся в Севастополь.

В том же году я преподнёс родителям ещё один подарочек – нечаянно поджёг строящийся жилой дом, уронив горящую спичку на тюк сухой прессованой пакли. Хорошо – без жертв обошлось. Из подвала нас вынесло с опалёнными бровями. Пожар тушили чуть ли не полдня. И всё помню. Помню, как, плача от раскаяния, выхватывал из-за пазухи и швырял оземь спичечные коробки и прочую пиротехнику, как умолял пацанов никому ничего не говорить, а они, обезумев, радостно вопили: «Раля Аримбургу!»

Что такое раля? «Раля» (она же «ролянка») представляла собой сколоченную из дощечек тележку на четырёх подшипниках – самодельный, оглушительно визжащий по асфальту прообраз нынешнего скейта. Бились мы на них немилосердно. Возможно, поэтому слово «раля» в нашем дворе употреблялось также в значении «хана», «амба», «капут»…

Видите, даже вопли пацанов могу дословно воспроизвести.

Поэтому как-то, знаете, маловероятно, что сбрасывание Вовки Брехуна в бассейн я с перепугу забыл, а поджог стройки запомнил в мельчайших подробностях, хотя для одиннадцатилетнего мальчишки он должен был представляться куда более грандиозным преступлением.

Обычно задумываться о таких вещах не позволяет инстинкт самосохранения. Нормальному обывателю прежде всего необходимо осознание собственной правоты, а какая, к чёрту, правота, если вдруг заподозришь, что все твои знания об окружающем мире не более чем миф, продукт коллективного или индивидуального творчества!

Легко предвидеть, многие (те самые, что видят в фантастике

попытку разрушить привычный порядок вещей) огрызнутся примерно так: а может, ты просто с детства склеротик?

Возможно, возможно. Но тогда почему эти апологеты реальности, стоит ввязаться с ними спор, неизменно восхищаются (даже сейчас!) моей якобы изумительной памятью? И почему их собственные воспоминания разительно меняются с годами?

Так в брежневские времена дедушки моих знакомых поголовно гибли в боях с белогвардейцами, а дяди – защищая Советскую Родину от фашизма. Однако, стоило начаться перестройке, как те же самые дедушки оказались расстрелянными ЧК, а дяди сгинули в недрах гулага. И ведь не врут – хоть на детекторе лжи проверяй. Видимо, всё это вместе и называется альтернативной историей.

Собственно, история другой и не бывает.

Как выразился персонаж того же Достоевского, «враньё всегда простить можно; враньё дело милое, потому что к правде ведёт. Нет, то досадно, что врут, да ещё собственному вранью поклоняются».

Кстати, хорошее определение литературного приёма, именуемого фантастикой: враньё, ведущее к правде. Однако обаятельнейший персонаж Фёдора Михайловича несколько смягчил выражения: когда речь заходит о правоте, а тем более о целостности мира и рассудка, собственному вранью не просто поклоняются – ему верят, самозабвенно и безоглядно. До возникновения зрительных и звуковых образов.

* * *

Боюсь, моя неотцентрованная аргументация зацепила рикошетом не только противников, но и некоторых любителей фантастики – из тех, что искренне полагают её выдумкой, созданной исключительно для их развлечения: «Позвольте, позвольте! Мы ж не в позапрошлом веке живём. Истинность или ложность свидетельств легко установить с помощью… да хотя бы камер слежения!»

Увы, камеры слежения лгут сплошь и рядом. Говорю вам это как поклонник бокса (наименее лицемерного из человеческих занятий). Одна камера при повторе эпизода утверждает, что удар пришёлся вскользь, другая – что в самую точку, третья – что удара не было вообще. Поэтому судьи и полагаются по старинке на собственные опыт и интуицию.

Как тут не вспомнить древнюю притчу о трёх слепцах, ощупывавших слона! Но ведь и зрячие ведут себя подобно

слепым: один видит только ногу, другой – только хвост, третий – только хобот. И каждый готов ради правды взойти на эшафот.

Скажете, преувеличиваю? Как это можно, имея глаза, не увидеть?

А вот как.

Шли два приятеля, два взрослых человека мимо кинотеатра, где крутят старые фильмы, – и заметили на афише нестерпимо знакомое название. Картину эту они смотрели в детстве не раз и не два. Захватывающая была картина. Особенно заставлял содрогаться эпизод, когда из тумана выползало орудие величиной с фабричную трубу, выстрелом из которого злодей собирался разом уничтожить человечество. Перемигнулись приятели – и решили зайти поглядеть, над чем же это они обмирали от сладкого ужаса лет двадцать назад. Честно сказать, ждали разочарования. Однако после сеанса вывалились оба на улицу в полном восторге, изнемогая от хохота. То, что они по ребячьей наивности принимали за боевик, на поверку обернулось пародией. Причём самыми уморительными оказались именно те кадры, когда выезжала из тумана жуткая пушка. По стволу её, как теперь выяснилось, шествовал дворник с метлой – и подметал. К выстрелу готовил. А то, знаете, стояла в бункере, запылилась. Иными словами, пушку приятели в детстве – видели, дворника – нет. Не вписывался он в мировую катастрофу.

И обратите внимание, с какой восхитительной точностью укладывается приведённый случай в систему образов притчи: хобот – пушка, дворник – хвост, а слон – это кадр в целом.

Давно известно, что человек воспринимает окружающий мир в большей степени мозгом, нежели органами чувств. Вот почему мы столь часто слышим не то, что нам сказал собеседник, а то, что ожидали от него услышать.

Ещё одна тонкость. Возьмите любую анонимку. Если её автор не является потенциальным клиентом психушки, особого разгула фантазии в тексте вы не найдёте. Изложенные факты имели место быть, просто истолкованы они не в пользу жертвы. Механизм прост: каждый наш поступок непременно вызван не одной, а многими причинами. Иные из них достойны уважения, иные постыдны. Аноним всего-навсего перечисляет (с искренним, учтите, возмущением!) исключительно причины второго рода, и никакими камерами слежения вы его не опровергнете.

Полагаю, что в свете сказанного клевету вполне можно приравнять к альтернативной реальности.

* * *

Чем дальше в прошлое отодвигается событие, тем фантастичнее оно становится. И, чем большее количество людей, принимало в нём участие, тем грандиознее вымысел.

Известно, что история бывает двух видов: мифологическая (её мы знаем по школьным учебникам) и, условно говоря, фактическая (с ней можно встретиться в трудах профессиональных исследователей). Обе то и дело решительно противоречат друг другу. Исходя из того, что большинство населения знакомо только с мифом, харьковский фантаст Андрей Валентинов (Шмалько) предложил следующий рецепт: напиши всё, как было, и получится альтернативная история. На худой конец – криптоистория.

К сожалению, остроумный совет запоздал века этак на полтора. В конце шестидесятых годов девятнадцатого столетия увидела свет эпопея Льва Толстого «Война и мир», где автор, отрицая принцип изложения «с пошлой европейской, героичной точки зрения» и пытаясь восстановить истинный ход событий, по сути покусился на продукт коллективного творчества, чем до глубины души возмутил ветеранов. «Я сам был участником Бородинской битвы и близким очевидцем картин, так неверно изображённых графом Толстым, и переубедить меня в том, что я доказываю, никто не в силах, – бушевал А.С. Норов. – Оставшийся в живых свидетель Отечественной войны, я без оскорблённого патриотического чувства не мог дочитать этого романа, имеющего претензию быть историческим».

И ветерана можно понять. Дело даже не в том, что автор с маниакальной скрупулёзностью рушит одну за другой милые русскому сердцу легенды, – он ещё и подводит под это философскую базу.

«Когда человек находится в движении, – пишет граф, – он всегда придумывает себе цель этого движения».

Если же движение (читай: поступок) почему-либо не нравится человеку, он задним числом перекраивает его в своей памяти:

«Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Да, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобрать в этой путанице, что было и чего не было?»

Не зря же один из персонажей романа «знал по собственному опыту, что, рассказывая военные происшествия, всегда врут».

Допустим, так оно и есть, но придать войне смысл возможно только с помощью вранья. Иначе станет обидно за державу. Однако граф беспощаден. История, совершенно справедливо заключает он, не соответствует описываемым событиям, поскольку основывается на ложных донесениях (см. выше):

«Ежели в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперёд определённому плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны».

Достаётся и нашим:

«Русские военные историки должны невольно признаться, что отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова».

И неизбежный вывод:

«Выигранное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания».

Логика графа безжалостна: если все донесения хотя бы наполовину лживы, то любой военачальник, будь он семи пядей во лбу, командует химерами и живёт в фантастическом мире.

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, – утверждает Толстой, – но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

А в первой редакции романа – ещё круче:

«Чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством».

Всяк корпевший в школе над сочинением по «Войне и миру» знает, что главное ничтожество среди полководцев – это, конечно, Бонапарт. Ибо относится к себе всерьёз. В отличие от своего ветхого годами противника, ухитрившегося в разговоре с Растопчиным запамятовать о том, что уже сдал Москву французам. Очевидно таким и должен быть идеальный стратег, поскольку главное его достоинство, в понимании автора, не путаться под ногами исторического процесса:

«Очевидно было, что Кутузов презирал ум, и знание, и даже патриотическое чувство… Он презирал их своей старостью, своей опытностью жизни».

Как выясняется, правильно делал, поскольку, по мнению графа, любая попытка умышленно повлиять на происходящее обречена изначально:

«Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью».

И, разумеется, в первую очередь бесплодностью поражаются адепты воинского искусства. Уж лучше невежество в чистом виде:

«Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и твёрже всех, и

противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Подвергаются сомнению самые азы науки побеждать:

«Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа».

Иными словами, получили по шее и разбежались – всего-то делов! А упомянутое тактическое правило – не более чем попытка «натянуть факты на правила истории».

Предвижу обиду бесчисленных наших поклонников самурайщины, однако в первой редакции романа Болконский накануне Бородинской битвы говорит Пьеру буквально следующее:

«Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины… ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас… но мы делаем то же самое… Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, чтобы помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня».

Хочешь не хочешь, бывшему артиллерийскому офицеру приходится разрушить ещё один миф – о благородстве ратного дела:

«Цель войны – убийство, орудия войны – шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия – отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство».

И если бы речь шла об одних французах! Склонность героического православного воинства к насилию и грабежу признаётся в романе даже русскими дипломатами.

Жутковата и сама концепция произведения, совершенно естественно проистекающая из вышеприведённых посылок:

«Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел».

Немудрено, что автор сплошь и рядом оказывается по ту сторону того, что мы, в силу косности, привыкли именовать добром и злом:

«Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можем сказать, для чего она полезна и для чего вредна».

* * *

Такая вот, милостивые государи, безжалостная криптоистория, то бишь реконструкция исторических событий. Можно принимать её, можно не принимать, но в последовательности графу Толстому отказать трудно. Не зря же накинулись на него с такой яростью все кому не лень, стоило роману появиться в печати! Стыдили, кивали на «Бородино» Лермонтова, один сатирик даже изложил не без сарказма содержание «Войны и мира» лермонтовскими семистишиями. Причём никто не вспомнил, что сам-то Михаил Юрьевич повествует от лица старого солдата, а уж как умеют ветераны проводить патриотически-воспитательную работу с молодёжью – дело известное. Одна гибель полковника чего стоит!

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой…»

Любопытно сравнить это со строками из более позднего стихотворения Лермонтова «Валерик», в основе которого лежат уже не рассказы успевших переговорить друг с другом очевидцев, а личные впечатления. Там тоже есть сцена гибели старшего офицера:

…взоры
Бродили страшно, он шептал…
«Спасите, братцы. – Тащат в горы.
Постойте – ранен генерал…»

Как видим, никаких орлиных очей, никаких громких слов – предсмертный бред и ужас оказаться в плену у чеченцев.

Да и само сражение подано чуть ли с отвращением:

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Не знаю, как насчёт гоголевской «Шинели», а у меня такое впечатление, что баталист Толстой вышел целиком из этого восьмистишия.

Вернёмся, однако, к «Войне и миру». Посягательство на миф о кампании 1812-го года сыграло с графом дурную шутку. Поставьте себя на место наших шкрабов: с одной стороны, идеи романа непедагогичны и разрушительны (причём для любого государства, в том числе и советского); с другой стороны, автор – «матёрый человечище» и «зеркало русской революции».

Как быть?

Очень просто: взять Льва Толстого и тоже превратить в миф. Объявить крамольное произведение патриотическим, рамолика Кутузова – гением, истеричку Наташу Ростову – идеалом, и самим в это поверить.

Дайте нам две любые строки любого автора – и мы включим его в школьную программу. Даже этого графа, что ради честного словца не жалел ни матери, ни отца и в таком признавался, от чего добрый россиянин может в падучей забиться:

«Вспоминая теперь всё то зло, которое я делал, испытал и видел вследствие вражды народов, мне ясно, что причиной всего был грубый обман, называемый патриотизмом и любовью к отечеству».

А теперь для сравнения выдержка из энциклопедии: «показал патриотич. порыв рус. народа, обусловивший победу России в Отечеств. войне 1812».

Так выковываются истинные патриоты.

* * *

Когда мифоборец сам становится мифом, случаются порой презабавнейшие недоразумения. Жертвой школьного учебника пал, к примеру, мой хороший друг Святослав Логинов, автор нашумевшей статьи «Графы и графоманы». Обнаружив противоречие между текстами Льва Толстого и тем, что говорилось о них на уроках, Святослав почему-то обрушился не на учителей, даже не на криминальную субкультуру литературоведов, а на самого графа. Возможно, по наивности, а возможно и потому, что когда-то был преподавателем. На своих рука не поднялась.

Самозабвенно ломясь в открытую дверь, наш паладин истины объявил произведения Толстого непедагогичными. Однако граф и

сам не скрывал своей неприязни к любой официальной идеологии, в то время как педагогика, насколько я помню, до сих пор находится на содержании у государства. Если вчитаться, пресловутая назидательность детских книжек яснополянского мудреца не то чтобы носит подрывной характер – нет, она зачастую просто отсутствует (см. статью «Графы и графоманы»).

Ещё очаровательнее выглядят упрёки Святослава Владимировича в отношении неряшливой стилистики Льва Николаевича. Граф опять-таки и сам признавал, что повествования его весьма корявы. Легенда о языке Толстого как образчике русской литературной речи целиком и полностью выдумана теми же литературоведами и педагогами. (Кто не верит, пусть перечтёт приведённые выше цитаты из «Войны и мира».)

Вот будет смеху, если правдолюбец Святослав Логинов сам со временем обрастёт бородой легенд, превратится в миф – и в свою очередь подвергнется буйному набегу новых мифоборцев!

* * *

Как видите, для простоты я ограничился бытовыми и наиболее общеизвестными литературно-историческими примерами.

Пора подбивать итоги.

Окружающая жизнь воспринимается нами настолько искажённо, что её можно смело приравнять к выдумке, а реализм – к одному из направлений фантастики. Нельзя доверять даже увиденному своими глазами. Чем безогляднее убеждён человек в достоверности собственного восприятия, тем сильнее он ошибается. Сверяя наши заблуждения с заблуждениями ближних, мы пускаем процесс по нарастающей: произошедшее оформляется сначала в ряд легенд, противоречащих друг другу, потом, как правило, в единую легенду. Наиболее фантастичны исторические события, поскольку в дело вступает ещё и фактор времени. Попытки реставрации случившегося возмутительны уже тем, что разрушают сложившееся общее мнение.

К сожалению, миф можно ниспровергнуть лишь с помощью другого мифа, свидетельством чему служат идеологические кувырки и перевёртыши, наблюдаемые при смене общественного строя, когда вчерашнее добро объявляется сегодняшним злом, а зло, соответственно, добром. Ещё одно соображение: если некое явление и после подобного кувырка продолжает пользоваться неприязнью со стороны подавляющего большинства (а

большинство всегда такое), стоит приглядеться к этому явлению повнимательней. Не исключено, что в нём-то и таится зёрнышко истины.

Поэтому на провокационный вопрос репортёра: «Чем, на ваш взгляд, фантастика отличается от журналистики?» – я, несколько сгущая краски, ответил: «Фантастика – правда, прикидывающаяся вымыслом. А журналистика – наоборот».

Итак, фантастикой мы можем назвать бегство или отступление из коллективно созданного и создаваемого поныне мифа, именуемого реальной жизнью. Не берусь утверждать, будто, чем дальше от вранья, тем ближе к правде (на самом деле, чем дальше от вранья, тем ближе к другому вранью), и всё-таки мне кажется, что мудрость данного манёвра несомненна: куда бы вы ни бежали (НФ, фэнтези, хоррор, и т.п.), всегда остаётся шанс нечаянно обрести более верное понимание действительности.

Даже если этого не случится, отбежав на достаточное расстояние, вы можете оглянуться и увидеть миф целиком – возможность, которой изначально лишён реализм, сплошь и рядом ограничивающийся, по словам Достоевского, кончиком своего носа.

Ничего нового я здесь не открыл. Похожие взгляды высказывались и прежде. Пресловутый турбореализм поначалу удивлял меня отсутствием внятной программы. Однако спустя некоторое время, когда данное движение стало тихо разваливаться, оставшийся в одиночестве Андрей Лазарчук коротко и ясно изложил суть дела:

«Реализм постулирует: мир вещественен, постигаем и описуем. Литература даёт картину этого мира.

Фантастика постулирует: мир вещественен, постигаем и описуем. Литература проводит над ним опыты.

Турбореализм постулирует: мир вещественен, однако постигается нами по большей части через описания, оставленные другими людьми. Мы не в состоянии отличить объективную истину от её искажений и преломлений. Литература даёт картину этого мира».

Формулировка настолько соответствовала моим собственным воззрениям, что я немедля прилепил из озорства «Алой ауре протопарторга», над которой в ту пору корпел, бирку «турбофэнтези». Когда же озадаченные читатели попросили объяснить, с чем это едят, ответил примерно так:

«Как известно, турбореализм исходит из невозможности отличить правду от лжи. Турбофэнтези, напротив, настаивает на том, что невозможно отличить ложь от правды. В этом вся разница».

Что же касается рецепта Андрея Валентинова, столь бестактно использованного Львом Толстым… Думаю, зря харьковский коллега ограничился всего двумя направлениями (альтернативная история и криптоистория). Наиболее полная формулировка, по-моему, должна звучать так: напиши всё, как есть, и получится фантастика.

Знать бы ещё, как оно есть…

2005

Все на зачистку родной речи!

Узревши на щите дальнозора (бывшем экране телевизора), как наши избранники принимают что-то вроде закона о русском языке, я, честно вам скажу, возликовал. Наконец-то будет дан отпор словесной немчуре, противоправно поселившейся в нашей речи! Могу себе представить, с каким наслаждением болельщики и потешные толкователи (бывшие спортивные комментаторы) вместо неуклюжего иностранного речения «футболист» будут теперь выговаривать родимое и сладкозвучное: «игрок в ножной мяч».

Дадут окорот и непечатным выражениям, попавшим в один сусек с иноязычным сором по той простой причине, что многие избранники наши не в силах отличить мудреных заграничных слов от незнакомых матерных. Хотя здесь я, возможно, хватил лишку. Представить себе думца, не знающего чего-либо в этой области, согласитесь, трудновато. Не зря же, по простодушному мнению народному, продразнище «избранник» произошло от оборота «из брани» (то есть из ругани), в чем, действительно, легко убедиться, включив тот же дальнозор.

И все же кое-что вызывает досаду. Вечно мы ограничиваемся полузапретами! Если уж уравнивать в правах мат и заимствованные с Запада словеса, то до конца. Полагаю, следует вменить в обязанности городовым (бывшим милиционерам) смело заносить в ябеду (бывший протокол) такие, например, записи: «выражался иноязычно, оскорбляя тем самым достоинство граждан».

И действенно, да и казне прибыток.

Перевести иноплеменные заимствования на русский труда не составит. Во второй половине девятнадцатого века известный стихотворец проделывал это с легкостью:

По французски – дилетант,
А у нас – любитель.
По-французски – интендант,
А у нас – грабитель.

По-французски – сосьетэ,
А по-русски – шайка.
По-французски – либертэ,
А у нас – нагайка.

Необходимо также вспомнить бесценный опыт славянолюбцев (бывших славянофилов), неутомимых борцов с иноземщиной, изобретателей мокроступа (бывшая галоша), и уж, конечно, всенепременнейше привлечь на помощь Владимира Ивановича Даля, признанного искусника (бывшего мастера) перелагать зарубежные речения на язык родных осин. Ну разве не прелесть:

Атмосфера – колоземица, мироколица.

Агрегат – сгнетка.

Автомат – живуля.

(Впрочем, насчет автомата я не совсем уверен. Смотря, что за автомат. Если АКМ, то какая ж, к черту, «живуля»? Наоборот!)

Неудовлетворительная подготовка наших избранников в области любословия (бывшей филологии) привела к тому, что, потребовав заменить «компьютер» на «вычислительную машину» бедолаги сели в мокроступ, проморгав чуждое нам происхождение слова «машина». В.И. Даль переводит его как «снаряд», «подсилок».

Стало быть, «вычислительный подсилок». И никак иначе!

Читатели! Поможем нашим избранникам! Узрев иноязычие, не проходите мимо! Немедленно переложите его на русский без всякого стеснения (бывших церемоний)!

Примерно так:

Спикер – говоритель.

Брокер – разоритель.

Террорист – ужасник.

Патриот – отчизник.

Фотография – светопись.

Кинематография – двигопись.

Интернет – промеждусетие.

Антисемит – противожид.

Физический – телесный.

Астрофизика – звездотелесие.

Интеллигент – умный больно!!! (именно так, с тремя восклицательными знаками.)

Е. Лукин

Затворите мне темницу
Вполне цензурные соображения

Вчерашний раб, уставший от свободы
Возропщет, требуя цепей.

Максимилиан Волошин

Ну вот и будущее (оно же прошлое, оно же настоящее). Уже здесь, уже осязаемо. Включишь телевизор – там с вредными книжками воюют, откроешь журнал – там вампиров клеймят, зайдёшь в союз писателей, а там один поэт поучает другого: «Ты, когда стихотворение напишешь, прежде чем публиковать, батюшке его покажи. Благословит – тогда печатай».

Знакомые распались на два лагеря. Одни:

«Да что ж это за беспредел такой? Впору цензуру вводить!»

Другие:

«Слушай, куда катимся? Этак цензуру введут!»

Собственно, почему бы и нет? Недаром же многие литераторы (см. выше) заблаговременно пытаются выполнять требования ещё не учреждённого лито. А раз объявились выполняющие, то рано или поздно объявится и требующий.

Когда всё возвращается на круги своя, невольно переживаешь вторую молодость. Помню, какой прилив ребяческих чувств ощутил автор этих строк на стыке двух миллениумов, прочтя критическую статью, обличавшую его в отсутствии положительных героев (для тех, кто не застал: обычное обвинение внутренних рецензий образца 80-х).

А сколько лет автор скинул разом, когда выдающийся наш политтехнолог принялся на конференции заклинать фантастов (не публицистов, не бытописателей), чтобы те не выискивали мрачных черт в окружающей мерзости, сосредоточились на чём-то пусть редком, но светлом, – и очень обиделся, услышав из зала «соцреализм»!

А уж когда автору показали результаты голосования жюри некой премии, где за выставленным нулём следовала поясняющая пометка «идеологически вредное произведение», он, если позволено будет так выразиться, чуть в ностальгии не забился.

Здравствуй, благословенная пора моей юности! Вернулась, не забыла… И почти не изменилась! Разве что вместо слова «антисоветский» в ходу теперь громоздкий оборот

«оскорбляющий религиозное и национальное достоинство».

Значит, говорите, грядёт цензура? А знаете, она для меня и после 1991-го не исчезала бесследно: то рассказик по политическим соображениям вернут, то куратор думской областной газеты с особым цинизмом запретит мою постоянную стихотворную колонку «Столбец всему».

Как поучал европейский мыслитель позапрошлого века: несущественно, сколько точек зрения разрешено официально, – тот, кто мыслит самостоятельно, всё равно ни в одну из них до конца не впишется.

Цензура была, есть и будет, просто сейчас она несколько раздробилась, обратясь из монолита в отдельные глыбы, глыбины и мелкие осколочки.

Вновь воскрес такой, казалось бы, вымерший вид, как пуганый редактор. Ну кого, скажите, в наши времена может устрашить следующий пустячок?

Хорошее отношение к голубям

Когда я вижу, что на мой балкон
опять нагадил некий Голубь Мира,
а может быть, и вовсе Дух Святой,
к чему гаданья: он или не он
сейчас воркует с нежностью эмира,
пленённого невольницей простой?
Когда он, ясно видимый отсель,
то тянет шею типа Нефертити,
то делает из бюста колесо,
я навожу пневматику на цель,
а там – летите, пёрышки, летите
и передайте Пабло Пикассо,
что он – неправ.

Тем не менее этот цветок невинного юмора в местной (волгоградской) прессе опубликовать, представьте, так и не удалось. Одна газета побоялась обидеть верующих (Дух Святой), другая – ветеранов (Голубь Мира), третья и вовсе инкриминировала чуть ли не пропаганду насилия.

Знаю, последует возражение: «Передёргиваете, любезнейший! Не про цензуру вы говорите, а про редакционную политику. Цензура – это учреждение. Цензор – это должность…»

А хотите расскажу о цензоре как о должности?

* * *

Свалилась на нас с Любовью Лукиной в 1981-м году нечаянная радость: блуждающая по знакомым рукопись попала на глаза редактору новорождённой «Вечёрки», и тот решил её опубликовать. А мы-то, бедолаги, собирались уже до конца дней «в стол» работать.

Ждём, трепещем. И вдруг звонят в наборный цех (я тогда работал выпускающим в Доме Печати), говорят: «Поднимись на 13-й, там ваша повесть лежит».

– А что там, на 13-м?

– Как что? Цензура.

Опаньки! О цензуре-то мы и не подумали. Кто ж знал, что будет шанс напечататься! Для собственного удовольствия

сочиняли…

Пока шёл к лифту, судорожно припоминал: а ведь герой-то у нас – фарцовщик, да еще и не раскаявшийся! И нигде не сказано о руководящей роли партии! И светлое будущее, куда герой наш с дура ума попадает, подозрительное какое-то. Ой, а коммунистическое ли оно? Зарубят ведь повестушку-то…

Выхожу на 13-м, а там стоит перекуривает хороший знакомый, работавший недавно в «Волгоградке». Румяный такой, полный, улыбчивый.

– Саша, где тут цензор сидит? – спрашиваю осторожненько.

– Это я, – приветливо отзывается он.

– Вижу, что ты. Цензор где?

– Ну вот… перед тобой…

Немая сцена.

– Рукопись… у тебя?

– У меня.

– И?

– Что «и»? Прочитал – иди забери.

– Куда?

– Куда-куда! В печать!

Какая была красивая мрачная легенда! А что оказалось? Сидит человек в каморке, елозит пальцем по списку одиозных фамилий и нерасформированных полков. Нету? Значит, в печать. Какой ему смысл за те же деньги гробить зрение и ловить чёрную кошку в тёмной комнате, если точно известно, что материалы на 13-й этаж поднимаются уже идеологически выдержанные, так сказать, дистиллированные…

Позвольте, позвольте! А кто ж их доводил до идеологически дистиллированного состояния?

Да все, через кого они проходили. Начиная с автора и кончая редактором. Каждый сам себе цензор, ибо карьера дороже. Как говаривал сатирик: «Благо странам, которые, в виде сдерживающего начала, имеют в своём распоряжении кутузку, но ещё более благо тем, которые, отбыв время кутузки, и ныне носят её в сердцах благодарных детей своих».

Думаю, не будет ошибкой сказать, что цензура как явление представляет собой единую редакционную политику. То есть достаточно выстроить издателей – и вот она вам, всероссийская цензура, независимо от того, сидит или не сидит на 13-м этаже служащий со списком табуированных имён. (Имя-то заменить, согласитесь, труда не составит. А читатель уж как-нибудь сам затабуирует.)

Тут, конечно, могут снова поддеть: да, но в 1984-м идеологический наезд на супругов Лукиных – был?

Был. Только вот ведь какая незадача: ни при чём тут цензоры. То ли не вчитывались они в наши опусы (фантастика – она и есть фантастика), то ли не желали вчитываться (зарплату же всё равно не прибавят). Зато от зоркого глаза собратьев по перу не убережёшься. Именно они, внимательнейшим образом всё изучив, накатали на нас внутренние рецензии с обвинениями в антикоммунистической направленности творчества да ещё настучали в обком и в комитет. Вот тогда-то припомнили нам и героя-фарцовщика, и дыру во времени, которая ведёт, оказывается, вовсе не в будущее, а прямиком на Запад, и даже клевету на В.И. Ленина, уж не знаю, в чём она состояла.

И, если вдруг некто маститый-простатитый начнёт во всеуслышание стонать, как его угнетала советская цензура, попросите назвать фамилию цензора. Тут же выяснится, что в виду имелся редактор, рецензент, короче говоря, такой же литератор, как и сам пострадавший. И ещё одна закономерность: чем громче стоны, тем больше вероятность, что стенающий и сам был блюстителем идейной чистоты, причём не по долгу службы, а по велению сердца.

Как вымолвил однажды со вздохом видный волгоградский поэт, елейно возведя глаза к потолку бара: «Бог на небесах разберёт, кто на кого стучал…»

Но самому, согласитесь, признаваться как-то неловко. Куда проще свалить все грехи на румяного Сашу с 13-го этажа.

* * *

Ну вот, скажут, то гэбэшников отмывал, представляя их в комическом виде («Пятеро в лодке, не считая Седьмых»), то теперь цензоров отмазывать взялся!

Но что же делать, если все знакомые мне офицеры госбезопасности и впрямь оказывались на поверку удивительнейшими раздолбаями, и это, кстати, подтверждается самим фактом развала СССР. Будь они иными, такого бы просто не стряслось.

И ещё одна странность: писатели, которых КГБ действительно брал под надзор (Борис Стругацкий, Вячеслав Рыбаков), почему-то изображают комитетчиков живыми нормальными людьми. Невольно возникает подозрение, что, чем брутальнее образы офицеров контрразведки, тем меньше автор встречался с прототипами.

Я давно привык к мысли, что моя жизнь целиком состоит из нетипичных событий. Любопытно, что и после смены

общественного строя, когда чёрное обернулось белым и наоборот, события эти поменяли окрас, но всё равно остались нетипичными.

Приведу пример.

Только-только демобилизовавшись (1975), встретил я бывшего сокурсника, успевшего стать редактором городской молодёжной газеты, и, желая оживить беседу, поведал ему забавную, на мой взгляд, историю о том, как однажды в караулке командир группы дивизионов побил начкара буханкой.

Лицо собеседника застыло.

– Этого не может быть, – с тихой решимостью произнёс он. – То, что ты рассказываешь, клевета на Советскую Армию.

Честно сказать, я слегка испугался. Не за себя, даже не за него – просто жутковато, знаете, когда живой человек превращается на глазах в статую из закалённой стали.

Прошло двадцать с лишним лет, не стало советской власти – и вот в разговоре (нет, не с ним, но с кем-то очень на него похожим) я опять привёл к слову всё ту же самую историю про побитого буханкой начкара.

Лицо собеседника застыло.

– То, что творилось в советской армии, – сказал он со сдержанной болью в голосе, – было куда страшнее. А ты своими байками пытаешься свести всё это к анекдоту…

Его устами говорило общество. В тот момент он принадлежал народу.

Иногда кажется, будто вся моя жизнь есть воплощённая клевета на наше прошлое и настоящее.

Однако продолжим отмазывать цензора.

Борис Натанович Стругацкий признал с прискорбием, что после отмены цензуры он ожидал блистательного взлёта российской фантастики и, увы, не дождался. Возникает вопрос: а так ли уж был велик вред, наносимый данному литературному направлению?

Нет, и вот почему.

Фантастика сравнительно с реалистической литературой (а тем паче с публицистикой) применяет более мощную «защиту от дурака». Если человек признаётся, что не понимает фантастики – ничего страшного, всё в порядке. Он и не должен её понимать. Боже упаси, ежели поймёт! Не помню, кому принадлежит эта мысль, но «иной от правды взбесится и покусает», как, скажем, случилось с советскими гражданами в годы перестройки.

Помню радость и удивление, когда я увидел опубликованным жуткий рассказ Андрея Лазарчука о том, как оставшийся на даче мальчик напрасно ждёт возвращения родителей из города:

прошлой ночью что-то страшно грохотало, лил дождь, теперь вот светятся деревья и приползает к порогу издыхающая облезлая собака… Всё просто: ни редактор, ни цензор ведать не ведали о признаках радиоактивного заражения – дело было, кажется, ещё до Чернобыля. Пожали плечами (о чём это он?) – и разрешили печатать.

Под прессом цензуры фантастика умнеет, под прессом рынка – напротив. Те же процессы происходят и с теми, кого раньше именовали широким читателем. Поразительно, сколь быстро он, когда-то чутко ловивший любой намёк автора, вернулся в первобытное состояние, очень точно схваченное Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в предисловии к «Герою нашего времени»: «Она (наша публика) не угадывает шутки, не чувствует иронии, она просто дурно воспитана».

Гусары – народ горячий.

* * *

Поиск крайнего дело важное, дело государственное. Ну нельзя же, согласитесь, взять и честно признаться: да, господа, в 1991-м нам срочно понадобился класс крупных собственников. Вот мы и намекнули прозрачно: сограждане, разрешаем грабить народ, страну – и ничего вам за это в течение нескольких лет не будет. Если что, разбирайтесь друг с другом сами.

Теперь приходится расхлёбывать, так что крайний позарез как нужен.

Искусство, например. Чем не «козёл опущения»!

Думаете, почему в рядах прокуратуры свирепствует коррупция? Почему менты взятки берут, с преступниками в сговоры вступают, ногами бьют задержанных?

Книжек начитались.

Прочтёт Дивова или Лукьяненко – чистый кровопийца становится.

Прикол, говорите? Увы, не прикол, а весьма распространённая мысль, доведённая до логического конца. Или до абсурда, что, впрочем, одно и то же.

Вроде бы укрощение искусства уже идёт вовсю. Список возможных оскорблений национального, религиозного и прочих достоинств растёт. Как следствие, пышно и ядовито расцветает само искусство, поскольку давно известно: хочешь, чтобы какое-нибудь явление полезло из квашни, – подвергни его полузапрету.

У Леонида Соболева в «Капитальном ремонте» есть замечательный эпизод: накануне германской войны получен

приказ убрать с боевых кораблей все деревянные предметы. Потому что горючий материал. И боцман, страдая, выносит свой рундучок. Однако деревянный палубный настил не трогают, потому что какой же это корабль без палубы?

Так, примерно, всё и будет. Рундучок вынесут, палубу оставят.

Причём имейте в виду, господа беллетристы: мы с вами именно рундучок.

Принцип отсева плевел уже сейчас бестолков донельзя. Вот на экране девушка обрушивается на некое сценическое представление за участие в нём бомжей и проституткок. И не вспомнится бедняжке, что в Евангелии тоже действуют и блудницы, и – простите, если сможете – лица без определённого места жительства («лисицы имеют норы и птицы небесные – гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»).

Призывы к крестовому походу против вредных книг дело, конечно, святое. Только где найти безвредную книгу? Их в принципе не бывает. Говорят, в прошлом году на зоне один осужденный прочёл «Колобка» и на следующий день бежал. Лишь тогда начальство колонии, спохватившись, уничтожило разлагающую литературу. О чём же оно, интересно, думало раньше?

Страшно помыслить, сколько женщин утоплено любителями песни «Из-за острова на стрежень». Споёт – утопит, споёт – утопит…

А кто сможет указать хотя бы одного вредного античного автора? Кто эти суки, развалившие Рим? Петроний? Апулей? А потребуйте изъять их из библиотек – вас филологи растопчут. Где гарантия, что через две тысячи лет литературой не будет считаться именно тот мутный поток чтива, от которого сейчас все, кому не лень, приходят в ужас?

Да, но мы-то живём не через две тысячи лет! Литераторы (в том числе и фантасты), пока их не взяли на цугундер, сами обязаны осознать, что именно они в ответе за уровень духовности нашей читающей публики…

А вот в этом-то я как раз позволю себе усомниться.

* * *

Когда отдельная человеская особь начинает в частном порядке вещать о народном благе, мнится, будто какой-нибудь ноготок (крайняя его часть) решил облагодетельствовать организм в целом. Слушаешь и думаешь: дурашка ты, дурашка.

Вот возьмёт сейчас организм маникюрные ножницы и срежет тебя напрочь. И не за то, что разглагольствовал (тираду твою слышали только такие же, как ты, ноготки), а так, для опрятности.

Но ноготку не растолкуешь. Ему очень хочется верить, что он призван спасти человека, частью которого является. Лиши ноготка этой сладостной иллюзии – сам напрочь отпадёт.

Вот и писатели тоже…

Если кому-то обидно сравнение с ноготком, то, во-первых, от такого слышите, а во-вторых, бывают сравнения и пообиднее. Ницше, например, вовсе именовал литераторов «паразиты образования». И, как нередко с ним случалось, был прав.

Это какой же манией величия надо обладать, чтобы искренне верить, будто влияешь на исторический процесс? Оглянитесь, господа. Там, в прошлом, такие влиялы, что мы рядом с ними как-то теряемся из виду. Данте, Шекспир, Пушкин. И куда же это они нас завели? Одно из двух: либо классики учили не добру, а чему-то другому, либо литература отдельно, а жизнь отдельно.

А вдруг (именно так, с междометия), если бы не Данте, не Шекспир и не Пушкин, сейчас было бы ещё хуже?

Мне наверняка было бы хуже. Человечеству – не знаю. Долгое время оно, к примеру, спокойно обходилось без кино. Да и сейчас спокойно обходится без многих изящных искусств, поскольку их ещё не изобрели. Спрашивается, чем литература лучше кинематографа? Наверное, обошлись бы и без неё.

Да, но ведь в школе-то нас учили, что искусство воспитывает!

Попробовали бы они учить другому! Тут главная задача: доказать начальству, что изящная словесность – необходима, а следовательно необходимы и они, бедные бюджетники. Примерно тем же занимаются господа писатели. Иной администратор и впрямь поверит, что без романа, изданного малым тиражом, порученная ему область погибнет. Глядишь, выдаст малую толику денежек.

Между нами, художественная литература может повлиять на общество одним-единственным способом. Прочёл вождь книжку, восхитился, воскликнул: «Вах! Так и должно быть в жизни!» Утром проснулся, выглянул в окно, а там – всё по книжке.

* * *

Нынешние виртуозы национального танца на гробах любят попрекать покойную идеологию тем, что она-де приуменьшала роль личности в истории, равно как и степень воздействия сознания на бытиё.

На словах так оно и было. Но только на словах. На деле же – культ личности, рекордное количество памятников, портреты членов политбюро на всех выпуклых местах. На словах – примат базиса, а на деле – жёсткий контроль над всеми родами и видами искусства. Писатель – рупор партии. Цензура (как учреждение) отдыхает.

Однако странная складывается картина: все почитаемые мною классики словно сговорились. Пушкин имел дерзость усомниться в инфернальной сущности Бирона, углядев в нём всего-навсего порождение обстоятельств. Льва Толстого даже коммунисты осторожно поругивали за то, что в «Войне и мире» он по сути свёл роль индивидуума к нулю. Салтыков-Щедрин выразился буквально так: «Мы ненавидим известные исторические положения, забывая, что выражение „историческое“ уже снимает с них всякое обвинение. Но ещё менее имеем мы право ненавидеть отдельные лица, принимающие участие в исторических положениях».

А Булгаков-то, Булгаков! Это надо ж было – о самом Петлюре такое вымолвить: «Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж… Не он – другой. Не другой – третий».

Ох, взовьются сейчас ноготки: «Как это не он – другой? Как это не другой – третий? Ну покажите тогда запасного Петлюру, запасного Наполеона! Цезаря наконец!»

Ноготки вы мои, ноготки. Да неужели же вы думаете, что при живом Цезаре кто-либо отважится на сей рискованный указующий жест? А если Цезарь уже почил и стал легендой – тогда тем более.

Точно такая же получается ерунда и с влиянием художественной литературы на социум. По личным наблюдениям, чтение преобразует лишь досуг граждан (скажем, ролевые игры). Помахали мечами в рощице – и разошлись по рабочим местам.

Помнится, главным примером воздействия книги на общество в вузах советских времён считался роман Чернышевского «Что делать?» И мучал меня, студентика, вопрос: «А что стало с малыми предприятиями, учинёнными по образцу описанного Николаем Гавриловичем? Куда они делись?»

Уничтожены властями? Да ну, глупость. Частная же собственность! И потом, случись такое, преподаватели об этом не преминули бы с торжеством объявить. Тогда остаётся всего два варианта: либо не выдержали конкуренции, либо в результате её мигом переродились в обычные, не отличимые от прочих мастерские.

Вот вам и всё воздействие на жизнь.

Да, но чтение формирует человеческую личность, а общество-

то как раз из личностей и состоит! Стало быть…

Увы, в том, что хорошее общество должно обязательно состоять из хороших людей, усомнился ещё Монтень. «Царь Филипп, – пишет он, – собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название (Понерополис). Полагаю, что и они из самых своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество».

Между прочим, Монтень – современник Грозного. «Подумать только, – восклицает по этому поводу Юрий Олеша, – у нас жарят на сковородке людей на Красной площади, а тут такая шутка о поцелуях, принесённых домой на усах!» Всё так, если бы не одно маленькое «но»… Во Франции тех времён кровушки-то лилось, пожалуй, больше, чем в России. Вот что пишет страшилище наше Иван IV в Вену Максимилиану II по поводу Варфоломеевской ночи: «Христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил». Такое впечатление, что взлёт искусства никак не влияет на количество проливаемой крови. Эллада – резня и шедевры, Ренессанс – шедевры и резня. Да что далеко за примерами ходить: не мы ли сразу же после Толстого и Чехова учинили гражданскую войну со всеми её последствиями (включая «Белую гвардию» и «Тихий Дон», которые тоже ничему нас не научили)?

Мало того, должен смущённо признаться, что сомневаюсь и в патентованно благотворном влиянии искусства на отдельно взятую личность. Если чтение действительно облагораживает, то почему в жизни мне встречались подчас, с одной стороны, весьма начитанные мерзавцы, с другой – отзывчивые умные люди, последнюю книгу одолевшие в школе, причём из-под палки?

К счастью, от далеко идущих выводов меня удержали не менее многочисленные обратные примеры. В конце концов я пришёл к заключению: научив негодяя тонко понимать и чувствовать литературу, человека из него не сделаешь. Из него сделаешь негодяя, который тонко понимает и чувствует литературу. Илья Эренбург пишет об эсэсовцах, уничтожавших детей неарийских национальностей. Так вот, в дневниках этих специалистов встречаются весьма глубокие замечания относительно творчества Шиллера и Гёте.

Потом, кажется, в записках Даниэля я прочёл о том, как некто стал профессиональным вором, будучи очарован рассказом Горького «Челкаш». А произведение-то, между прочим, считалось полезнейшим…

Чему уподобить книгу? Сильному лекарственному средству, продаваемому без рецепта. Кому-то от него станет лучше, кому-то хуже, а на кого-то препарат не подействует вовсе. В итоге здоровье населения в среднем останется примерно на прежнем уровне.

Итак, если признать, что влияние искусства на жизнь общества минимально, а на жизнь индивида непредсказуемо, то, стало быть, можно считать доказанным, что цензура предназначена исключительно для переноса вины с больной головы государства на здоровую голову автора и в основном годится лишь на то, чтобы портить бедняге кровь или, скажем, вселять в него ложное чувство собственной значимости. Ну и ещё кое-зачем, но об этом речь пойдёт ниже…

Тогда для кого же ты, ноготок, всё это пишешь? Уж не для организма ли в целом?

Боже упаси! Исключительно для таких же, как я, ноготков, убоявшихся или, напротив, возжаждавших контроля за шаловливыми писательскими ручонками.

* * *

Разумеется, возникновение госнадзора за книжной продукцией при наличии нынешнего рынка, Интернета и легиона частных издательств кажется маловероятным. Хотя, помнится, распад Советского Союза представлялся и вовсе невозможным.

Об ужасах цензуры говорили достаточно долго, громко и протяжно. Поговорим лучше о приятных её сторонах – на тот случай, если сия благодать нас всё-таки настигнет.

По мнению А.С. Пушкина (так утверждала Марина Цветаева), главное достоинство цензуры заключается в том, что она рифмуется со словом «дура». Правда, чиновник – дурак лишь по должности, но это волновать не должно, ибо его частная жизнь нас не касается.

Начнём с того, что цензура (как учреждение) всегда проигрывала. Несколько хрестоматийных примеров.

Николай Васильевич Гоголь, работая над «Невским проспектом», сильно опасался, что придерутся к сцене посечения поручика Пирогова пьяными немцами-ремесленниками (оскорбление чести мундира), и на всякий случай заготовил запасной вариант, где офицер подвергается экзекуции, будучи в партикулярном платье: «Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный

человек в сюртучке и без эполетов».

Воля ваша, но ужасно жалко, что цензор не придрался (а оно ему надо было – за те же деньги?). Резервный вариант явно ехиднее основного.

В том случае, если произведение запрещалось в целом, как, скажем, случилось с «Горе от ума», оно немедленно разбегалось в списках. Сейчас это тем более просто: скопировать файл – дело нескольких мгновений. Плохо другое. Пока переписываешь от руки, многое запомнишь наизусть, чем отчасти и объясняется такое количество крылатых фраз, выпорхнувших из бессмертной комедии Грибоедова.

Даже если чиновник исполнится служебного рвения (наподобие председателя Петербургского цензурного комитета М.Н. Мусина-Пушкина, изуродовавшего один из севастопольских очерков графа Толстого), он привлечёт к автору внимание публики – и только. По-нашему говоря, раскрутит.

Предчувствую, что в нынешних условиях совать взятку цензору придётся не за то, чтобы пропустил, а за то, чтобы запретил.

Мы многим обязаны цензуре. Самое вопиющее её преступление («Чёрный квадрат» Малевича) породило новое направление в живописи. Кстати, до сих пор не известно, что за шедевр похоронен под траурным слоем краски.

Идеологические запреты – великое подспорье и для литератора. Разграничивая то, о чём можно говорить впрямую, и то, на что можно лишь намекать, они значительно упрощают работу над произведением. Вообще роль помех в творчестве требует пересмотра.

Цензура подобна Евгению Багратионовичу Вахтангову. Недовольный ходом репетиции чеховского «Юбилея», он велел загромоздить сцену мебелью и на ошеломлённый вопрос актрисы: «А где же играть?» – сухо ответил: «А где хотите». И актриса полезла на стол. Гениальный был режиссёр…

Цензура подобна персонажу карикатуры Бидструпа, потребовавшему закрасить возмутительную надпись, отчего та сделалась вдвое крупнее.

Предвидя придирки, литератор волей-неволей обязан отточить мастерство и стать виртуозом. Возможно, для начинающих это прозвучит парадоксом, но, чем больше над рукописью работаешь, тем лучше она становится. А как сказал помянутый уже здесь философ: «Исправление стиля есть в то же время исправление мышления».

Потому-то мудрый Иосиф Виссарионович, зная по опыту беспомощность цензуры как учреждения, понимал, что задушить

литераторов можно лишь руками самих литераторов. Точно так же, как маршалы судили маршалов, писатели травили писателей. Органам госбезопасности оставалось лишь ознакомиться с любезно предоставленными копиями внутренних рецензий.

Прикиньте, сколько надо чиновников для прочитки всего, что пишется, и вы тоже это поймёте. Воскреснет ли вновь институт благородного стукачества в писательской среде? Судя по высказываниям, устным и письменным, духовно он уже воскрес. Просто пока не востребован физически.

Но, даже если будет востребован, отчаиваться не стоит.

Представьте, как резко возрастёт цена слова в художественной литературе. Сейчас она примерно равна нулю. Дошло до того, что уже и мат перестал звучать оскорбительно.

А вот кого мне действительно будет жаль в пригрезившейся ситуации, так это читателя.

Потому что умнеть ему придётся – катастрофически.

2005

История одной подделки, или Подделка одной истории

Вступление

Тот факт, что история всегда пишется задним числом, в доказательствах не нуждается. Прошлое творится настоящим. Чем дальше от нас война, тем больше её участников и, следовательно, свидетельств о ней.

Приведем один из великого множества примеров: выдающийся русский историк С.М. Соловьев утверждал в конце прошлого века, что эстонцам совершенно неизвестно искусство песни. Утверждение, мягко говоря, ошарашивающее. Эстонские хоры славятся ныне повсюду. Остаётся предположить, что древняя музыкальная культура Эстонии была создана совсем недавно и за короткое время.

Впрочем, пример явно неудачный, поскольку само существование выдающегося историка С.М. Соловьева вызывает сильные сомнения, и очередное переиздание его сочинений – первый к тому повод.

Немаловажно и другое. Как заметил однажды самородок из Калуги К.Э. Циолковский (личность, скорее всего, также сфабрикованная), науку продвигают вперёд не маститые ученые, а полуграмотные самоучки. С этим трудно не согласиться. Действительно, давно известно, что забвение какой-либо научной дисциплины неминуемо ведёт к выдающимся открытиям в этой области. Скажем, П.П. Глобе для того, чтобы обнаружить незримую планету Приап, достаточно было пренебречь астрономией.

Итак, имея все необходимые для этого данные, попробуем и мы предположить или хотя бы заподозрить, в какой именно период времени была создана задним числом наша великая история.

1. Как это делается

Вымысел, именуемый историей, принято считать истиной лишь в тех случаях, когда он находит отзвук в сердце народном.

И какая нам, в сущности, разница, что в момент утопления княжны в Волге, Стенька Разин, согласно свидетельствам современников, зимовал на реке Яик (Урал)! Какая нам разница, что Вещий Олег вряд ли додумался наступить на череп коня босиком!

Всякое историческое событие состоит из лишённого смысла ядра и нескольких смысловых оболочек. Собственно, ядро (то есть само событие) и не должно иметь смысла, иначе отклика в сердцах просто не возникнет. Смысловые же оболочки призваны привнести в очевидную несуразицу лёгкий оттенок причинности и предназначены, в основном, для маловеров.

Возьмём в качестве примера подвиг Ивана Сусанина. Несомненно, что безымянные авторы, стараясь придать событию напряжённость и драматизм, сознательно действовали в ущерб достоверности. Они прекрасно понимали, что критически настроенный обыватель в любом случае задаст вопрос: а как вообще стало известно об этом подвиге, если из леса никто не вышел? Поэтому вокруг ядра была сформирована оболочка в виде жаркой полемики между двумя вымышленными лицами (выдающимися русскими историками С.М. Соловьевым и Н.И. Костомаровым), призванная надёжно заморочить головы усомнившимся.

Н.И. Костомаров, решительно отрицая саму возможность подвига, указывал, что зять Сусанина Богдан Собинин попросил вознаграждения за смерть тестя лишь через семь лет после оной и даже не мог точно указать, где именно совершилось злодеяние. Понятно, что, ознакомившись с такими аргументами, критикан-обыватель начинал чувствовать себя полным дураком, терял уверенность и становился лёгкой добычей С.М. Соловьева, который блистательно опровергал по всем позициям Н.И. Костомарова, хотя и признавал, что никаких поляков в тот период в Костромском уезде не было и быть не могло.

Любая попытка придать видимость смысла самому событию обречена на провал в принципе. Так, по первоначальному замыслу авторов данного подвига, предполагалось, что Сусанин поведёт поляков на Москву, но в процессе работы обнаружилась неувязка, ибо поляки, согласно сюжету, дорогу на Москву уже и сами знали. Пришлось срочно менять маршрут и вести врагов в менее известную им Кострому, предварительно поместив туда в качестве весьма сомнительной приманки ещё не избранного в цари Михаила Романова. В итоге все эти ненужные сложности отклика в народном сердце так и не нашли. Большинство нашего поэтически настроенного населения по-прежнему предпочитает, вопреки учебникам, именно Московский вариант – как наиболее

эффектный.

По данному принципу построены все события русской истории без исключения, и это наводит на мысль, что изготовлены они одним и тем же коллективом авторов.

2. Предшественники

Мысль о том, что отражённое в документах прошлое не имеет отношения к происходившему в действительности, не нова. Многие исследователи в разное время делились с публикой сомнениями относительно реальности того или иного исторического лица. Чаще всего споры возникали вокруг представителей изящной словесности, и, чем гениальнее был объект исследования, тем больше по его поводу возникало сомнений. Гомер, Шекспир, Вийон – список можно продолжить.

В отдельных случаях сомнения перерастали в уверенность. Например, очевидна подделка некоторых трудов И.С. Баркова (и, в какой-то степени, самой личности автора: неизвестные мистификаторы не смогли даже договориться, Семёнович он или же Степанович). Скандальная поэма «Лука Мудищев» выполнена талантливо, но ужасающе небрежно: выдержана в стиле начала девятнадцатого столетия, в то время как Барков, по легенде, жил в середине восемнадцатого. Поневоле пришлось объявить создателя поэмы лже-Барковым, что, конечно же, вполне справедливо.

Вообще все литературные мистификации делятся на частично раскрытые («Слово о полку Игореве», Оссиан, «Гузла», «Повести Белкина», Черубина де Габриак) и нераскрытые вовсе (примеров – бесчисленное множество). Что значит «частично раскрытые»? Только то, что исследователи, усомнившиеся в подлинности данных произведений и авторов, являются частью смысловой оболочки, т.е. тоже суть чей-то вымысел. Поэтому вопрос Понтия Пилата: «Что есть истина?» – отнюдь не кажется нам головоломным. Истина, в данном случае, – то, что не удалось скрыть.

Поначалу сомнения касались лишь отдельных исторических лиц. Первым учёным, заподозрившим, что сфальсифицирована вся история в целом, был революционер Н.А. Морозов, член исполкома «Народной воли», участник покушений на Александра II, просидевший свыше двадцати лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, впоследствии – почётный член АН СССР. Биография выдержана, как видим, в героических, чтобы не сказать – приключенческих тонах, что также наводит на

определённые подозрения.

Но Н.А. Морозов (независимо от того, существовал ли он на самом деле) усомнился далеко не во всей, а лишь в древней истории, объявив, например, Элладу позднейшей подделкой рыцарей-крестоносцев, которые, якобы, добыли мрамор, возвели Акрополь и т.д.

Нынешние последователи великого шлиссельбуржца недалеко ушли от своего легендарного учителя. Все они по-прежнему в один голос утверждают, что историю можно считать достоверной лишь с момента возникновения книгопечатания. Раньше, мол, каждый писал, что хотел, а печатный станок с этим произволом покончил. То есть, по их мнению, растиражированное враньё перестает быть таковым и автоматически становится истиной. Утверждение, прямо скажем, сомнительное. Именно с помощью печатного станка можно подделать всё на свете, в том числе и дату его изобретения. Беспощадно расправляясь с историей Древнего Мира, морозовцы по непонятным причинам современную историю – щадят. То ли им не хватает логики, то ли отваги.

3. Методы

Сразу оговоримся: мы не собираемся опровергать Н.А. Морозова – напротив, мы намерены творчески развить учение мифического узника двух крепостей.

Излюбленный приём учёных морозовского толка – сличение генеалогий и биографий. Если два жизнеописания совпадают по нескольким пунктам, то, стало быть, это одна и та же биография, только сдвинутая по временной шкале на несколько десятилетий, а то и веков.

Попробуем же применить этот метод, распространив его на историю новую и новейшую.

Среди любителей мистики и всяческой эзотерики пользуется популярностью следующая хронологическая таблица, полная умышленных неточностей и наверняка знакомая читателю:

«Наполеон родился в 1760 г.

Гитлер родился в 1889 г.

Разница – 129 лет.

Наполеон пришел к власти в 1804 г.

Гитлер пришел к власти в 1933 г.

Разница – 129 лет.

Наполеон напал на Россию в 1812 г.

Гитлер напал на Россию в 1941 г.

Разница – 129 лет.

Наполеон проиграл войну в 1916 г.

Гитлер проиграл войну в 1945 г.

Разница – 129 лет.

Оба пришли к власти в 44 года. Оба напали на Россию в 52 года. Оба проиграли войну в 56 лет».

Даже если забыть о том, что год рождения Наполеона указан неверно (о более мелких подтасовках умолчим), таблица всё равно производит сильное впечатление. Мало того, она неопровержимо свидетельствует, что биография Наполеона – это биография Гитлера, сдвинутая в прошлое на 129 лет. Иными словами, образ Наполеона Бонапарта – это облагороженный и романтизированный образ Адольфа Гитлера.

Далее. Если мы сравним действия обоих завоевателей на территории России, мы неизбежно придём к выводу, что кампания 1812 года – не что иное как усечённый вариант Великой Отечественной войны.

И это еще не всё. Исследуя Петровскую эпоху, историки отмечают, что поход Карла XII на Россию предвосхищает в подробностях вторжение Бонапарта. Да и не мудрено, особенно если учесть, что Карл XII был столь же бесцеремонно списан с Наполеона, как Наполеон – с Гитлера!

Итак, мы почти уже нащупали первую интересующую нас дату. События войны 1812 года не могли быть зафиксированы раньше начала Великой Отечественной, поскольку их просто не с чего было списывать.

4. За что воюем

Грандиозные завоевания, якобы, происходившие в давнем прошлом, порождены разнузданным поэтическим воображением, и поэтому рассматривать их мы не будем. Обратимся к недавним и современным войнам, отметив одну характерную особенность: и страна-победительница, и страна, потерпевшая поражение, в итоге всегда сохраняют довоенные очертания. Правда, иногда для вящего правдоподобия победитель делает вид, будто аннексирует часть земли, якобы, захваченную противником во время прошлой войны (наверняка вымышленной). На самом деле аннексируемые земли и раньше принадлежали победителю.

Как это всё объяснить? Да очень просто. Суть в том, что войны ведутся вовсе не за передел территории, как принято думать, а за передел истории. Франции, например, пришлось выдержать тяжелейшую войну и оккупацию, прежде чем Германия

согласилась признать Наполеона историческим лицом. И то лишь в обмен на Бисмарка.

В Европе принято, что любая уважающая себя страна должна иметь славное прошлое. Но, начиная его создавать, запоздало спохватившееся государство сталкивается с противодействием соседей, в историю которых оно неминуемо при этом вторгается. Вполне вероятно, Великой Отечественной войны удалось бы избежать, не объяви мы во всеуслышание, будто русские войска во время царствования Елизаветы Петровны не только захватили Пруссию, но еще и взяли Берлин. Само собой разумеется, что такого оскорбления гитлеровская Германия просто не могла снести.

Сами масштабы Великой Отечественной войны подсказывают, что велась она не за отдельные исторические события, но за всю нашу историю в целом. То есть мы уже вплотную подошли к ответу на поставленный нами вопрос. История государства Российского, начиная с Рюрика, была создана (в общих чертах) непосредственно перед Великой Отечественной и явилась её причиной. Доработка и уточнение исторических событий продолжались во время войны, а также в первые послевоенные годы.

5. Авторы и исполнители

Не беремся точно указать дату возникновения грандиозного замысла, но дата приступа к делу – очевидна. Это 1937 год. Начало сталинских репрессий. Проводились они, как известно, под предлогом усиления классовой борьбы, истинной же подоплёкой принято считать сложности экономического характера. С помощью калькулятора нетрудно, однако, убедиться, что количество репрессированных значительно превышало нужды народного хозяйства.

Где же использовался этот огромный избыток рабочих рук и умных голов? Большей частью, на строительстве исторических памятников. Именно тогда, перед войной, были возведены непревзойденные шедевры древнерусского зодчества, призванные доказать превосходство наших предков перед народами Европы, созданы многочисленные свитки летописей, разработана генеалогия Великих Князей Московских и трехсотлетняя история дома Романовых.

Конечно, не обходилось и без накладок. Далеко не все репрессированные работали добросовестно. Кое-какие из храмов даже пришлось взорвать – якобы, по идеологическим причинам. В

исторические документы вкрадывались досадные неточности, часто допущенные умышленно. Иногда составители документов опасно развлекались, изобретая забавные имена правителям и героям. Академик Фоменко совершенно справедливо заметил, что Батый – это искаженное «батя», то есть «отец». Странно, но вторая столь же непритязательная шутка безымянного ЗК-летописца ускользнула от внимания академика. Батый и Мамай – это ведь явная супружеская пара! (Впрочем, как мне сообщили недавно, в дальнейшем Фоменко супругами их всё-таки признал.)

Но, несмотря на все эти промахи, несмотря на неряшливый стиль произведений Достоевского и графа Толстого, созданных второпях коллективом авторов, на явную несостыкованность некоторых исторических событий, работа была проделана громадная. Ценой неимоверных лишений и бесчисленных жертв наш народ не только сотворил историю, но и отстоял её затем в жестокой войне, хотя многие солдаты даже не подозревали, что они защищают скорее своё прошлое, нежели настоящее и будущее.

Теперь становится понятно, почему Сталина, за личностью которого тоже, кстати, стояла целая группа авторов, называли гением всех времен и народов. Известно, что после войны планировалась очередная волна репрессий, и, если бы не распад головной творческой группы (1953 г.), наша история наверняка стала бы еще более древней и величественной.

Заключение

Данная работа не претендует на полноту изложения, она лишь скромно указывает возможное направление исследований.

Предвидим два недоумённых вопроса и отвечаем на них заранее.

Первый: каким образом некоторым откровенно незначительным в политическом отношении странам (Македонии или, скажем, Греции) удалось отхватить столь роскошный послужной список? Ответ очевиден: конечно, на историю Древнего Мира точили зубы многие ведущие государства Европы. Но, будучи не в силах присвоить её военным путем, они пришли к обычному в таких случаях компромиссу: не мне – значит никому. Было решено отдать древнее прошлое, образно выражаясь, в пользу нищих (греков, евреев, египтян и пр.). Греки приняли подарок с полным равнодушием, а вот евреи имели глупость отнестись к нему всерьёз и возомнили себя богоизбранным народом, за что пользуются заслуженной неприязнью во всех

странах, дорого заплативших за славу своих предков.

И второй вопрос: если главная движущая сила политики – стремление к переделу прошлого, то чем был вызван распад Советского Союза? Исключительно желанием малых народностей переписать историю по-своему, чем они, собственно, теперь и занимаются. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно пролистать школьный учебник, изданный недавно, ну, хотя бы в Кишиневе.

Многие, возможно, ужаснутся, осознав, что наше прошлое целиком и полностью фальсифицировано. Честно сказать, повода для ужаса мы здесь не видим. Уж если ужасаться чему-нибудь, то скорее тому, что фальсифицировано наше настоящее.

1999

Как отмазывали ворону
Опыт криптолитературоведения

Не тот вор, что крадёт, а тот вор, что переводит.

В.И. Даль

Переимчивость русской литературы сравнима, пожалуй, лишь с переимчивостью русского языка. Человеку, ни разу не погружавшемуся в тихий омут филологии, трудно поверить, что такие, казалось бы, родные слова, как «лодырь» и «хулиган», имеют иностранные корни. Неминуемо усомнится он и в том, что «На севере диком стоит одиноко…» и «Что ты ржёшь, мой конь ретивый?» – переложения с немецкого и французского, а скажем, «Когда я на почте служил ямщиком» и «Жил-был у бабушки серенький козлик» – с польского.

Западная беллетристика всегда пользовалась у нас неизменным успехом. Уставшая от окружающей действительности публика влюблялась в заезжих героев, во всех этих Чайльд-Гарольдов, Д'Артаньянов, Горлумов, и самозабвенно принималась им подражать. Естественно, что многие переводы вросли корнями в отечественную почву и, как следствие, необратимо обрусели.

Тем более загадочным представляется чуть ли не единственное исключение, когда пришельцу из Европы, персонажу басни Лафонтена, в России оказали не просто холодный приём – высшее общество встретило героя с откровенной враждебностью. Вроде бы образ несчастной обманутой птицы должен был вызвать сочувствие у склонного к сантиментам читателя XVIII века, однако случилось обратное.

Вероятно, многое тут предопределил уровень первого перевода. Профессор элоквенции Василий Тредиаковский, не задумываясь о пагубных для репутации персонажа последствиях, со свойственным ему простодушием уже в первой строке выложил всю подноготную:

Негде Во́рону унесть сыра часть случилось…

Воровство на Руси процветало издревле, однако же вот так впрямую намекать на это, ей-богу, не стоило. Кроме того, пугающе неопределённое слово «часть» могло относиться не

только к отдельно взятому куску, но и к запасам сыра вообще. Бесчисленные доброхоты незамедлительно расшифровали слово «Ворон» как «Вор он» и строили далеко идущие догадки о том, кого имел в виду переводчик.

Натужная игривость второй строки:

На дерево с тем взлетел, кое полюбилось… –

нисколько не спасала – напротив, усугубляла положение. «Кое полюбилось». В неразборчивости Ворона многие узрели забвение приличий и развязность, граничащую с цинизмом. Мало того, что тать, так ещё и вольнодумец!

Естественно, высший свет был шокирован. Императрица Анна Иоанновна вызвала поэта во дворец и, лицемерно придравшись к другому, вполне невинному в смысле сатиры произведению, публично влепила Тредиаковскому пощёчину. «Удостоился получить из собственных Е.И.В. рук всемилостивейшую оплеушину», – с унылой иронией вспоминает бедняга.

Следующим рискнул взяться за переложение той же басни Александр Сумароков, постаравшийся учесть горький опыт предшественника. Правда, отрицать сам факт кражи сыра он тоже не дерзнул, но счёл возможным хотя бы привести смягчающие вину обстоятельства:

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на́ дуб села.
Села,
Да только лишь ещё ни крошечки не ела…

Ворон, как видим, под пером Сумарокова превратился в Ворону. Тонкий ход. Поэт надеялся, что к особе женского пола свет отнесётся снисходительнее. Имело резон и уточнение породы дерева: по замыслу, определённость выбора придавала характеру героини цельность и отчасти благонамеренность, поскольку дуб издавна считался символом Российской державности.

Увы, попытка оправдания вышла неудачной, а для автора, можно сказать, роковой. Уберечь Ворону от читательской неприязни так и не удалось. Александр Петрович повторил ошибку Василия Кирилловича: увесистое слово «кус» опять-таки наводило на мысль именно о крупном стяжательстве. Да и сами смягчающие вину обстоятельства выглядели в изложении

Сумарокова крайне сомнительно. То, что люди тоже воруют, героиню, согласитесь, не оправдывало нисколько. Указание же на то, что, дескать, «ещё ни крошечки не ела», звучало и вовсе беспомощно. Как, впрочем, и робкий намёк на давность проступка, совершённого-де не сию минуту, а «когда-то».

Но самую дурную шутку, конечно, сыграл с переводчиком державный дуб: невольно возникал образ казнокрада, прячущегося под сенью государства. Некоторые вельможи решили, что басня – камешек в их огород. Сумарокова вынуждают покинуть Петербург. Умер поэт в нищете, затравленным, опустившимся человеком.

Неприятие образа Вороны было в тогдашнем обществе столь велико, что противостоящая ей Лиса в итоге превратилась в глазах читателей чуть ли не в положительного героя, в этакого носителя справедливости.

Потребовался гений Крылова, чтобы окончательно обелить Ворону, не подвергшись при этом гонениям. В своём переводе Иван Андреевич предстаёт перед восхищённой публикой не только блистательным поэтом, но и непревзойдённым адвокатом. Недаром, читая речи таких выдающихся юристов, как Плевако, Карабчевский, Урусов, невольно приходишь к выводу, что шедевр Крылова они знали наизусть и выступления свои строили неукоснительно по его канону.

Представьте: встаёт адвокат и долго держит паузу. Публика, осклабившись, смотрит на него с весёлым злорадством: дескать, крутись-крутись, а сыр-то она всё равно…. того-этого… Наконец как бы через силу защитник поднимает глаза и произносит с усталой укоризной:

> Уж сколько раз твердили миру,
> Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
> И в сердце льстец всегда отыщет уголок…

Умолкает вновь. Присяжные озадачены, в зале – недоумённые шепотки. О чём это он? Куда клонит?

Адвокат между тем горько усмехается.

> Вороне где-то Бог послал кусочек сыру… –

пренебрежительно шевельнув пальцами, роняет он как бы невзначай.

Не часть, обратите внимание, не кус, а всего-то навсего кусочек, из-за которого даже неловко шум поднимать. Но

главное, конечно, не в этом. Бог послал! Понимаете, в какой угол он сразу же загоняет прокурора? Стоит что-либо возразить – заработаешь репутацию атеиста.

На ель ворона…

Почему на ель? А больше не на что. Дуб скомпрометирован переводом Сумарокова, а на ель оно как-то скромнее, менее вызывающе.

…взгромоздясь…

Блестяще! Казалось бы, адвокат не щадит подзащитной, он не пытается приукрасить её, он ничего не скрывает. Но в том-то и тонкость, что это неопрятное «взгромоздясь» содержит ещё и признак телесной немощи. Обвиняемую становится жалко.

Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась…

Вообразите на секунду, сколь проникновенно мог бы опытный адвокат преподнести это «позадумалась»! (Попробуй не позадумайся: кусочек-то – махонький…) Кое-кто из публики уже пригорюнился.

И тут следует резкое, как хлыст:

А сыр – во рту держала.

(Господа присяжные заседатели, господин судья! Я прошу обратить особое внимание на это обстоятельство. Именно во рту! Будь моя подзащитная более осмотрительна…)

О сомнительном происхождении сыра давно забыто. Все зачарованно слушают адвоката…

Итак, почва подготовлена, можно сеять. Можно даже ограничиться простым пересказом инцидента, сухо бросив напоследок:

Сыр выпал. С ним была плутовка такова.

Присяжные в задумчивости удаляются на совещание. Отсутствуют они недолго, и решение их единогласно. Ворону

освобождают из-под стражи прямо в зале суда, а против Лисицы возбуждается уголовное дело.

2004

Кризис номер два

1

Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

Осип Мандельштам

Пожаловался однажды преподаватель общественных наук:

– Спросишь об экономическом положении русского крестьянства накануне петровских реформ – отвечают: «Народу в те времена жилось плохо…» Ну допустим! А после реформ? «Тоже, – говорят, – плохо жилось…» Да ёлы-палы! Народу всегда жилось плохо! Ты мне про его экономическое положение расскажи…

Вот и с фантастикой та же история.

Про какие годы ни спроси – вечно она в кризисе.

На самом деле за последнюю четверть века русская фантастика, если верить загибаемым пальцам, побывала в революционной ситуации (это когда авторы по-старому не могут, а читатели – не хотят) от силы дважды.

О первом кризисе, совпавшем с развалом Советского Союза, я поминал не раз. Поэтому повторюсь вкратце: в ту интересную эпоху – крысу ей за пазуху! – жизнь пошла невероятнее любого бреда, в результате чего термин «фантастика» практичеки обессмыслился. Согласитесь, что, когда утрачивается понятие реальности, говорить о фантастических допущениях несколько затруднительно. Не знаю, как у других литераторов, а у меня тогда состояние было близкое к панике: да можно ли вообще что-либо выдумать в этом мире? Кроме железяк, конечно…

Затем, как и следовало ожидать, российское бытиё вписалось в новые берега, народ более или менее привык к иным условиям – и кризис разрешился. Итогом его явились массовый замор «твёрдой» НФ и буйный расцвет фэнтези с сопутствующими ей хоррором, альтернативкой и проч. Передел печатных площадей исказил до полной неузнаваемости «Карту страны фантазии», нарисованную Георгием Иосифовичем Гуревичем ещё в 1967 году и сохранявшую очертания вплоть до перестройки.

В данное время, как мне кажется, стремительно нарастает кризис номер два, так что «стране фантазии», видимо, грозит второй передел территории. А может, и не грозит – может, уже идёт вовсю.

Существенное отличие нынешнего переломного момента от предыдущего заключается в том, что вызван он не кувырком окружающего бытия, как это было в прошлый раз, а кувырком общественного сознания.

Понятие реальности пусть в обновлённом виде, но вернулось к россиянам. Зато понятие реализма расширилось настолько, что фантастике опять стало не от чего отличаться.

(Тут, пожалуй, необходима оговорка: знаю, с литературоведческой точки зрения реализм и фантастика суть категории разного уровня и, следовательно, впрямую не соотносятся, однако в данном случае меня больше интересует мнение подавляющего большинства, склонного противополагать эти два явления сплошь и рядом.)

2

С кого они портеты пишут?
Где разговоры эти слышат?

Михаил Лермонтов

Сравните привычную унылую повседневность с той, что клокочет в книгах и на экране, и осознайте наконец, до какой степени вы нетипичны. Вы не пытаетесь украсть ядерную боеголовку, в погоне за нарушителем правил дорожного движения не сносите пол-Майами, в вас никогда не вселялась душа недавно погибшего знакомого.

Впрочем, сказать по правде, в эпоху соцреализма дело обстояло не лучше. Сопоставляя себя с образами современников, приходилось то и дело с горечью осознавать собственную ущербность.

«Однажды к командиру линкора постучался механик. Он рассказал о неполадках в механизмах. „Может, дадите совет, товарищ командир?“ А командир почувствовал, что ничем не может помочь: он знал меньше механика.

„Имею ли я право командовать кораблём? – думал он. – Мне ещё так много надо учиться!“»

Короче, подал рапорт и ушёл чуть ли не в подручные кочегара.

Ну куда же мне к чёрту до этаких нравственных высот! Хотя сам-то я линкором никогда не командовал. Вдруг они все там такие!

Собственно, тот факт, что тронутый идеологией реализм даст в смысле невероятности событий сто очков вперёд любой фантастике, в доказательствах не нуждается – аксиома.

Любопытно другое: нынешнее отношение искусства к презренной обыденности. Даже если какой-либо умник затеет подчёркнуто бытовой сериал, можно поспорить, что после сто двадцать пятой серии он соберёт свою команду и мрачно объявит: «Теряем зрителя…»

И в семейные разборки немедленно вклинится барабашка.

Посмотрите, что творится с уголовным романом. Уж на что я не любитель подобного чтива, и то обратил внимание: произведения мастеров, досконально знающих преступный мир, решительно вытесняются с прилавков так называемым женским детективом, то есть книгами, авторы которых, если и видели представителей криминалитета, то лишь по телевизору.

Как тут не вспомнить героя Питера Устинова – начальника полиции, единственной усладой которого были фильмы про сыщиков. Они помогали ему отвлечься от осточертевшей службы.

А достоверность любовного романа! Прямо хоть лозунг вывешивай: «Каждой уборщице – по очарованному миллионеру!»

Нет, конечно, в заповедниках областных отделений СП встречаются ещё кропотливые бытописатели, но, во-первых, публикуются они самое большее тысячным тиражом, а во-вторых, и с ними тоже в последнее время не всё по-прежнему.

– Вот ты фантастику пишешь… – роняет с неодобрением матёрый прозаик-реалист. – А я вот, знаешь, тоже взял и написал… только не как ты, а всерьёз. Почти публицистика получилась…

И вручает рассказик, содержание которого примерно таково: таксист везёт даму, и та жалуется, что ей приснилась дата смерти – сегодняшнее число, естественно. Пока шофёр пытается убедить пассажирку, что не стоит верить каждому сновидению, они прибывают по адресу. Женщина расплачивается и выходит – в аккурат под колёса самосвала.

Точка.

А! Нет! Ещё дюжина знаков препинания, между которыми втиснулись и потусторонний мир, и Космический Разум, и карма, и чего-чего только не втиснулось!

Автор, повторяю, исповедует «правду жизни» и клеймит любое от неё уклонение.

От использования откровенной чертовщины вроде бы удерживаются одни лишь создатели «социально направленных» произведений, да им оно и незачем: как уже было сказано, тронутый идеологией реализм в плане вранья даст сто очков вперёд любой фантастике.

Что остаётся? А, ну да! То, что литературоведы именуют мистическим реализмом. «Кысь», к примеру…

Нет, ну это ж надо сколько развелось конкурентов!

3

И я сжёг всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

Иван Тургенев

Из приведённых примеров обратите особое внимание на фигуру серьёзного прозаика, без тени смущения вторгшегося на территорию фантастики и ухитрившегося при этом остаться воинствующим реалистом.

Вот он, тот самый кувырок мировоззрения, о котором я, собственно, и собираюсь вести речь. Вот она, та граница, что в недалёком будущем (впрочем, оно никогда умом не блистало) отделит фантастику от пресловутого мэйнстрима. Полагаю, что вскоре отличать их будут вовсе не по качеству текста, а по отношению автора к изображаемым явлениям. «Не как ты, а всерьёз». В этом вся штука.

В беседе с перебежчиком-реалистом у меня, понятно, язык не повернулся сказать, что, признав Космический Разум «правдой жизни», а своё творение – публицистикой, он лишил его условности, став таким образом из потенциальной добычи критика потенциальной добычей психиатра.

Всякий переворот в умах непременно чреват прелюбопытнейшими парадоксами. Скажем, победа материализма в нашей стране (1917 г.), по остроумному замечанию современника, практически уничтожила всё материальное: ни харча, ни одёжки – одни идеи. Или возьмём нынешних россиян: стоило даровать свободу совести, как совесть была повсеместно утрачена напрочь, о чём красноречиво свидетельствует хотя бы переосмысление глаголов «обуть», «кинуть» и «заказать».

Другой парадокс: чем яростнее поборник старой веры ратовал за неё в прошлом, тем более горячим сторонником нового учения он сделается в будущем. Но поначалу обычно попытается обе истины совместить. Подчёркиваю: поначалу.

Что мы и видим в данном случае.

Да, реалист остался реалистом, ибо Космический Разум, равно как и потусторонний мир, с некоторых пор стали для него действительностью. Летающие тарелки, привидения, магия, взрывающиеся в печени больного чёрные дыры – всё это, господа, было когда-то нашей нераздельной собственностью. И вот, здравствуйте вам, приходят, раскидывают пальцы веером и

предлагают делиться!

Звери алчные, пиявицы ненасытные, что ж вы фантастам-то оставляете?

А действительно…

Согласно лаконичному вокабулярию Ожегова, слово «фантастика» (в собирательном и самом близком для нас смысле) означает «литературные произведения, описывающие вымышленные, сверхъестественные события».

Ну, «сверхъестественные» в следующем переиздании, скорее всего, выкинут из соображений политкорректности, ибо сверхъестественное теперь считается реально существующим. И что в остатке? «Вымышленные»? Однако, позвольте! События, описанные в любом художественном произведении, не что иное, как вымысел.

Беда да и только!

Впору предпочесть другое толкование того же С.И. Ожегова, снабжённое, правда, пометкой *разг.:* «Что-н. невообразимое, невозможное». А может, оно даже и лучше, что *разг.,* – всё ближе к мнению народному.

В чём-то судьба фантастики напоминает мне судьбу интеллигенции: никто не может точно сказать, что это такое, однако ругают. Причём по нынешним временам ругани, имейте в виду, предвидится куда больше, нежели по предыдущим.

Сами подумайте: чем раздражала фантастика широкую публику в эпоху диалектического материализма? Всего-навсего непонятностью и отрывом от жизни.

А теперь?

А теперь дело куда серьёзнее. Одним только своим названием фантастика утверждает, что такие достоверно существующие и всенародно любимые явления, как астрал, НЛО, ворожба, целительство, и проч. – выдумка чистой воды.

Да за это убить мало!

4

Единожды солгавши, кто тебе поверит?

Козьма Прутков

Первыми, как всегда, сориентировались торгующие. Лет этак десять назад я был свидетелем следующей сцены: покупатель, уже взявший с лотка книгу Генри Лайона Олди, прочёл аннотацию – и заколебался.

– Это не фантастика, – видя такое дело, быстро предупредил книгопродавец. – Это мистика.

– Но вот же написано…

– Да мало ли что там написано!

Лицо книголюба прояснилось, глаза сделались понимающими-понимающими – и полез он, родимый, за кошельком. Вспомнил, не иначе, недавние времена, когда запретная мистика была вынуждена прикидываться вполне разрешённой НФ.

Впрочем, кто ею только тогда не прикидывался! От экстрасенсов до диссидентов.

Теперь же, обретя легальность, мистика стала куда более солидным брэндом. Прислушайтесь, с каким скромным достоинством роняет иной «бальзаколетний картавец»:

– Я – мистик…

И его можно понять. Не выдумку исповедует – истину.

Полагаю, фантастику (описание сверхъестественных событий понарошку) ещё долго будут смешивать с мистикой (то же самое, но всерьёз), хотя рано или поздно размежевание должно произойти.

Куда быстрее, на мой взгляд, случится исход с родных равнин так называемой «сакральной фантастики». Кстати, на редкость бестактный термин. Если перевести это грандиозное словосочетание на исконный русский, получится «священный вымысел», что по нашим временам как-то, согласитесь, не совсем деликатно. Если священный, то какой же он вымысел, а если вымысел, то какой же он священный? Верующие таких шуток не одобряют…

Иное сакралище наше бесценное немедля возразит: «Как это не одобряют? Самый свежий пример: роман Сергея Чекмаева „Анафема“. Вышел в фантастической серии „Звёздный лабиринт“, обложка – соответствующая, содержание – тоже. Тем не менее на

недавно прошедшем конвенте „Басткон-2006“ именно этому произведению была присуждена особая премия Союза православных граждан…»

Так-то оно так, но вчитайтесь в формулировку: «За *истинно христианский реализм* и формирование положительного образа сотрудников синодальных структур Русской православной церкви».

Понятен намёк?

Если не понятен, поясним: не шалите, ребята. Православие – это вам не эзотерика. Коль скоро речь идёт о вере – то реализм и только реализм. Слово «фантастика» недопустимо в принципе как оскорбляющее религиозное достоинство граждан.

Как там у Ожегова?

«Что-н. невообразимое, невозможное *(разг.)».*

Ну вот то-то же…

Между прочим, намёк был устроителями конвента понят правильно. Когда дело дошло до присуждения за роман «Анафема» награды самого «Басткона», формулировка прямо-таки сияла безупречностью: «Премия «Бесобой» (за успехи в сфере *мистической литературы)».*

Конечно, любой переходный период путаницы не избежит. Так, маги и астрологи (кстати, извечные противники Христа) сейчас усиленно косят под православных, а на бейдже эльфийки значится: «Раба Божья Нонпарель» (имя точно не вспомню, но, честное слово, сам видел!). Опять же миссионерская деятельность требует определённого компромисса, что мы и наблюдаем в случае присуждения награды фантастике за реализм. Однако не век же мириться Русской православной церкви с тем, что произведения, «формирующие положительные образы сотрудников синодальных структур», выходят в свет с брэндом, ставящим под сомнение достоверность этих образов!

5

Что день грядущий мне готовит?

Александр Пушкин

Фантастика всегда была попыткой выйти за пределы реальности.

За это она любима, за это ненавидима.

Сейчас, как мы убедились, изрядная территория «страны фантазии» аннексирована действительностью (или тем, что принято ею нынче считать), в результате чего и подверглась нашествию столь нелюбимых туземцами реалистов и мэйнстримщиков. На наших глазах происходит возникновение неких буферных державок, одни из которых, надо полагать, со временем вернутся в лоно фантастики, другие прильнут к сосцам так называемой серьёзной литературы.

Не в пример широкой публике почитатели фэнтези и НФ в большинстве своём хорошо понимают условность искусства, что, на мой взгляд, говорит об удивительно высокой читательской культуре. Они (воспользуюсь примером одного преподавателя) никогда не кинутся, самозабвенно прорывая холст, спасать персонажей картины Айвазовского «Девятый вал», поскольку прекрасно сознают, что перед ними полотно, а не бушующее море. Даже если особо очарованные из них съедутся на ролевую игру, так ведь условность и в игре присутствует.

То ли дело мистики: для этих что на витрине – то и в магазине. Как говорится, в жизни всегда есть место полтергейсту. Критический рассудок отключён, рубильник – сломан.

Не зря же, ознакомившись с итогами опроса на сайте «Русская фантастика», Эдуард Геворкян не смог удержаться от восклицания: «А что, если фэндом остался единственным островком здравомыслия? Я не знаю, радоваться этому или ужасаться…»

Но с другой стороны, может ли быть иначе, если оккультисты, астрологи и ловцы снежных человеков чуть ли не всей популяцией схлынули через борт? Остались преимущественно читатели.

Чем же всё-таки разрешится данный кризис? Какие очертания примет «страна фантазия», ну, скажем, к 2013 году?

Точно предугадать не берусь, поскольку не в материале, однако мнится, что наша литературная автономия по старой доброй традиции и впредь будет кончаться примерно там, где

кончается здравый смысл.

Но всё это, учтите, при условии, что российская действительность в ближайшее время не совершит ещё какого-нибудь кувырка – и хорошо если через голову.

2006

Людка

В одном из рассказов Люды Козинец колдунья, гадая по руке, поправляет полюбившемуся клиенту линию судьбы. Однажды Людка проделала то же самое и со мной, весьма чувствительно вогнав в ладонь свой острый ноготок. Не знаю, что она мне там дорисовала. Вернее, теперь-то уже отчасти знаю – двенадцать лет прошло.

Все мы порой не любим действительность. Трудно её любить. При одной только мысли, что Людки больше нет, от ненависти скулы сводит. Говорят, на том свете свидимся. Даже если так! Евангелие утверждает: свидимся, да не теми. А оно мне надо?

Нравится нам этот мир, не нравится – приходится с ним смиряться. А вот Людка объявила действительности войну, и, вы не поверите, но какое-то время казалось, что побеждает. Все её невероятные замыслы, если не сбывались, то вот-вот должны были сбыться. Или это тоже только казалось?

Обыденность представлялась ей недоразумением, которое надо обязательно исправить, причём сейчас, немедленно. Собрать вокруг себя прекрасных талантливых людей, превратить окружающую жизнь в сплошной карнавал, вернуть словам «честь» и «благородство» их прежние значения – а там посмотрим, чья возьмёт!

Она хотела видеть мир другим. А желание истинной женщины – закон. Захотела – увидела.

Выдумщица, авантюристка. Ей мало было бумажных приключений. Самая заурядная бытовая историйка принимала в Людкином изложении совершенно фантасмагорические черты.

– Если начну рассказывать, как спускалась в батискафе в Мариинскую впадину, ты мне не верь, – честно предупредила она чуть ли не при первом нашем знакомстве.

Запросто могла уверить собеседника и себя за компанию в том, что она инициированная ведьма или, скажем, тайная предводительница «батальона смерти». Возможно, обкатывала таким образом будущие сюжеты.

Ну и дообкатывалась однажды:

– Береги руки-ноги. Мы с тобой рыбы, а у нас это самые уязвимые места…

– Да не верю я гороскопам, Людк!

– Зря.

И началось. Сперва перелом мизинца, потом расплющенный голеностоп, и наконец раздробленное в аварии предплечье.

– Сглазила! – решительно определил друг-травматолог. –

Значит, так… Берёшь берёзовый веник, едешь к ней… (дальнейшую часть рецепта я позволю себе опустить, поскольку звучит она не совсем прилично).

В людях Людка ошибалась почти всегда, и не потому что была наивна – просто не допускала мысли, что собеседник её глуп, труслив и бездарен. Призналась однажды, что любит мысленно переодевать друзей, подбирать им соответствующее окружение, обстановку.

– Ну а меня ты как видишь?

Окинула критическим пристальным взглядом.

– Чёрный бархатный берет, – приговорила она, и чувствовалось, что обжалованию это уже не подлежит. – Потёртый, но обязательно лихо заломленный. От пера – один обрубок. Плащ. Тоже чёрный, потёртый. Сидишь в таверне. Дубовый табурет. Вокруг – гульба. Презрительно улыбаешься краешком рта. Безденежный дон – вот ты кто! Но не лизоблюд. При шпаге.

М-да… Действительности сооответствовало всего одно слово: безденежный. Всё остальное было, мягко говоря, неприложимо.

И при таком-то вот знании людей столько лет руководить семинарами ВТО МПФ? А ведь другого старосту, пожалуй, невозможно было и представить.

Какой-нибудь одинокий паук в банке даже сегодня нет-нет да и ругнёт по старой памяти давно почившее ВТО. Не знаю, не знаю… У меня, к примеру, об этой организации воспоминания сохранились самые светлые. Может быть, причина отчасти в том, что появился я там перед самым крахом, когда одиозные личности схлынули, а взамен прихлынули настолько неодиозные, что оставалось лишь диву даваться, как Людмила с нами, негодяями, управляется.

И всё же, как бы она кого ни идеализировала, провести её было крайне трудно. Меня, например, Людка раскусывала с лёту. Значился я в ту пору (с её же, кстати, подачи) литконсультантом. В обязанность мне было вменено отыскивать и поглощать астрономическое количество авторских листов текста, а затем кратенько отзываться о прочитанном. Естественно, уже на третьем месяце работы в присылаемых отчётах вовсю кишели мёртвые души:

«Тюрмотворова А., „Через Афедрон“, роман, 414 страниц, отказать. Причина: низкий литературный уровень».

Приезжаю в Тирасполь, встречаемся. Людка с ехидцей смотрит мне в глаза. Первая фраза:

– Тюрмотворова – твоё создание?

Вопрос, понятно, риторический. Податься некуда.

– Моё, – каюсь.

– Ботаник! – негодующе роняет она. – Не умеешь втирать очки – не берись. Тюрмотворова! Таких и фамилий-то не бывает…

А вот и бывает. Я эту фамилию в газете видел.

Приходила в нешуточную ярость, если повторно поделишься с ней каким-нибудь собственным замыслом:

– Сотый раз это слышу! Сколько можно рассказывать одно и то же? Садись – пиши!

Так однажды разобидела, что, возвратясь в Волгоград, впрямь сел за машинку и месяца за полтора выдал первый черновой вариант «Стали разящей». И это в ту пору, когда, казалось, ничего уже больше не напишу! Соавторство помаленьку разваливалось, а работать в одиночку я ещё не решался.

До сих пор не понимаю: сама-то она каким образом умудрялась выкраивать время для творчества?

Если не считать нескольких вещиц, выполненных в ключе так называемой научной фантастики (вполне заурядных, на мой взгляд), остальные Людкины повести и рассказы целиком построены на столкновении идеально-романтического бытия с бытиём как таковым – во всей его неприглядной наготе. То есть опять-таки продолжение того же яростного поединка с действительностью. Уэллс в Людкиных текстах определённо не присутствует. Жюль Верн? Н-ну, может быть, в аптекарских дозах. Булгаков? Грин? Вот это, пожалуй, ближе. Ростан? Несомненно!

– Такая аморальная повесть получилась! – то ли посетовала, то ли похвасталась она, передавая мне свою рукопись (почему-то, как помнится, тайком от прочих «семинаристов»).

И я прочёл историю о том, как предводительница амазонок – колдунья, воительница – всё же вынуждена была переспать с местным правителем, чтобы её подданных выпустили из крепости. Не уберегли Людкину героиню от этого унижения ни меч, ни волшба.

Значит, в глубине души она и сама сознавала с горечью, что любой бунт против действительности (против того, что мы называем действительностью!) обречён изначально. Мятеж не может кончиться удачей…

Обожала сюрпризы. Сидели как-то втроём с ней и с Игорьком Пидоренко на веранде тираспольского ресторана. По обыкновению, настрой у меня был близок к похоронному. И что же учудили эти двое! Пошептавшись, скинулись на скрипача, и тот, незаметно подойдя ко мне со спины, внезапно заиграл «Бесса ме мучо». Надо же было так улучить момент! Право слово, чуть слеза не прошибла.

Взять Козинец на слабо́? Проще простого. В разгромленных

Бендерах – ну не идиоты ли? – рисуясь друг перед другом, влезли мы с ней на пару в руины дворика, хотя были предупреждены заранее: «Не разминировано! Не суйтесь!» Извлекали нас оттуда с матом и со всеми возможными предосторожностями.

Да что там «не разминировано»! Вот пренебречь условностями – это для женщины куда страшнее, чем прогуляться по минному полю. Дело происходило опять-таки в послевоенном Приднестровье. Среди неброско, я бы даже сказал, неоригинально одетых фантастов невольно приковывал к себе внимание Святослав Логинов, сильно смахивавший на Льва Толстого: рубаха, портки, борода веником, ноги, понятно, босые. Такая уж, надо полагать, была у них тогда в Питере мода.

И вот на крыльцо гостиницы «Дружба» ступает ослепительная Людмила Козинец. Она собирается ошеломить Тирасполь. Чёрное вроде бы атласное платье безупречного покроя, кружевной мушкетёрский воротник, туфли на шпильках. Ну разве можно появляться в подобном виде при таких обормотах, как мы? Не помню, кого первого посещает эта возмутительная идея, но банда испускает восторженный вопль и заставляет Люду и Славу продефилировать по бульвару под ручку.

На Людкином лице поочерёдно отражаются лёгкая растерянность, досада и наконец надменная беспечность (да пошло оно всё к чёрту!). Лихо подхватывает бородатого босяка под локоток – и колоритная парочка в сопровождении ухмыляющейся свиты идёт по аллее, наводя оторопь на богобоязненных тираспольчан.

Это, я вам доложу, было зрелище!

* * *

Но в конце концов действительность нанесла ответный удар. Карнавал кончился. Распался Советский Союз, а с ним и ВТО, друзья поразбежались, а тут ещё и развод вдобавок.

И, оставшись одна, Людка решила умереть. Жить без шумной оравы, без яростного обсуждения рукописей, без творческой ругани? Это казалось ей бессмыслицей. И она просто перестала есть. Дочери по телефону врала, что всё в порядке, просила не приезжать к ней в Киев, а сама была на грани голодной смерти. К счастью, Оленька, зная характер своей матери, сообразила, в чём дело, и успела к ней вовремя.

Обо всём об этом я, разумеется, понятия не имел, поскольку пару лет назад мы с Людкой поссорились насмерть, да и в Киев-то попал нежданно-негаданно, по приглашению местного

издательства. Было это 8 марта 1995 года.

Чувствовал я себя виноватым и, если бы не праздник, вряд ли бы даже осмелился позвонить. А тут решился.

И вот пристанывающий старушечий голос в наушнике:

– Да-а…

– Здравствуйте. Я хотел бы услышать Людмилу Козинец…

– Это я-а…

Секунда оторопи.

– Людка?! Это Лукин звонит. Я здесь, в Киеве. Слушай, можно к тебе сегодня забежать, поздравить?

– Ни-эт…

– Почему?

– Я стра-ашная…

Боря Штерн потом говорил, будто от телефона я вернулся в таком виде, что все даже слегка протрезвели. Верю.

О визите договорились на завтра и пришли вчетвером. Людка была ещё очень слаба. Лежала в постели с неподвижным напудренным лицом, но это уже была она, Людка. Ожила. Из голоса исчезли старушечьи нотки, на тонких прихотливо вырезанных губах вновь показалась привычная язвительная улыбочка.

Проговорили допоздна. О чём – не помню. Помню только руку, неподвижно лежащую поверх одеяла. Птичья лапка.

* * *

Жива и всё простила – это главное. Да и чёртова реальность вроде бы подобрала когти. До поры.

Вскоре Людка перебралась в Симферополь, начала работать над новой книгой, и семейная жизнь у неё вроде бы наладилась. Теперь я звонил ей каждый раз 8 марта. Да и вообще звонил иногда. Разговаривали подолгу. Она рассказывала взахлёб совершенно невероятные случаи из нынешней своей жизни, при этом лихо провираясь на каждом шагу. И голос у неё был – ну совершенно прежний.

Так прошло ещё несколько лет.

А потом позвонил старый друг (уже пьяный и плачущий), и сказал, что Людки больше нет.

И, что самое печальное, никогда уже не будет.

2003

Манифест партии национал-лингвистов

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?

Граф Алексей Константинович Толстой

1. Коренное отличие партии национал-лингвистов от всех остальных партий заключается в том, что она не намерена проводить в жизнь никаких конкретных политических или экономических программ. Построение какого-либо общества в условиях России – дело глубоко безнадёжное, и наша история служит неопровержимым тому свидетельством. В свое время мы, как явствует из трудов Сергея Михайловича Соловьева, не смогли достроить феодализм; попытки построения капитализма кончились Октябрьской революцией; крах строительства коммунизма произошел на наших глазах. Историки утверждают также, что Древняя Русь каким-то образом миновала рабовладельческий период, из чего мы имеем право вывести заключенье, что и эта формация была нами просто-напросто недостроена. Чем окончится вновь начатое построение капитализма, догадаться несложно.

2. Поэтому задачу свою партия национал-лингвистов видит в создании условий, при которых в России можно будет хоть что-нибудь ДОСТРОИТЬ ДО КОНЦА, осуществив таким образом давнюю мечту Федора Михайловича Достоевского.

3. Для этого необходимо выяснить, что же мешало нашим предкам (а впоследствии и нам самим) учесть ошибки прошлого и вместо бесконечных разрушительных перестроек завершить строительство хоть какой-нибудь общественной, пусть

плохонькой, но формации. Ссылки на трудное географическое положение и непомерные размеры государства неубедительны. Так, попытки построения феодализма одинаково безуспешно предпринимались и в Днепровских степях, и в лесах Ростово-Суздальского княжества. Что же касается необъятных просторов родной страны, то было время, когда Московская Русь съёживалась на века до размеров нынешней области. Поэтому не стоит кивать на географию. Истинную причину партия национал-лингвистов видит только в одном – в нашем русском менталитете.

4. Мысль Владимира Ивановича Даля о том, что национальность человека определяется языком, на котором этот человек думает, партия национал-лингвистов полагает краеугольным камнем своей платформы. Для удобства расчетов партия ставит знак равенства между русским языком и русским менталитетом.

5. Проиллюстрируем это положение следующим примером. Изучая английский, мы сталкиваемся с модальными глаголами. В русском же мы имеем дело с модальными словами («должен», «рад», «готов», «обязан»). Вполне естественно, что русскому человеку свойственно долги не возвращать, поскольку слово «должен» глаголом не является и, стало быть, действия не подразумевает.

6. Великая нация пишет на стенах. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть хотя бы в американскую подземку. Стены Восточной Европы неопровержимо свидетельствуют, что русские – это именно великая нация. По мнению национал-лингвистов, все города, исписанные преимущественно русскими словами, должны (см. предыдущий раздел) принадлежать России.

7. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем прошлом. Национал-лингвисту не нужно прорываться к закрытым архивам и ворошить груды статистических данных (которые, кстати, весьма легко подделать). К примеру, чтобы выяснить, на чьей стороне выступала основная масса казачества в гражданской войне 1918-20 годов, достаточно вспомнить, что «белоказак» пишется слитно, а «красный казак» – раздельно. Попробуйте произнести «красноказак», и вы почувствуете сами, насколько это противно артикуляции.

8. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем настоящем. Если национал-лингвист замечает, что первое склонение существительных вновь обрело в устной речи звательный падеж, он (национал-лингвист) обязан сделать из этого выводы о повышенном внимании к существительным

женского рода («Мам!», «Теть!», «Маш!») или же хотя бы косящим под женский род («Дядь!», «Борь!», «Саш!»).

9. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем будущем. Подслушав в уличном разговоре слова «Пошли к Витьку!» и ответ «А вот до хрена там!» (в значении – «Не пойду!»), национал-лингвист не должен возмущаться неправильностью или нелогичностью формулировки. Не исключено, что это логика завтрашнего дня.

10. Бороться с языком (или, скажем, за чистоту языка) бесполезно. Приблизительно в 1965 году была объявлена беспощадная война выражению «Кто крайний?» Были подключены пресса, радио, телевидение, школа. Тщетно. «Кто крайний?» играючи вытеснило из очередей рекомендованную форму «Кто последний?» вопреки возмущениям педагогов и насмешкам сатириков. Создается впечатление, что язык сам выбирает пути развития и становиться на его дороге просто неразумно.

11. Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не наступит в силу того, что оно будущее, а о прошедшем речь пойдет ниже.

Возьмем для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь построили.

12. Мысля на современном русском языке, нам никогда не учесть ошибок прошлого, потому что русские глаголы прошедшего времени – это даже и не глаголы вовсе. Это бывшие краткие страдательные причастия. Они обозначали не действие, а качество. Они не спрягаются, но подобно именам изменяются по родам («я был», «я была», «я было»). Хорошо хоть не склоняются – и на том спасибо! Иными словами, прошлое для нас не процесс, а скорее картина, которую весьма легко сменить. Только что оно представлялось беспросветно-мрачным, и вдруг – глядь, а оно уже лучезарно-светлое! Или наоборот.

13. Русский менталитет возник во всей своей полноте вместе с современным русским языком, что совершенно естественно (см. раздел 4). Наши предки, мысля на древнерусском, представляли (в отличие от нас!) свое прошлое именно процессом, причем весьма сложным, поскольку древнерусский язык (в отличие от современного) имел четыре формы прошедшего времени глагола. Не вдаваясь в подробности, приведем пример. Такой простенький

древнерусский оборот, как «писали бяхомъ», на современный русский приходится переводить следующей громоздкой конструкцией: «мы, мужчины, в количестве не менее трех человек, перед тем, как содеять ещё что-то в прошлом, – писали».

14. Установить точную дату возникновения современного русского языка (а стало быть, и русского менталитета) дело весьма сложное. Ограничимся осторожным утверждением, что это произошло где-то между грозным царем и крутым протопопом. Именно тогда наш язык (а стало быть, и мышление) упрощается до предела. Мы теряем добрую половину склонений и все формы прошедшего времени, довольствуясь жалкими огрызками перфекта, которые, как было сказано выше (см. раздел 12), и глаголами-то не являлись. Любопытно, что именно с этого момента русская история обретает странную цикличность: каждая первая четверть века знаменуется гражданской войной и вторжением интервентов. Объяснить эту странность партия пока не берется. Заметим лишь, что единственное исключение (XIX век) ничего не опровергает, поскольку в данном случае вторжение (1812) и попытка гражданской войны (1825) просто не совпали по фазе.

15. Кстати, о гражданских и прочих войнах. Замечено, что в русском языке про́пасть между витиевато сложной литературной речью и предельно упрощенной речью нелитературной особенно глубока. Думается, что именно в этом кроется одна из причин зверства отечественной цензуры, которая, заметим, всегда в итоге терпела поражение. Скажем, до войн с Наполеоном слово «чёрт» считалось безусловно неприличным и на письме обозначалось точками. А малое время спустя (у того же Николая Васильевича Гоголя, к примеру) оно уже красуется в первозданном виде без каких бы то ни было точек. Подобных примеров можно привести множество, и изобилие их наводит на мысль, что ненормативная лексика (как и вся устная речь вообще) прокладывает себе дорогу с помощью войн и гражданских смут. Отсюда недалеко до вывода, что всякая революция есть результат напряженности между двумя стилистическими пластами. Иными словами, борясь за чистоту языка, ты приближаешь революцию.

16. Итак, мысля на современном русском, нам не учесть ошибок прошлого и ничего не построить в настоящем. Где же выход? Вновь вернуться к древнерусскому языку с его четырьмя формами прошедшего времени глагола? Во-первых, это нереально, а во-вторых, чревато гражданской смутой (см. предыдущий раздел). Кроме того, мы не иудеи. Только они могли воскресить древнееврейский и сделать его разговорным, а затем и государственным языком. В нашем случае возврат к прошлому

ничего не даст. Разрыв между настоящим и будущим временами существовал ещё в древнерусском, что, собственно, и помешало князьям Рюрикова рода завершить строительство феодализма в Киевской Руси. И наконец это была бы попытка плыть против течения, поскольку известно, что язык имеет тенденцию не к усложнению, а к упрощению (см. раздел 14).

17. И всё же выход есть. Поскольку именно глагол мешает успешному построению в России чего бы то ни было, его просто-напросто следует упразднить. Поэтому, если партия национал-лингвистов волею случая придет к власти, первым ее декретом будет «ДЕКРЕТ ОБ ОТМЕНЕ ГЛАГОЛОВ».

18. Да, но как же без глаголов-то? Какая же это жизнь без глаголов? Ответ: самая что ни на есть нормальная. С какого потолка, интересно, утверждение, что глаголы в нашей повседневности необходимы? Да они в русской речи вообще не нужны. К чему они? Зачем? Какая от них польза? Да никакой. Без них даже удобнее. И вот вам лучшее тому доказательство: иному ведь и невдомек, что в данном разделе нет ни единого глагола!

19. Да, но как же изящная словесность? «Глаголом жги сердца людей…» Тоже не аргумент. Афанасий Фет, например, вполне мог жечь сердца, не прибегая к глаголам:

> Шёпот, робкое дыханье,
> Трели соловья,
> Серебро и колыханье
> Сонного ручья

и т.д.

А если кто не может работать на уровне Фета, то это уже его проблемы.

20. Учение национал-лингвистов всесильно, потому что не противоречит устремлениям русского языка. Он и сам начинает помаленьку освобождаться от глаголов. Так, глагол «быть» (!) уже не употребляется нами в настоящем (!) времени. При письме мы стыдливо ставим на его место тире («Столяров – писатель», «кошка – хищник»), но в устной речи тире не поставишь. Понятия волшебным образом переливаются одно в другое, не требуя глагола-связки. Именно поэтому русский человек гениален.

21. Американец ни за что не додумается развести бензин водой, потому что между словами «бензин» и «вода» у него стоит глагол, мешающий этим понятиям слиться воедино. У нас же между ними даже и тире нету, поскольку мыслим мы все-таки устно, а не письменно. Становится понятно, почему все гениальные изобретения, включая паровоз и велосипед, были

сделаны именно в России. Могут возразить: «А почему же тогда все эти изобретения были внедрены не у нас, а за рубежом?» Человеку, задавшему такой вопрос, мы рекомендуем ещё раз внимательно перечитать предыдущие разделы данного «Манифеста».

22. И всё же, когда декрет об отмене глаголов вступит в силу, граждане России (интеллигенция, в частности) некоторое время волей-неволей будут ощущать неудобство и некое зияние в устной речи. Поэтому, чтобы обеспечить плавный переход к счастливому безглагольному существованию, партия национал-лингвистов намерена обнародовать и провести в жизнь «ДЕКРЕТ О ЗАМЕНЕ ГЛАГОЛА МЕЖДОМЕТИЕМ».

23. Действительно, междометие нисколько не хуже, а подчас даже и лучше глагола выражает исконно русские действия. Вспомним незабвенное блоковское «трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!» Мало того, междометие выгодно отличается от глагола емкостью и мгновенностью исполнения («шлёп!», «щёлк!», «бултых!», и т.д.). А то, что большинство междометий произошло именно от глаголов, не имеет ровно никакого значения. Дети за родителей не отвечают.

24. Некоторых, возможно, смутит, что многие российские междометия решительно нецензурны. Чего стоят, скажем, одни только речения типа «.....!» и «....!» Думается, однако, что не стоит по этому поводу издавать отдельный декрет. Полная отмена цензуры – единственный пункт, по которому национал-лингвисты полностью согласны с нынешними строителями капитализма.

25. Национал-лингвисты внимательны к своему богатому ошибками прошлому. Самого пристального изучения заслуживает тот факт, что все безглагольные лозунги наших предшественников в большинстве своем выполнялись («Руки прочь от Вьетнама!», «Все – на коммунистический субботник!»). Или хотя бы соответствовали действительности («Партия – наш рулевой»). Стоило затесаться в лозунг хотя бы одному глаголу («Решения такого-то Пленума – выполним!»), как всё тут же шло прахом.

26. Могут возразить: а как же глагол «даёшь»? Тоже ведь срабатывал безотказно. Но и это, увы, не возражение. Глагол «даёшь» в процессе гражданской войны настолько обкатался, что и сам превратился в междометие. Формы «даю» и «даёт» уже не имеют к нему никакого отношения. То же касается и самого известного российского глагола, навечно застывшего в одной-единственной форме.

27. Слив таким образом воедино в мышлении россиян прошлое с настоящим, а настоящее с будущим и уничтожив

пропасть между нормативной лексикой и лексикой ненормативной, партия национал-лингвистов создаст условия для окончательного построения чего бы то ни было на территории нашей страны.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ! .....! ....! И ПОБЕДА – ЗА НАМИ!

1997

Нехай клевещут

Милостивый государь! Вы – рецензент!!!

А.П. Чехов

В моем понимании, критик – это **цензо**р, у которого руки коротки. Не в силах причинить вред уже вышедшей книге, он предаётся злобным мечтаниям, именуемым р**ецензи**ей. Слова́, обратите внимание, однокоренные. А поскольку критик обычно по происхождению – неудавшийся прозаик (или поэт), то из рецензии прежде всего явствует, как бы он сам написал данное произведение, будь у него способности.

Зачем вообще нужна критика, я не знаю. Мало того, я даже не знаю, зачем нужна литература, не говоря уже об искусстве в целом, но в эти дебри лучше не углубляться, иначе мы, подобно герою того же А.П. Чехова, придём к мысли, что всё на свете – лишнее. Впрочем, при советской власти польза от критики была очевидна, ибо рецензенты, избирательно ругая лучшие книги, помогали читающей публике сориентироваться.

В те баснословные времена в наших широтах обитало два подвида критиков: цепной и учёный. Цепных легко можно было отличить по следующим признакам: бесконечная преданность хозяину, дубоватый язык, склонность к риторике, упрощённая до уровня школьного учебника терминология, принципиальное непонимание прочитанного и умение доказывать два прямо противоположных утверждения сразу. Критики учёные, напротив, делали вид, что хозяин – сам по себе, а они – сами по себе. Правда, за эту нечеловеческую отвагу им приходилось довольно дорого расплачиваться, усложняя текст до полной его непонимабильности простыми смертными. Хозяин (сам не шибко грамотный), дойдя до термина «амбивалентность», ощущал некое внутреннее неудобство и, убоявшись бездны премудростей, статью до конца не дочитывал. Публика – тоже.

Насколько я могу судить, в наши дни ареал обитания учёных критиков ограничен элитарной литературой («мэйнстрим»), в то время как критики цепного подвида успешно освоили патриотическую нишу и, представьте, фантастику. Именно такое ощущение остаётся после прочтения большинства нынешних рецензий (как положительных, так и отрицательных). Был случай, когда друзья-фантасты долго убеждали меня в том, что опубликованный в прессе отзыв не является блистательной

пародией на разгромные статьи застойных лет и написан на полном серьёзе.

Вначале я полагал, что явление это – реликтовое. Дескать, авторы – бывшие фэны с трудной судьбой, на собственных маковках изведавшие тяжесть критической дубины ушедших времен и многому научившиеся у противника. Однако опыт показывает, что, чем моложе рецензент – тем совковее (в худшем смысле этого слова).

Нет, кое в чём, конечно, цепной критик изменился. Ушла бесконечная преданность хозяину, а взамен явилось упоительное чувство вседозволенности, порождённое свободой слова. Всё прочее осталось (см. выше).

Повторяю: я не знаю, кому и зачем нужна критика. Но коль скоро она существует, то пусть хотя бы прилично выглядит. Кстати, я не против цепного критика как подвида; при нынешнем наплыве графоманов он даже может кому-то показаться полезным существом, этаким санитаром фантастических дебрей. Увы, издателю он – не указ. То же касается и критика учёного, встречающегося в наших джунглях гораздо реже.

А вот кого нам, считаю, по-настоящему недостаёт, так это теоретика. (Литературоведение, как известно, включает в себя три дисциплины: теорию, историю и критику.) С теорией у нас из рук вон плохо. Необходим филолог. Необходима основополагающая работа, на которую могли бы опираться те же критики. Ну сколько можно путать жанр с направлением! Даже «Странник» – и тот не избежал обычной путаницы: жанровая премия вручается за направление (хоррор, фэнтези и проч.), а «Странник» как таковой – именно за жанр (роман, повесть, рассказ).

Я прекрасно отдаю себе отчёт, что литературоведение, подобно прочим гуманитарным дисциплинам, есть не что иное как лженаука. И слава богу! Пусть она бесполезна, зато и вреда от нее никакого. Ни озоновых дыр, ни атомных взрывов. Но дело даже не в этом. Поймите, что её терминология – общепринята во всех отраслях литературы. Хватит быть посмешищем в глазах филологов! Хотите выйти из гетто? Так учитесь говорить, как белые люди!

Еще одно пожелание. Я понимаю, что до двух считать легче, но господа критики! Кто вам вообще сказал, что фантастика делится на два без остатка: НФ и фэнтези? Вы же сами не раз признавали с прискорбием, что представителем «твёрдой» научной фантастики можно назвать одного Александра Громова. Ну так будьте честны до конца: замени́те «НФ» на «АГ» – и вся недолга! Разберитесь с классификацией. Здесь я, кстати,

преследую вполне шкурные интересы. Недавно мне прямо заявили, что никакой я не фантаст. А как возразишь, если ни в ту, ни в другую графу я не вписываюсь? Так сказать, не имеющий чина.

Когда-то я воспринимал отзывы в прессе весьма болезненно. Был счастлив, когда похвалят, бился в истерике, когда разбранят. Теперь же вдруг с удивлением обнаружил, что искренне способен радоваться ругани в свой адрес, если при этом рецензент понял, ради чего написана данная книга. Пусть не принял, но ведь понял же! По нашим временам это большая редкость…

Подводя итоги, скажу: поскольку толку от критики все равно нет и не будет, пусть она хотя бы надувает щёки, создавая фантастике должный имидж.

А в остальном… Да нехай клевещут!

2003

О рычагах воздействия и чистоте речи
Заметки национал-лингвиста

…на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.

Ярослав Смеляков

1. Рычагом по артиклю

В январе 2001 года журналом «Если» по просьбе Центрального Комитета партии национал-лингвистов были опубликованы материалы, свидетельствующие о широкомасштабном наступлении нарождающегося неопределённого артикля «типа». Это языковое явление было высоко оценено партией и всячески приветствовалось как новый шаг к счастливому менталитету. Единственная оговорка, сделанная с разрешения ЦК автором статьи, выглядела следующим образом: «Как патриот я бы, конечно, предпочёл, чтобы артиклем стало какое-нибудь чисто русское слово („вроде“, „якобы“, „как бы“). Однако языку видней – и в выборе средств мы ему не указчики».

С момента публикации, что было отмечено и независимыми наблюдателями, победное шествие внезапно приостановилось – и далее в течение трёх последующих лет частота употребления слова «типа» на территории Российской Федерации неизменно шла на убыль, пока не достигла нынешней своей отметки. Применение в устной речи данного артикля стало признаком непродвинутости и дремучего провинциализма. Лица, претендующие на некий уровень, если не культуры, то хотя бы духовности, срочно перешли на три следующие речевые склейки: «а», «да?» и «как бы» («Все – а – счастливые семьи – да? – как бы похожи друг на друга…»).

Поскольку в связи с истечением трёхлетнего срока с операции «Типа» снят гриф «Секретно», я наконец-то могу с удовлетворением сообщить читателям, что в результате эксперимента выверен мощный рычаг воздействия на язык, менталитет – и, как следствие, на окружающую действительность. Времена манифестов и теоретических выкладок миновали.

Настала пора претворения идей в жизнь.

Как было постулировано в десятом разделе «Манифеста партии национал-лингвистов», борьба за чистоту языка не только бессмысленна, но и опасна, поскольку напрямую ведёт к общественным потрясениям вплоть до революций. Единственный социологически чистый способ вытеснения неугодных нам речений – это одобрить их с высокой трибуны, что и было предпринято в январской публикации 2001 года. В итоге иноязычное по происхождению слово «типа» уступило лидерство исконному «как бы».

Собственно, то, что попытки административно управлять языком всегда кончались крахом, было ясно и до этого. Вспомним яростный поединок Павла I с возмутительным, по его мнению, глаголом «выполнять» («Выполняются лишь тазы, а повеления должно исполнять!»). Сейчас многие исследователи полагают, что одной из причин убийства императора в Михайловском замке явилось подспудное желание русского этноса не исполнять, а именно выполнять распоряжения начальства.

Менее трагично, но столь же бесплодно завершились баталии В.И. Даля со словом «обыденный» (в значении – «обиходный») и К.И. Чуковского с непривычными ему новоделами «танцулька» и «ухажор». Коротко говоря, в истории не зафиксировано ни единого случая победы поборников правильной речи над нарушителями принятых норм, что однако не даёт нам права делать из этого далеко идущие выводы. Попытки М.С. Горбачёва внедрить в сознание граждан неверные ударения («на́чать», «предло́жить» и проч.) сделали Президента героем анекдотов, но заметного успеха тоже не имели.

Итак, истина лежит на поверхности. Если инициатива сверху (причём не важно, исходит ли она от администрации или же от какого-либо печатного органа) не подкреплёна заградотрядами, результат будет либо нулевым, либо прямо противоположным. Тем не менее партия национал-лингвистов – первое и на сегодняшний день единственное общественно-политическое движение, открыто заявившее, что для достижения цели в условиях России следует, образно выражаясь, умело рулить не в ту сторону.

Идеалисты, рассматривающие язык как живое существо (а таких в партии тоже хватает), говорят о том, что его следует раздразнить и заманить в нужном направлении. Если воспринимать это высказывание опять-таки в образном ключе, с ним нельзя не согласиться.

На первый взгляд задача кажется довольно простой, однако достаточно вспомнить, что произошло на Руси с известным

наставлением Иисуса Христа, дабы в полной мере оценить изворотливость нашего языка и нашего мышления. Учитель, запрещая клятвы, сказал: «Да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». На древнерусском «да» звучало как «ей», а «нет» – как «ни». Формально предки ни на шаг не преступили указанных свыше границ – они просто превратили в клятву рекомендованные Христом слова: «ей-ей!», «ни-ни!».

Тем более разителен успех, достигнутый нашей публикацией. Не обошлось, однако, без побочных последствий негативного свойства: конструкция «как бы», тоже являясь типа неопределённым артиклем, обладает меньшей экспрессивностью и нуждается в соседстве двух упомянутых выше слов-сообщников: «а» и «да?». Вставляемое куда попало «а» есть не что иное, как редуцированное «э-э…» («мнэ-э…»), и особой опасности, как правило, не таит. Что же касается тяготеющего к концу предложения полувопросительного «да?», то при всей своей внешней безобидности речение это представляет собой серьёзную угрозу менталитету, причём исходящую уже не с Запада, а с Юга, ибо вносит в наше мышление акцент определённого пошиба.

Левое крыло партии национал-лингвистов, к которому примыкает и ваш покорный слуга, считает вслед за евангелистом Иоанном, что сначала явление возникает в языке и лишь потом воплощается в жизнь. Есть даже мнение, что упомянутый псевдоакцент был не предвестием, а именно причиной резкого увеличения на территории России численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии.

Независимо от того, является ли обасурманившееся «да?» результатом лингвистического терроризма или же следствием отечественного недомыслия, оно вполне заслуживает высшей меры национальной защиты, а именно: детального анализа на страницах прессы и последующего официального одобрения.

Не скрою, многие члены Центрального Комитета были категорически против рассекречивания этих сведений, однако спешу заверить, что само по себе одобрение печатным словом ничего не решает. Скажем, при публикации материалов о неопределённом артикле «типа» учитывались такие эзотерические нюансы, как количество и расположение слов в тексте, их графическое оформление, тонкости вёрстки и многое другое, чего я пока не имею права разглашать.

Кроме того, как это ни прискорбно, но рассекречивать по сути нечего. Выяснилось, что наши противники давно и относительно успешно используют те же самые технологии.

2. Рычаг в чужих руках

Многим, вероятно, памятен прошлогодний шум в средствах массовой информации, связанный с обсуждением в Государственной Думе некого подобия закона о русском языке. Большинство россиян, увы, отнеслось к происходящему юмористически, не подозревая, что именно на это и рассчитывали безымянные устроители данной акции.

Зубоскальства хватало.

«Наконец-то будет дан отпор словесной немчуре, противоправно поселившейся в нашей речи! – глумливо ликовал в провинциальной (волгоградской) прессе некий Е. Нулик. – Дадут окорот и непечатным выражениям, попавшим в один сусек с иноязычным сором по той простой причине, что многие избранники наши не в силах отличить мудрёных заграничных слов от незнакомых матерных».

Печально даже не то, что провинциальный ёрник хватил лишку, предположив существование думца, не знакомого с инвективной лексикой в полном объёме. Недаром же, по простодушному мнению народному, прозвище «избранник» произошло от оборота «из брани», то есть из ругани. Печально то, что Е. Нулик (очевидно, псевдоним) волей-неволей стал жертвой провокации, в результате которой словарь отяготился новыми иностранными заимствованиями, а матерные включения замелькали в нашей речи куда чаще прежнего.

Акция, повторяю, была проведена вполне профессионально:

1. Её разработчики учли, что любая инициатива сверху будет встречена низами с недоверием.

2. Затеяв нарочито нелепую депутатскую полемику, в ходе которой предлагалось, например, заменить «компьютер» «вычислительной машиной», а «футбол» – «игрой в ножной мяч», разработчики умышленно дискредитировали саму идею.

3. Кар за нарушение закона предусмотрено не было.

«Следует вменить в обязанности городовым (бывшим милиционерам), – изгалялись по этому поводу всё те же зубоскалы, – смело заносить в ябеду (бывший протокол) такие, например, записи: „выражался иноязычно, оскорбляя тем самым достоинство граждан“».

Уверен, язвительному провинциалу и в голову не пришло, что нынешний разгул русского мата и заимствованных с Запада словес во многом вызван попытками борьбы с данными неприятными явлениями.

Однако возникает вопрос, кому и зачем это нужно.

С матом всё ясно. Для многих общественных и политических деятелей он – неотъемлемая составная часть логических конструкций. Кстати, упомянутое выше «а» («э-э…», «мнэ-э…»)

зачастую является речевым эквивалентом того бибиканья, которое мы слышим из динамика, когда требуется заглушить нечто, как выразился бы А.Н. Радищев, «неграмматикальное». Но чего ради понадобился новый прилив западной лексики?

Ответ прост. Иностранное слово именно в силу своей непонятности гораздо лучше скрывает неприглядную суть обозначаемого им явления. Отсутствие эвфемизма смерти подобно. Не случайно же каждый раз расцвет жульничества и смертоубийства на Руси совпадал с массированным словесным вторжением из-за кордона. Попробуйте буквально перевести на русский такие слова, как «киллер» и «дилер». В первом случае вы ужаснётесь, во втором – призадумаетесь.

Впрочем, лучше известного поэта девятнадцатого века не скажешь:

По французски – дилетант,
А у нас – любитель.
По-французски – интендант,
А у нас – грабитель.

По-французски – сосьетэ,
А по-русски – шайка.
По-французски – либертэ,
А у нас – нагайка.

Уж на что я национал-лингвист – и то временами так и тянет заменить исконное слово зарубежным. Взять хотя бы для сравнения английский и русский тексты Нового Завета. У них – «officer», у нас – «истязатель» (Лк. 12, 58). Чувствуете разницу?

3. Дуэль на рычагах

Речь в данном разделе пойдёт о планирующейся на ближайшее будущее операции, поэтому некоторые существенные подробности мне по известным соображениям придётся обойти молчанием.

Партия национал-лингвистов не скрывает, что, поскольку заимствованные слова возврату не подлежат, ближайшей задачей следует считать их скорейшую русификацию. Метод вытеснения сложен и далеко не всегда приводит к успеху. Да, иностранку «перпендикулу» когда-то удалось заменить на отечественный «маятник», «аэроплан» – на «самолёт», но это не более чем единичные случаи.

Следующее утверждение кому-то может показаться пародоксом, и тем не менее многие искажения родной речи продиктованы исключительно стыдливостью русского мышления. Борцы со словом «ложить» никак не желают уразуметь, что слово «класть» почитается в народе неприличным. А глагол «надеть» вызывает ассоциации сексуального характера. Как тут не процитировать А.Н. Толстого!

> «– Ну, Кулик, скажи – перпендикуляр.
> – Совестно, Семён Семёнович».

Кстати, не этим ли объясняется победа «маятника» над «перпендикулой»?

Стало быть, для вытеснения неугодного нам слова следует, во-первых, придать ему физиологический или сексуальный смысл (как это случилось со стремительно исчезающими из приличной речи прилагательным «голубой» и глаголом «кончить»), а во-вторых, подготовить ему соответствующую замену. Не представляю, как такое можно осуществить на практике.

Думаю, сказанного вполне достаточно, чтобы осознать всю бесперспективность данного способа. Гораздо привлекательнее выглядит метод ускоренного обрусения. Аналитическим центром при ЦК партии национал-лингвистов разработан план операции «Суффикс» или, как его принято называть в кулуарах, «Подкоп под правый фланг». Суть акции заключается в следующем: усилиями рядовых членов партии и сочувствующих внедряется мода заменять в устной речи иноязычный суффикс «-ор» («редактор», «терминатор», «спонсор») исконно русским суффиксом «-ырь» («редактырь», «терминатырь», «спонсырь»).

Вторым этапом должна стать волна возмущения в средствах массовой информации, которую, разумеется, поначалу придётся поднимать самим. Как только шум в прессе обретёт черты борьбы за чистоту языка, победу суффикса «-ырь» можно будет считать неизбежной.

После чего настанет черёд следующего пришлеца: скорее всего, это будет псевдосуффикс «-анс» («шанс», «аванс», «ассонанс»), который логично поменять на «-анец» («шанец», «аванец», «ассонанец»).

Знаю, у многих возникнет вопрос: в чём смысл акции, если корень слова останется иноязычным? Дело однако в том, что, ощутив присутствие родной морфемы («Ура! Наши пришли!»), народ, согласно выкладкам, не остановится на достигнутом и довольно быстро русифицирует слово целиком. Так заимствованное существительное «профос» (военный полицейский) превратилось когда-то в «прохвост», заново обретя

ясное и соответствующее истине значение.

Могут также спросить: не является ли данная публикация опрометчивым шагом? Не раскрывает ли она прежде времени планов партии? Напротив: это и есть начало операции «Суффикс». Мало того, каждый, кто сейчас ознакомился с этим текстом, независимо от отношения к прочитанному, уже является её участником.

P.S. Автырь заранее благодарит редактыря и корректырей за предоставленный ему шанец.

2003

Про Штерна

Не представляю себе мемуаров о Боре Штерне. Боря – это легенда, фольклор. Он требует живой устной речи. И даже её порой оказывается недостаточно. Когда рассказываю о нём (а случается это сплошь и рядом), то вскакиваю, начинаю изображать случившееся в лицах: пытаюсь копировать Борину речь, походку, мимику – короче говоря, театр одного актера.

А вот изложить то же самое буковками… Не уверен, что удастся, но попробую.

Первая встреча

1982 год, февраль. Неуверенный в себе, робко приближаюсь к воротам особняка на Воровского (ныне Поварская) 2, где должны собраться будущие участники первого Малеевского семинара. У ворот небольшая толпа. Они? Да нет, непохоже… Ну какие же это к чёрту фантасты! Вон тот – откровенный бандеровец: высокая смушковая шапка набекрень, нервно подергивающийся пшеничный ус, из-под короткого полушубка что-то выпинается – вероятно, обрез. А тот – и вовсе явное лицо кавказской национальности: низенький, плотный, черноусый.

Прикинувшись случайным прохожим, миную странную компанию, но дальше улица, можно сказать, пуста. Останавливаюсь в сомнении. В конце концов кавказцы тоже люди – почему бы им не писать фантастику? Возвращаюсь с независимо-рассеянным видом (я здесь, знаете ли, прогуливаюсь). Собираю волю в кулак:

– Э-э… будьте любезны… Тут где-то… мнэ-э… по идее… собираются фантасты…

– Это мы, – отвечает мне лицо кавказской национальности, оказавшееся впоследствии Борисом Штерном.

Ни слова по латыни

А как, кстати, должен выглядеть писатель-фантаст? Чем он вообще отличается с виду от сермяжного реалиста? Ну, понятно, перво-наперво интеллектом! Поэтому, оказавшись в Малеевке, участники семинара поначалу ходили осанистые, выкатив грудь, а уж изъяснялись исключительно с помощью латинских цитат и слова «инфернальный». Матерки в речи начали пропархивать

лишь на второй-третий день. (То ли дело братья по разуму – писатели-приключенцы! Эти надрались в первый же вечер и пели со слезой под гитару: «Сидел я в тихознайке, ждал от силы пятерик…»)

Так вот, на этом высокоинтеллектуально-рафинированом фоне Боря Штерн просто не мог не броситься в глаза. Он никогда ничего из себя не строил. Никаких латинских цитат, никаких выкаченных грудей. Цены себе не набивал: «Принимайте меня таким, каков я есть». И это при том, что уже тогда равных ему авторов в нашей юмористической фантастике не было. Да и сейчас тоже. Разве что Миша Успенский.

Задолго до гласности

Наставник группы Евгений Львович Войскунский (военная выправка, тёмный клубный пиджак с металлическими пуговицами, низкий глубокий голос капитана дальнего плавания):

– Боря, вы уже выбрали, что будете читать?

Боря (сияя):

– «Производственный рассказ номер один»!

Евгений Львович озадачен:

– Зачем же производственный? У нас семинар фантастики…

Боря (в восторге):

– Называется так!

(Господи, как он радовался каждой своей находке!)

Неловко вспоминать, но среди моих малеевских страхов был и такой: а не слишком ли мы с Любовью Лукиной того… смелы… Сатиру ведь пишем, основы подрываем…

Но вот настал день Штерна – и «Производственный рассказ номер один» в авторском исполнении меня, мягко говоря, сразил. Выяснилось, что творчество Лукиных в сравнении с творчеством Штерна – цветы невинного юмора. В 1982 году осмеять портрет дедушки Ленина – на это, знаете, еще решиться надо!

Вот говорят: цензура, цензура! Свободы слова не было!.. Да, наверное, не было. Для многих. Только не для Бори. Он и не задумывался над тем, что можно, чего нельзя, – просто писал, как Бог на душу положит. А когда я выразил ему свое восхищение, он уставился недоумённо и сказал:

– Ну а что? В крайнем случае не напечатают…

И крайних случаев хватало. Например, хотелось бы знать, какой доброхот в 1985 году растолковал редактору значение слова «фаллос», которое тот, исходя из контекста, счёл

геологическим термином, ибо на него (на фаллос, естественно, не на редактора) в Борином рассказе карабкались два астронавта! Редактор прозрел, ужаснулся и выкинул рассказ из сборника «Снежный август» – туда, на что карабкались.

Кстати, о фаллосе

Дубулты, 1985 год. Обсуждаем рассказы Штерна. Слово берет известный писатель Б., руководитель группы. Не глядя на Борю, неприятным скрипучим голосом он начинает говорить о том, что не знает, чему больше удивляться: способности Штерна набредать на смешные ситуации или же его дару превращать эти находки в анекдоты, в плоские карикатуры. Впрочем, (тут голос мэтра наливается ядом) подчас из-под пера Бори выходят произведения настолько самобытные, что вообще ни в какие ворота не лезут. («Я имею в виду этот ваш планетарно-сексуальный рассказ…»)

Семинар заинтригован. Я – тоже. Еле дождавшись перерыва:

– Борь, а планетарно-сексуальный – это как?

Вздыхает страдальчески:

– Ох, Женьк… Ну, не нравится мне, как он пишет… Прочёл у него рассказ – а там два альпиниста лезут на марсианский пик, ну, и ведут философские беседы. И всё! Ну, я и подумал: написать, что ли, вроде как пародию?.. Тоже лезут два альпиниста, только не на пик, а на огро-омный такой… – Следует выразительный жест.

– И ты это уже написал?!

– Я это уже напечатал!!

Ну, знаете… Так не бывает.

Наивные…

Озорник? Конечно, озорник. И по тем временам, я бы сказал, озорник отважный…

Лишь потом, познакомившись с Борей поближе, я понял, что это даже не отвага. Это больше, чем отвага, – это отказ играть по предложенным свыше правилам. То ли мудрая наивность, то ли наивная мудрость – поди пойми!

А в самом деле, обратите внимание: все персонажи Штерна – наивны и поэтому вечно попадают в забавное положение. Мало того, именно из-за их наивности становится нестерпимо ясен весь идиотизм окружающей жизни.

Наивен капиталист из параллельного мира, полагающий, что

директор повесил над столом в кабинете портрет своего дедушки.

Наивен старенький скульптор, свято уверенный в том, что Великую Октябрьскую революцию подстроили его конкуренты и завистники, дабы сорвать открытие заказанного партией кадетов бюста Родзянко.

А уж как наивен Максимилиан Волошин из первого варианта «Эфиопа»!

– Волошин, – представляется он шкиперу. – Русский поэт серебряного века…

Для сравнения случай из жизни: завершается – не помню уж который по счёту – «Интерпресскон», ознаменованный какими-то неприятными инцидентами. Заключительную речь держит Борис Натанович Стругацкий:

– …ну что я могу сказать, господа? Только то, что говорил и раньше. Пить надо меньше!

Исполненный наивного (опять-таки наивного!) ужаса голос Бори Штерна из зала:

– Как?! Ещё меньше?..

Подозреваю, что всех своих героев Боря списывал с себя, и, что удивительно, не повторился ни разу.

…И обаятельные

Ещё одно тому доказательство: все его персонажи невероятно обаятельны (причём, как правило, именно из-за своей наивности). Все. Даже мордоворот-дракон, у которого из воротника куртки торчала всего одна голова, да и та с каторжным клеймом, а вместо остальных – аккуратные обрубки. Даже начальник врангелевской контрразведки, прилежно записывающий за Сашком частушки: «Огур-чики-чики-чики… помидор-чики-чики-чики…» Даже Чудесный Нацмен из «Краткого курса соцреализма», развлекавшийся тем, что ставил на стол ребром национальный вопрос, а тот стоял и не падал…

Уму непостижимо: столько книг – и ни одной откровенной сволочи среди героев!

Каким же нужно быть хорошим человеком!

Имя Штерна, как я уже говорил, овеяно легендами и увито анекдотами. Подобно своим персонажам Боря то и дело влипал в невероятные и неизменно забавные ситуации, отчего общая любовь к нему лишь усиливалась. Памятна история о том, как Боря в отеле «Турист» потребовал документы у Чадовича, и это его незабвенное «Ж-ж-ж…», которым фантасты пару лет приветствовали друг друга при встрече, и многое, многое другое,

чего я пересказывать не намерен, поскольку и без меня перескажут.

Снова дубулты. 1985

Обсуждаем рассказ Штерна «Галатея». Слово берет рижанин Коля Гуданец – наш будущий друг, о чём мы еще не знаем. Ему хорошо. У нас ни одной книжки не вышло, а у него целых две. Ещё у него ухоженная борода, две курительные трубки в чехольчиках, а брови Коля ради вящего эстетизма держит приподнятыми.

– Вы травестируете, – с прискорбием говорит он Штерну. – Причём постоянно…

– Простите… как? – не верит своим ушам Боря.

Гуданец несколько даже шокирован.

– Э-э… травестируете…

– А это что такое?

Ну вот! А еще фантаст! Мог бы и знающим прикинуться…

Хрустальный интеллигентный голосок одной из участниц:

– Мне кажется, название рассказа («Галатея») не совсем соответствует его содержанию…

Боря (мрачно):

– А это не моё название. Это «Химия и жизнь» переиначила…

– Вот как? – удивляется хрустальный голосок. – А у вас он как назывался?

– «Голая девка», – отрывисто сообщает Боря.

В зале приглушенный гогот.

Чего ржёте-то? В самом деле – «Голая девка»!

Вот судьба: всю жизнь говорил правду – и в итоге прослыл юмористом…

Ну не зря же любимым Бориным писателем всегда был Антон Павлович Чехов!

Дурмень. Полпоприща

Ссориться с людьми Боря Штерн не умел (случай с мэтром Б. ссорой не назовешь), а если пытались втянуть в окололитературные склоки и дрязги – он либо уклонялся, либо пытался сделать их литературными, а это уже, согласитесь, совсем другой коленкор.

– Ребята! Ну что вы там делите? Посмотритесь в зеркало! Сколько вам лет? Старые, толстые, лысые… Давайте лучше

вместе повесть напишем. Я начну, а вы продолжите…

В этом весь Штерн.

Мягок, покладист, но только до определенной степени. Как там у Матфея? «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». Полпоприща Боря, пожалуй, одолеет. Потом неминуемо опомнится – и пошлёт принудителя куда подальше.

Особенно забавно вышло в Дурмене (это под Ташкентом), где, не помню уже, за каким дьяволом, собрал нас на закате (или на заре?) перестройки кооператив «Текст».

Распахивается дверь номера, и на пороге возникает писатель К. Этакий, знаете, губитель женских сердец. Серая тройка, галстук, петушья осанка, в руке – бутылка шампанского, глаза горят. Он собрался на поиски приключений – и ищет напарника. Однако в номере вокруг красного пластмассового ведра с розовым мускатом собрались исключительно супружеские пары. Хищным оком вошедший обводит честную компанию – и – о, счастье! – на кровати у стеночки, уютно свернувшись калачиком, спит одинокий Штерн. Вот она, жертва!

– Боря, вставай! – тормошит его писатель К. – Пойдем по бабам!

– Ну чего, чего?.. – бормочет спросонья Штерн.

– Вы все пьяницы! – объявляет К., оборачиваясь к нам (половина присутствующих, напоминаю, дамы). – А я – гуляка… Вставай, Боря! Пойдем от них!

Бедный Боря встает, но вежд разлепить не может. На нём – мешковатые спортивные штаны, майка и тапочки. Торжественно вручённую бутыль он машинально прижимает к пузику.

Мы высыпаем за ними в коридор. Картина – потрясающая. Впереди гордо вышагивает К. Даже не вышагивает – он шествует стопами. А за ним, чуть поотстав, удивительно похожий на медвежонка, обрёченно косолапит так и не проснувшийся Штерн с бутылкой шампанского.

К. склоняет ухо к двери некого номера и галантно стучит в неё костяшкой пальца. Дверь открывается, и в коридор, действительно, выглядывает нечто женского пола. Завязывается светская беседа.

Боре надоедает стоять, он поворачивается и, по-прежнему не открывая глаз, возвращается в наш номер, где тут же сворачивается калачиком у стеночки. В обнимку с бутылкой.

Минуты через три дверь отворяется с треском – и влетает К. Он в ярости. Он мечет громы и молнии. Он обвиняет Борю в предательстве и прочих страшных вещах.

Боря отрывает от подушки тяжёлую всклокоченную голову, смотрит на беснующегося К., как бы припоминая что-то, – и…

А вот дальше не помню. То ли послал сначала (по-доброму! по-доброму!), то ли просто уснул.

Завидки брали

Глядя на него, невольно хотелось быть таким же. Каждый раз привозить в подарок новую шутку, например…

– Боря! Я тут днями Стерна перечитывал… Хочешь хорошее название для романа?

– Давай!

– «Шентиментальное путешештвие». Напишешь?

– Ага…

Надул, не написал.

Штерн – он и во сне Штерн

Записным остряком Боря никогда не был. Просто окутывала его некая добрая аура, причем всё, чего она касалась, немедленно обретало забавные черты. Поэтому о спящем Штерне ходило не меньше легенд, чем о Штерне бодрствующем (аура во сне никуда же не исчезает!).

Одесса. Фанкон-95. Зачем-то направляемся в Борин номер. Открываю дверь – и столбенею: на кровати мирно посапывает отвернувший к стеночке Штерн, а на нем возлежит большая чёрная-пречёрная кошка. Услышав всхлип петель, она вскидывает голову и устремляет на нас строгие зелёные глаза, как бы вопрошая: «Ну и что вы сюда припёрлись? Видите же – спит человек!»

– Ведьму снял!.. – ахнули восхищённо у меня за плечом.

Удалялись на цыпочках.

Я пил из чаши бытия

А однажды мы с Борей Штерном стали соавторами. Услышав мое вольное подражание Лермонтову:

Я пил из чаши бытия,
а вот края обгрыз не я, –

Боря встрепенулся.

– Женьк… А можно я это в повесть вставлю? Со ссылкой – всё

как положено…

– Боря! – взревел я. – Какие разговоры! Почту за честь!..

И ведь не просто вставил. Творчески развил. Если помните, робот Стабилизатор только и делает, что варьирует это двустишие. Так вот, Борин вариант:

Я пил из чаши бытия
до самого закрытия, –

пожалуй, посильней оригинала.

А потом ещё был «Эфиоп». И было чертовски лестно, что добрая треть эпиграфов – мои стихи. Тем более что в ту пору я даже не надеялся издать их отдельным сборником. Боря все хотел, чтобы мы с ним обменялись на «Эфиопе» автографами…

Так и не успели.

* * *

И все его любили. Его нельзя было не любить. У нас в семье, помню, в ходу была агрессивная фраза: «А птичку нашу, Штерна, прошу не трогать!» И употреблялась она по любому поводу. Даже когда никто никого не трогал.

Как ни странно, это его и подвело – всеобщая любовь. Не надо ему было, конечно, так пить. Но попробуй уйми тех же фэнов, неистово стучащих по столу донышками стаканов и скандирующих: «Хотим выпить со Штерном!»

Вот и выпили. До дна.

Может быть, поэтому он и перестал одно время ездить на конвенты – берёг остатки здоровья. А ещё мечтал о бетонном бункере как об идеальном месте работы. А когда исчезли из продажи сигареты, подарил мне трубку (вот она, до сих пор лежит на столе). А когда нас с Любой в 1984-м гоняли за фантастику, позвонил и сказал, как бы извиняясь за этот поганый мир: «Женя, козлов много…»

Плохо без него.

2001

Разборка с Маркионовым

Даже если интеллигент верит в Бога, он верит в Него по-своему. В декабре 1999 года бывший монтировщик сцены, филолог-недоучка Валентин Маркионов (как ни странно, это не псевдоним, а подлинные его имя и фамилия) на средства оставшегося неизвестным спонсора выпустил малым тиражом тоненькую книжицу с неряшливым названием «В начале был конец», где изложил в общих чертах суть своей ереси. В том, что это именно ересь христианского толка, а не новая религия, сомнений быть не может: возводя химерическое здание собственного вероучения, безработный честолюбец опирался в основном на синодальное издание Библии. К неканоническим книгам и апокрифам, он, судя по всему, равнодушен.

Выход книжки в свет остался практически незамеченным, но вскоре вокруг Маркионова собирается группа единомышленников и через пару месяцев заявляет о себе поразительными по нелепости актами вандализма. Журналисты клеймят тоталитарную секту (раз хулиганят – значит, тоталитарная). Заводится уголовное дело. Публикуются комментарии учёных и священнослужителей. Словом, по нынешним временам – ничего особенного.

Если бы не одна странность.

Вовсе не желая прослыть защитником новоявленного ересиарха, я тем не менее рискну вмешаться в полемику, ибо, на мой взгляд, кандидат исторических наук Э.Г. Страдников и автор гневной статьи «От лукавого!» о. Онуфрий (Агуреев) не до конца вникли в суть явления. Первый, как мне кажется, необоснованно приписал Маркионову не свойственные тому гностические идеи, второй же сгоряча причислил его к сатанистам.

Впрочем, обоих можно понять: бывшего монтировщика сцены, конечно же, необходимо к кому-нибудь причислить, а иначе получится, что в заблуждениях своих он ко всему ещё и оригинален. Любопытно, однако, что, заподозрив его в скрытом заимствовании, учёный и священник нечаянно оказались в двух шагах от истины. Кроме Библии, Валентин Маркионов несомненно почитывал как минимум ещё одну книгу, никакого отношения к религии не имеющую и, видимо, поэтому ускользнувшую от внимания критиков. Он нигде ни словом не упоминает об этом источнике, но основную концепцию, смею заверить, наш ересиарх извлёк именно оттуда.

Впрочем, попробуем разобраться по порядку.

В качестве доказательства гностических корней новоявленной ереси Э.Г. Страдников приводит утверждение Маркионова, что мир создан неумело, небрежно и что виной тому неопытность Творца. Тезис и впрямь кое-что напоминает. Согласно гностическому апокрифу Иоанна, мы с вами были сотворены дефективным сыном Софии (Пистис Софии), божеством с выразительным именем Ялдабаоф, причём настолько плохо, что, когда всё выплыло наружу, для исправления содеянного понадобилось вмешательство высших сил в лице Христа (Аутогена).

Тем не менее выдвинутое кандидатом исторических наук предположение, мягко говоря, озадачивает. Ну нельзя же в самом деле лепить ярлык на основании одного-единственного совпадения! Можно ли представить, что, позаимствовав из гнозиса идею слабого и неумелого Демиурга, Маркионов с такой лёгкостью отмахнулся от всего остального? Плерома, она же полнота истинного бытия; божество Абраксас, чьё число 365; бесконечные эманации; головоломные сочетания эонов, всевозможные огдоады и гебдомады; незаконный и глубоко законспирированный акт творения; непреодолимый дуализм материи и духа; индивидуальное спасение через тайное знание – ничего этого нет у Маркионова и в помине.

По моим наблюдениям, все интеллигентные обитатели средней полосы в глубине души тяготеют к гнозису. Есть в нём что-то от тоски провинциала, мечтающего перебраться в столицу («Эх, а вот в Плероме жизнь…»).

Но к Маркионову это, повторяю, никоим образом не относится. В книге его мы не найдём ни поэтических красивостей, столь характерных для гностических манускриптов («Смеясь, Бог заплакал – и явилась Душа…»), ни закрученных похлеще любого детектива историй о запоздалом прозрении Творца («Отворите мне двери, чтобы я, войдя, мог исповедоваться Господу, ибо я думал, что я Господь…»). Космогония, равно как и теогония, мало интересуют Маркионова. Ему вполне достаточно первого стиха Библии («В начале сотворил Бог небо и землю»), смысл которого он затем, разумеется, извратит и вывернет наизнанку.

Полагаю, что с гнозисом бывшего монтировщика сцены по-настоящему сближает лишь извечный мучительный вопрос всех еретиков: откуда в мире зло? Вопрос, на который ортодоксальные христиане по известным причинам вынуждены отвечать многословно и витиевато. Но, право же, чтобы задать его себе, совершенно не обязательно быть гностиком. Достаточно

оглядеться.

Не сатанизм

Ещё более нелепым выглядит обвинение в сатанизме. Создаётся впечатление, будто задача о. Онуфрия (Агуреева) состояла не в том, чтобы понять творение Маркионова, а в том, чтобы опровергнуть его любой ценой. И он скрупулёзно, чуть ли не построчно уличает недоучившегося филолога в произвольном толковании того или иного эпизода Библии, то не видя за деревьями леса, а то вдруг видя его там, где нет ни деревца.

Да, бывший монтировщик читает Священное Писание с конца, но при чём здесь магия? Он и слова-то такого не употребляет!

В итоге начинаешь подозревать, что мысль о принадлежности Маркионова к адептам Церкви Сатаны не имеет ни малейшего отношения к разворошённому священником тексту, но целиком проистекает из нехорошего поведения членов новоявленной секты. При этом о. Онуфрию почему-то не бросается в глаза, например, такая несообразность, как отсутствие соответствующей символики, обрядности, прочего. Так, при задержании вандалов сотрудники линейной милиции не обнаружили ни традиционных медальонов Бафомета, ни магических рисунков на обезображенной стеле, зато, к удивлению своему, обратили внимание на то, что у четверых хулиганов на правом лацкане красовался значок с портретом А.П. Чехова.

Спрашивается, Чехов-то здесь при чём?

Оба учения, на мой взгляд, просто несовместимы. Несмотря на кокетливо составленную девятую опору сатанизма («Сатана – лучший друг церкви, ибо обеспечивает её работой».), сторонники его всё-таки исповедуют неугасимую вражду между Богом и дьяволом, видя в себе последователей «единственной организованной религии в истории, которая взяла как символ окончательный образ гордости и восстания».

Однако по Маркионову не было ни гордости, ни восстания, ни последующего низвержения в ад. В знаменитых словах Исайи: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!..» – ересиарх усматривает лишь неверно истолкованное свидетельство о спешном сошествии с небес на землю для исполнения ответственной миссии Князя мира сего.

Скажу больше: дьявол Маркионова по определению не может стать антагонистом Бога, ибо (держитесь крепче!) это одно и то же лицо.

Нет, как хотите, а сатанизм здесь даже и не ночевал.

Принцип изложения

Для дилетанта Валентин Маркионов в Священном Писании ориентируется неплохо. Он, кстати, вполне сознаёт свое дилетантство, но это нимало его не смущает. Все создатели великих религий, оговаривается он как бы мимоходом, тоже не были профессионалами: плотник, погонщик верблюдов, наследный принц. Невольно залюбуешься, с какой очаровательной лёгкостью ставит себя наш недофилолог на одну доску с Христом, Магометом и Гаутамой. Очевидно только христианское смирение на позволило ему присовокупить к списку ещё и монтировщика сцены!

Маркионов ни в коем случае не начётчик: точным выдержкам с указанием книги, главы и стиха он предпочитает вольный вдохновенный пересказ, причём мотивирует это следующим образом:

> «Любой человеческий язык условен. А поскольку с Библией мы знакомы лишь в человеческом изложении (пусть даже она и писалась под диктовку Святого Духа), воспринимать её буквально – бессмысленно да и опасно. Христос сознавал это лучше кого-либо другого и поэтому изъяснялся иносказательно – притчами».

Далее следует пространное и не относящееся к делу рассуждение о том, почему притча выше инструкции (заповеди), которое я позволю себе опустить.

«Итак, – заключает Маркионов, – на любом из человеческих языков истина может быть изложена лишь образно».

И он излагает её образно, чем вызывает бесчисленные нарекания со стороны о. Онуфрия (Агуреева). Хотя справедливости ради было бы уместно вспомнить, что и приверженцы апостольской традиции по части истолкования слов Господних тоже подчас предивные чудеса отчеканивали.

Как вам, к примеру, понравится следующий пассаж из трактата Святого Климента Александрийского «Кто из богатых спасётся»?

> *«Продай имение твоё.* Но что значит это? Не это повелевает Господь, о чём некоторые слишком поспешно думают, что наличное своё имущество он должен был разбросать и со своими богатствами расстаться; нет, он

должен был только (ложные) мнения относительно богатства из своей души выкинуть…»

Далеко, ох далеко Маркионову до Климента!

Отправная точка

К сожалению, в сжатом виде учение Валентина Маркионова обретает черты анекдота, но тут уж ничего не поделаешь. Краткое изложение чего бы то ни было анекдотично само по себе.

Продравшись сквозь многоречивое вступление, мы наконец добираемся до сути – и немедленно испытываем острое разочарование. Для начала Маркионов делится впечатлением, что в первых книгах Ветхого Завета Иегова представляется ему выжившим из ума деспотичным, капризным стариком. Наблюдение не новое, но досаду вызывает даже не это. Набор доказательств местами откровенно отдаёт «Библией для верующих и неверующих». Чего стоит, например, одно только предположение, что Бог, безнадёжный склеротик, оказывается, просто забыл, как Его зовут, и на просьбу Моисея назвать Своё имя ответил: «Я есмь Сущий *(Иегова)».* То есть, проще говоря: «Я – тот, Который…», – и задумался.

Однако далее Маркионов заставляет читателя слегка опешить.

На полном серьёзе, без тени юмора, как будто прося взять подзащитного на поруки, он обращает наше внимание на то, что невыносимый характер Господа помаленьку выравнивается. Во второй книге Иегова уже способен себя контролировать: «Ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный». Мало того, у Него заметно улучшается память. Если раньше приходилось то и дело завязывать узелки («И будет радуга в облаке, и Я увижу её, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою…»), то позже, повторяя многократно тому же Моисею Свои установки, Иегова практически не ошибается ни разу.

Затем, не вдаваясь в детали и не слишком утомляя читателя цитатами, наш вероучитель перепрыгивает сразу на несколько эпох вперёд. Бог, каким мы Его встречаем в притчах Соломоновых, уже не кажется ему глубоким стариком, но, напротив, искушённым, житейски опытным мужчиной средних лет, напрочь лишённым иллюзий. Никаких истерик, никаких потопов, никаких Содомов и Гоморр. Основной рычаг – экономика. («Не допустит Господь терпеть голод душе

праведного, стяжание же нечестивых исторгнет. Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета – сын разумный, спящий же во время жатвы – сын беспутный», и т.д.)

Не задерживаясь долго на временах Соломоновых и почему-то обойдя молчанием пророков, не вписывающихся, надо полагать, в концепцию, Валентин Маркионов сразу приступает, как вы, наверное, сами догадались, к Иисусу Христу. Несмотря на то, что к моменту распятия Спасителю исполнилось уже тридцать три года, по образу мыслей и манере поведения Он напоминает Маркионову наивного юношу, полного надежд на исправление рода людского.

И из этих-то крайне сомнительных наблюдений, значительную часть которых я здесь, понятно, пропускаю, наш самочинный ересиарх (хотя все они самочинные!) делает сногсшибательный вывод: с течением времени Бог становится моложе и моложе.

Бывшему монтировщику сцены и в голову, конечно, не приходит, что Бог остается неизменным – просто человечество взрослеет.

Но это так, к слову.

Мироздание по Маркионову

Естественно, что, наделив Господа возрастом, Маркионов неизбежно вводит для Него понятие времени и лишает тем самым атрибута вечности, как, впрочем, и пары других атрибутов (всемогущества и всеведения), оставляя Ему лишь врождённую всеблагость, да и то в сильно усечённом и специфическом виде.

За две тысячи лет христианства ощипать Всевышнего пытались многие. Но постулировать наоборотность бытия Божия (поскольку доказательствами предыдущие рассуждения признать трудно) – это уже, согласитесь, что-то новое!

Читатель вправе требовать объяснений. И он их получает.

«Бог молодеет потому, – выдержав паузу, победно объявляет Маркионов, – что время для Него течёт не в ту сторону».

Впрочем, тут же спохватывается и вопрошает: «Да, но не будет ли гордыней с нашей стороны так говорить о Боге? Не проще ли предположить, что это мы с вами вылетели, образно выражаясь, на встречную полосу движения?»

И, не давая опомниться, подминает нас оползнем откровений.

Мироздание по Маркионову устроено предельно просто. Оно состоит из Земли и Неба, под которыми надлежит разуметь два

противоположно направленных потока времени. Полярных по вектору, так сказать. Один из них – ложный, человеческий, другой – истинный, Божий. Один ведет к смерти, другой – к рождению. В словах молитвы «Отче наш»: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», – Маркионову слышится просьба воссоединить оба потока.

Просьба, увы, не выполнимая даже для Господа, ставшего, как утверждает наш ересиарх, жертвой собственной детской ошибки.

Откуда концепция

Действительно, детская ошибка налицо, однако к Господу она, право же, никакого отношения не имеет. Готов держать пари, что в школьном возрасте кандидат исторических наук Э.Г. Страдников, равно как и о. Онуфрий (Агуреев), ни разу не открыли книгу братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Жаль. Во-первых, лишили себя удовольствия. Во-вторых, прочти они её тогда – и не пришлось бы им сейчас ломать головы над загадкой происхождения новой ереси, забредая в поисках источника то в гнозис, то в сатанизм.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат:

> «Контрамоция – это, по определению, движение по времени в обратную сторону».

> «– А разве это возможно – контрамоция? – сказал я.
> – Теоретически возможно, – сказал Эдик. – Ведь половина вещества во Вселенной движется в обратную сторону по времени».

По-моему, всё совпадает.

Даже возражения похожи.

«Если бы было так, как он пишет, – возмущается о. Онуфрий, – то Ангелы Божьи, посланные Им к Аврааму (прости мне, Господи, невольное кощунство), шествовали бы спиной вперед, чему мы не находим ни одного свидетельства».

А теперь сравните приведённую цитату со следующей выдержкой из той же нестареющей повести-сказки «для научных работников младшего возраста»:

> «Но вся беда в том, что, если бы попугай был контрамотом, он летал бы задом наперёд и не умирал бы на наших глазах, а оживал бы…»

Поклонники творчества Стругацких наверняка помнят, что персонаж «Понедельника» У-Янус тоже спиной вперед не шествовал. Он жил, как все нормальные люди, но с наступлением полуночи переходил не в завтра, а во вчера. Маркионов же предлагает для своей системы иное и, кажется, довольно оригинальное решение, которое мы рассмотрим позже.

Вполне понятно, почему бывший монтировщик сцены молчит о корнях своего учения. Ему просто совестно признаться. Сами подумайте: харизматическая личность, ересиарх, с Гаутамой на дружеской ноге – и вдруг фантастика, да ещё и «для младшего возраста»! Скандал, господа, конфуз…

А с другой стороны, ничего удивительного: контакты религиозной и фантастической литературы (некоторые, впрочем, полагают, что это одно и то же) явление распространённое. Любители ролевых игр давно уже используют Священное Писание в качестве сценарного материала наряду с эпопеями Толкиена и Желязны. С наслаждением вспоминаю название доклада, оглашённого в Казани неким ролевиком: «Библия как культовая книга»! Культовая – в смысле знаковая.

Мне думается, справедливость отчасти восстановлена. Писатели-фантасты столько раз эксплуатировали библейские сюжеты, что возникновение секты христианского толка, заквашенной на фантастике, надлежит воспринять с глубоким удовлетворением.

Долги следует возвращать.

Вернёмся к ереси

Контрамоция (в отличие от стеснительного Маркионова, мне этого термина избегать незачем) представляется Э.Г. Страдникову «непонятной до головной боли». Это он с непривычки. Объективно контрамоция ничуть не хуже эманации и уж во всяком случае нисколько не заумнее любимых кандидатом исторических наук огдоад и гебдомад, от которых у него, надо полагать, голова не болит.

Отцу же Онуфрию (Агурееву), назвавшему контрамоцию «абсурдной, шизофренической идеей», позволю, во-первых, заметить, что единое в трех лицах (и это подтвердит вам любой психиатр) есть расщепление психики, а стало быть, шизофрения чистой воды. Кроме того, кому как, а мне правота Тертуллиана представляется очевидной. «Credo, quia absurdum». То есть настолько нелепо, что даже не может быть выдумкой. Вот вам перечень некоторых несообразностей, которые тем не менее

соответствуют истине: Земля вращается вокруг Солнца, двухпудовая гиря падает с тем же ускорением, что и стограммовая, разноречивость свидетельств говорит о честности свидетелей, и т.д.

Итак, контрамоция. Два встречных потока времени. В одном из них – наша Вселенная с её квазарами, чеченской войной, реликтовым излучением. В другом – Бог, только Бог и ничего, кроме Бога. В этом плане вероучитель Маркионов – отъявленный монист, каких ещё свет не видел.

Бог – единственный, Кто способен переходить из одного потока времени в другой, о чём, по словам Маркионова, свидетельствует сон Иакова («И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божьи восходят и нисходят по ней».). Предвидя возражение профанов, что-де в данной выдержке речь идет не о самом Боге, а лишь об Ангелах Его, Маркионов обращается за поддержкой к ученику Апостола Павла Дионисию Ареопагиту: «Если же кто скажет, что некоторым Святым являлся Сам Бог непосредственно: тот пусть узнает из ясных слов Св. Писания, что сокровенного Божиего никто не видал, и никогда не увидит». Древние иудеи по простоте душевной путали посланцев Божьих с самим Богом.

«И правильно делали», – добавляет Маркионов.

«Господь, – объясняет он, – с целью исправления мира нисходит к нам постоянно: в телесном обличье (Христос), в бестелесном (Ангелы), вовсе без обличья (Дух Святой) – и каждый раз оказывается подхвачен встречным потоком времени. Или, что вероятнее, добровольно отдаётся течению, дабы иметь возможность общаться с нами. Сокровенного же Божиего, действительно, никто не видел, поскольку в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано».

«Оказывается подхвачен встречным потоком времени». Вот вам и объяснение, почему Ангелы не ходят спиной вперед. О. Онуфрий его либо пропустил, либо не понял.

Ситуация, однако, чревата парадоксом: если Всевышний, отдав Себя на волю волн, проведёт в нашем мире хотя бы пару минут, то, вернувшись по лестнице Иакова на Небо, Он неминуемо встретит там Самого Себя, только ещё собирающегося посетить Землю.

Но тем-то и велик ересиарх, что, столкнувшись с парадоксом, он незамедлительно обращает его в свою пользу. Согласно тому же Дионисию, небо заселено не менее густо, чем земля. «Сколько чинов небесных Существ, какие они, и каким образом у них совершаются тайны священноначалия, – пишет Ареопагит, – в точности знает это, как я думаю, один Бог, Виновник их

Иерархии».

Дионисий ошибается. Знают двое: Бог и Маркионов.

«Несомненно, – делится очередным откровением наш ересиарх, – что Херувимы, Серафимы, Престолы и прочие небесные Существа, каждое из Которых есть Господь, образуют Иерархию по старшинству». И делает существенное пояснение: срок, проведённый во встречном потоке времени, отнюдь не вычитается из общего возраста Господа, но, напротив, прибавляется к нему.

Такое чувство, что детская любовь Маркионова к фантастике не ограничивалась творчеством братьев Стругацких.

Куда движемся

То, что мир с человеческой точки зрения вырождается, так же ясно для Маркионова, как простая гамма. Слова Христа: «Ученик не выше учителя», – ставят, по его мнению, предел нашим беспочвенным и горделивым мечтаниям.

Повторяю, опровергать Маркионова с помощью цитат из Библии не имеет смысла.

Во-первых, он убеждён, что, несмотря на внятную диктовку Святого Духа, многое было услышано и записано неверно. Правильно понятое Маркионов берет на вооружение, понятое же неправильно отбрасывает без колебаний или, как принято у богословов, попросту замалчивает.

Во-вторых, давно уже подмечено, что, опровергая еретика, в конце концов неизбежно впадаешь в противоположную ересь. Кстати, статья о. Онуфрия «От лукавого!» – яркий тому пример.

Мельчает род людской. Это положение Маркионов для большей доходчивости предпочитает доказывать не на библейском, а на житейском материале. Даже если взять уровень заурядного обывателя, заявляет он, вы обнаружите, что зрелым людям обычно кажется, будто во времена их юности жилось лучше (народ был честнее, рыба крупнее, и т.д.). Молодые с ними, естественно, не соглашаются, однако, повзрослев и поумнев, сознают свою ошибку и начинают говорить то же самое.

Нет такой культуры, которая не тосковала бы об утраченном Золотом Веке. Самые выдающиеся гении – от неизвестного автора «Слова о полку Игореве» до Лопе де Вега – сознавали свое ничтожество по сравнению с титанами былых дней.

При советской власти, когда подавляющее большинство населения верило в светлое будущее, мысль Маркионова прозвучала бы неубедительно, но в наши дни афёр, зачисток и

отрезаемых голов, когда прошлое представляется радужным, настоящее – чёрным, а грядущее – смутным, нам трудно что-либо возразить ересиарху, и он этим пользуется вовсю.

Можно, конечно, спросить Маркионова: «А как же научно-технический прогресс?» – но лучше так не делать. При одном только слове «прогресс» в бывшем монтировщике сцены пробуждается Вольтер и слог его обретает изысканную язвительность:

> «Сидя в вагоне, порой не сообразишь, который поезд тронулся: твой или соседний? Вот и в жизни тоже: смотришь и пытаешься уразуметь, то ли техника вокруг совершенствуется, то ли мы деградируем».

Прогресс железяк сопряжен с регрессом человека. На ехидный вопрос, каким образом человек, деградируя, ухитряется изобретать всё более сложные механизмы, Маркионов отвечает, что с точки зрения Бога всё обстоит наоборот: отказываясь от очередной железяки, человек становится умнее. А на робкое замечание о пользе науки и техники бывший монтировщик с маху отрубает: «Когда костыль становится ненужен, его отбрасывают».

Затем, внезапно притянув за уши к своим рассуждениям ещё и теорию расширяющейся Вселенной, ересиарх подбивает итог: с каждым мгновением мироздание становится больше и хуже. Но это нисколько не огорчает Маркионова. Скорее радует. Для Бога-то оно с каждым мгновением становится меньше и лучше.

История по Маркионову

Естественно, что при таком подходе Библия для Маркионова открывается не «Бытием», а «Апокалипсисом», являющимся, по его мнению, пророчеством о предстоящем создании нашего мира. Несмотря на обратный ход событий и некоторую вольность изложения, картина складывается вполне правдоподобная: жуткие порождения генной инженерии, совершенная и смертоносная военная техника, вконец расшатанная экология, прочие прелести. Пекло творения.

Именно так, согласно учению Маркионова, мироздание выглядело изначально. Несоразмерно огромное, противоречивое, поражаемое природными и техногенными катастрофами, оно было почти нежизнеспособно.

Завершив этот невообразимый по размерам и небрежности черновик, Бог ужаснулся содеянному и принялся его перелицовывать. Тут-то, по словам Маркионова, и выяснилось

самое неприятное обстоятельство: контрамоция. Мало того, что мир сотворён неудовлетворительно, он ещё и существует не в ту сторону!

После долгих и тщетных стараний физически перенаправить Вселенную по времени, последствия чего, якобы, не раз отмечались нашей наукой, Бог понимает всю безнадёжность этой затеи и решает действовать иначе. Если нельзя изменить мир, надо приспособить к нему восприятие. Господь нисходит к людям в телесном обличье Иисуса и терпеливо учит, что истинный жизненный путь пролегает от смерти к рождению, а не наоборот, как принято думать («если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»). Под Царством Небесным, естественно, имеется в виду встречный поток времени.

Слова Его, разумеется, извращают. Как и попытку разъяснить всё на собственном примере.

Вот тут, честно говоря, я немного теряюсь. Во-первых, ересиарх противоречит сам себе («в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано»), во-вторых, поступки Всевышнего в такой трактовке представляются мне более чем загадочными. Насколько я понимаю Маркионова, Бог хотел, чтобы люди мысленно поменяли прошлое и будущее местами. Однако, проведя предварительную разведку в качестве Святого Духа, Он должен был собрать достаточно сведений о будущей Своей неудаче. Затем, в течение тридцати трех лет наблюдая с Неба за собственными действиями, Господь имел возможность убедиться в этом лично. И всё же, когда приходит срок, Он тем не менее является на Землю, внедряется в чрево Марии, рождается – и далее шаг за шагом повторяет то, за чем совсем ещё недавно с сочувствием следил со стороны.

Возникает трагический образ Существа, Которое всё знает наперёд и ничего не может изменить («Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха… Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно».). Он обречён на грядущие ошибки именно потому, что осведомлён о них заранее.

Хотя ересиарха особо за это упрекать не стоит. С Божьими атрибутами дело обстоит одинаково в любой религии: всеведение вытащишь – всемогущество увязнет. И наоборот.

Впрочем, возможно, что причиною фатальной неотвратимости событий было всего-навсего юношеское упрямство Господа. Так, согласно Маркионову, пребывая на Земле в теле Иисуса, Он неминуемо сталкивается со Своими же (как правило, невидимыми) Сущностями, занесёнными встречным потоком времени из Его Собственного будущего и выполняющими

различные задания по исправлению мира. Назревает производственный конфликт, страсти кипят, дело доходит до прямых самооскорблений («И вот они закричали: что тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел ты сюда прежде времени мучить нас»). Дьявол, как старший и более опытный, пытается инструктировать Иисуса («показывает Ему все царства мира и славу их, И говорит Ему: всё это дам Тебе, если падши поклонишься мне»). Но Тот, презрев субординацию и наивно делая ставку не на государство, а на отдельную личность, отказывается повиноваться и доводит задуманное Им до конца.

Повзрослев, Он, конечно, призна́ет Свою ошибку и, как следует из Ветхого Завета, ни разу уже не вернётся к причудливой идее вразумить всех и каждого.

Образ творца

Существует известное предупреждение талмуда: «Кто исследует четыре вещи, тому было бы лучше никогда не родиться. Эти четыре вещи суть: что вверху и что внизу, что было раньше творения и что будет потом».

Маркионов внял предостережению ровно наполовину.

Его не интересует, откуда взялся Создатель, чем занимался до сотворения мира и куда затем денется. Сам ересиарх не считает гадания такого рода тяжким грехом – просто указывает на их бесполезность.

О Боге известно, что Он контрамот, что характер Его изменяется с возрастом и что, создав Вселенную в черновом варианте, Он неустанно её улучшает, желая видеть Своё детище безукоризненным. Если сравнить Всевышнего с литератором, то Флобер и Бабель, пожалуй, окажутся наиболее близки Его образу и подобию. Бесконечная правка, бесчисленные сокращения, относительно малое количество дописок и вставок. Жёсткий отбор выразительных средств. Краткость – сестра таланта. (Кстати, не потому ли на лацканах вандалов были обнаружены значки с изображением А.П. Чехова?)

Ещё известно, что характер Бога со временем портится. Начав с кротких наставлений и увещеваний, Он переходит затем к принуждению и заканчивает откровенным террором.

Как же будет выглядеть наш мир, когда Господь наконец решит, что достиг совершенства, и прервёт работу? Мы знаем это. В общих чертах итоговый вариант дан нам во второй главе «Бытия». Эдем. Земной рай, где обитают двое: Адам и Ева, ещё не вкусившие плода с запретного дерева познания.

Потрясающий лаконизм! Всё равно что сократить роман до размеров миниатюры.

Так и хочется спросить у Маркионова: каким же образом Богу удастся завершить начатое, если к тому времени Он, по словам ересиарха, окажется не способен даже вспомнить собственное имя?

Но стоит ли придираться по мелочам!

Что в итоге

Морально-этическая концепция нового учения угнетает своей безысходностью. Атеистов марксистского толка хотя бы поддерживала мысль, что они умирают не зря и что потомки их будут жить при коммунизме. Последователи Маркионова даже этого утешения лишены.

«Мы шли в мир разума и братства, – сожалеет о контрамоте У-Янусе комсомолец Саша Привалов, – он же с каждым днём уходил навстречу Николаю Кровавому, крепостному праву, расстрелу на Сенатской площади и – кто знает? – может быть, навстречу аракчеевщине, бироновщине, опричнине».

По Маркионову, как видим, всё наоборот. С каждым прожитым мгновением род людской удаляется от уютного совершенства двухместного земного рая, погружаясь в черновой первичный хаос. Впереди – кромешная тьма, прорезаемая алыми сполохами «Откровения от Иоанна». Единственное, что радует: работа Божья идёт неровно, творческие взлеты чередуются с падениями, вселяя подчас в обывателя беспочвенные надежды на улучшение жизни.

И напрасно пытается убедить нас о. Онуфрий (Агуреев) в том, что последователи Маркионова, совершая свои нелепые бесчинства, надеются на грядущую благосклонность дьявола. Конечно, нет такой мерзости, на которую не решился бы истинно верующий ради спасения души своей, но заверяю вас, что в данном случае ни о каком спасении и речи не идёт. Отчаянная попытка Христа повернуть человеческое восприятие вспять не удалась. Дважды уже приведенные здесь слова Маркионова о том, что «в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано», звучат приговором.

Благородство и мрачный трагизм новой секты остались незамеченными. Ни Э.Г. Страдников, ни о. Онуфрий не обратили внимания на главное: у последователей Маркионова нет шкурных интересов. Всемерно ухудшая этот мир, они ищут не личной выгоды, но стараются морально поддержать Бога, Который,

существуя в противоположном направлении по времени, несомненно должен испытывать радость при взгляде на стремительно исправляющихся людей.

Не думаю, что новое вероучение привлечёт многих, поскольку требует полной и безоглядной самооотверженности. Недаром даже у беспощадного Маркионова дрогнула рука, когда, пройдя Библию от доски до доски, от конца до начала, он достиг Эдема и милосердно прервал повествование.

Ересиарха можно понять. Уж больно безотрадная в противном случае возникла бы картина: вот, отдохнув в субботу, Бог окидывает последним взглядом содеянное, после чего в течение шести дней решительно предает небытию сначала людей, потом зверей земных, рыб, светило ночное, светило дневное, деревья, траву – и, смешав напоследок небо с землёй, удовлетворённо гасит свет.

И видит, что это хорошо.

2003

С приветом из 80-х!

Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..

А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Трудно быть богом»

Обидно… Прочел в «Интернете» статью П. Амнуэля «Время сломанных велосипедов», где тот объявил во всеуслышание из далекого Израиля, что «научная фантастика в России умерла», и что последний гвоздь в крышку ее гроба вогнал волгоградец Сергей Синякин. Вот ведь какая несправедливость! Всю жизнь я добивался этого высокого права: гвоздочков припас, молоток заготовил – и нате вам! В последний момент отпихивают от гроба. А главное – кто? Друг и земляк…

Ладно, не удалось крышку приколотить – дайте хоть осиновый кол водружу…

Для меня фантастика не просто литературный прием. С ее помощью я пытаюсь разобраться в фантасмагории, которую мы в силу привычки именуем реальностью. А вот с так называемой «научной» фантастикой отношения у меня всегда были несколько натянутые. Видите ли, двадцать лет назад слово «научная» применительно к фантастике означало – помимо всего прочего – «прогрессивная», «хорошая» и даже «советская». Отсутствие же «научности» свидетельствовало об антикоммунистической направленности произведения. Говорю не понаслышке – в 1984 году нас с женой, представьте, по этому поводу чуть из города не выперли.

Помню, как я был взбешен, обнаружив, что американец Карл Вагнер пишет хоррор в гоголевском ключе, в то время как от советских фантастов требовали познавательных приключений в духе мсье Жюля Верна.

Была и другая причина неприятия – чисто филологическая. Дело в том, что сам термин «научная фантастика» представляет собой очевидную бессмыслицу, поскольку наука и искусство несовместимы по способу отражения действительности. Научно-фантастическая художественная литература (с научной точки зрения) не более реальна, чем пятиугольный треугольник.

Мне возражали: да мало ли в нашем языке бессмысленных словосочетаний! «Красные чернила», «белая сирень». И ничего –

привыкли, употребляем.

Согласен. Однако никто не требует от красных чернил, чтобы они были одновременно и красными, и черными. А научную фантастику в лучшие ее дни, помнится, объявляли чуть ли не венцом творения – сплавом искусства и науки.

Но сплава не может быть по определению – возможна только смесь. Что такое вообще НФ, как не беллетризованный научпоп? Берем щепотку искусства, щепотку науки, бросаем в котел, ставим на слабый огонь и помешиваем до полной готовности.

Ну хорошо, а если бросить в котел не одну, а две щепотки науки? В этом случае, согласитесь, варево выйдет в два раза научнее… А если одну щепотку науки и полщепотки искусства? Да то же самое! Варево выйдет в два раза научнее.

То есть чем бездарнее, тем научнее…

Но, слава богу, повывелись у нас наконец (если верить П. Амнуэлю) старикашки эдельвейсы, лезущие в литературу лишь по той причине, что недостаток образования лишил их возможности изложить очередное свое открытие в терминах и формулах…

Заинтригованный читатель спросит: «Так что за гвоздь-то?» Последним гвоздем в крышку гроба НФ, чтоб вы знали, явилась, по мнению П. Амнуэля, повесть Сергея Синякина «Монах на краю Земли», собравшая чуть ли не все призы и премии в российской фантастике за 2000 год. Поскольку повесть была опубликована в журнале «Если», сюжет ее вам, очевидно, известен: бывшего аэронавта Штерна гноят сначала в лагерях, затем в психушках, поскольку в одном из полетов он наткнулся на небесную твердь над плоской Землей, посягнувши тем самым на истинность учения марксизма-ленинизма. Затем бедолагу и вовсе убивают. Такой вот незамысловатый сюжетец.

Впрочем, передаю слово П. Амнуэлю:

> «…в конце XX века на страницах научно-фантастической повести заставить героя страдать из-за идеи плоской Земли… Как же надо не уважать научно-фантастическую идею как таковую, как пренебрежительно нужно относиться к жанру научной фантастики, чтобы всерьез написать такое!»

Но он это предвидел:

> «…неизбежно должно было появиться произведение в своем роде эпохальное, доказывающее самим своим существованием, что поджанр научной фантастики в ее русском варианте умер и похоронен».

И далее:

> «„Монах на краю земли“ действительно стал вехой в развитии фантастики в России за последние десять лет. К чему все шло, к тому и пришло».

Ну, Синякин!.. Как тут не вспомнить незабвенного Оскара Уайльда? «Я плачу не о Нем, а о себе… Все, что делал этот человек, делал и я. И все-таки они меня не распяли…»

Собственно, на этой пронзительно-завистливой ноте можно было бы и закруглиться, тем более что в целом я согласен с выводами П. Амнуэля. Да, НФ приказала долго жить. Да, «Монах на краю Земли», действительно, веха. С выводами-то согласен, а вот с доводами… Судите сами:

> «За десять лет мы потеряли читателя, и у меня нет оснований это мнение оспаривать…»

> «Вкус у читателя был испорчен, читатель пожелал иметь что-нибудь подобное и от русских авторов.»

Начнем с того, что единого читателя у нас нет и не было. Так называемый широкий читатель советских времен – не более чем фантом, порожденный скудностью книжного ассортимента и распавшийся еще в годы перестройки. Псевдолюбители охладели к фантастике: кто схлынул в политику, кто в экстрасенсорику, кто к эльфам в рощу… Оставшиеся же и вновь народившиеся читатели разбились на отдельные группы, каждую из которых следует рассматривать особо. Поклонники технической НФ, по признанию П. Амнуэля, и вовсе сказались в нетях.

Так что злоупотреблять словом «читатель» в наши дни как-то, знаете, некорректно. Все равно что злоупотреблять словом «народ».

Но вернемся к тексту.

Расправившись таким образом с читающими россиянами, П. Амнуэль плавно переходит к россиянам пишущим:

> «Проблема, однако, в том, что потеря читателя неминуемо влечет за собой потерю авторов, поскольку между этими процессами существует положительная обратная связь».

Святые слова! Если не считать предыдущей натяжки, мысль развивается безупречно. Дальше:

> «„Рынок требует!“, „Клиент всегда прав!“ и так

далее. Русских фентэзи сейчас на рынке не меньше, чем западных, а уровень (в среднем, естественно, ибо у всякого правила есть счастливые исключения) ниже – повторение всегда хуже оригинала, даже если потребители русской фентэзи утверждают обратное. Читатели впитали и эту продукцию, еще больше испортив себе вкус, после чего…»

Ну что ж, самое время перейти от общего к частному и доказать на примере Сергея Синякина, сколь выродился вкус российского читателя и сколь низко пал в России уровень фантастической литературы. Превзойти в низкопробности наше современное фэнтези – это ведь, согласитесь, уметь надо…

И тут совершенно неожиданно следует осечка:

«Нет, господа, – признается вдруг П. Амнуэль, – сюжет, фабула, композиция – это последнее, по поводу чего я бы бросил в автора камень».

Вот те клюква!.. А как же все вышеизложенное?

Однако камень бросить необходимо. Иначе – конфуз. Иначе выяснится, что, кроме возмутительного образа плоской Земли, критику придраться не к чему. Камня, правда, не находится, и в дело идут махонькие камушки:

> «…характеру Штерна нельзя отказать в формальном правдоподобии».

Вроде попал… Ан нет! Потому что вскоре читаем:

> «…жизненно выписанный Штерн…»

Да, кажется, к герою не придерешься. Направление бросков приходится сменить:

> «…нечто похожее уже много раз мы читали, новых деталей у автора нет…»

> «Так же не нов и часто встречался в литературе герой: романтик, в одиночку борющийся с косной системой».

(Даже не берусь гадать, что привело П. Амнуэля к такому выводу. Этак можно назвать романтиком и утопающего. Но поскольку статья целиком состоит из подобных неточностей, по мелочи придираться не стану.)

Едем дальше:

«Открытие, ради которого герой по сути отдал жизнь, тоже не ново…»

«Единственная, повторяю, претензия: отсутствие новизны».

От себя добавлю, что также не новы вопросительные знаки и запятые, встречающиеся в повести сплошь и рядом…

Как-то даже, знаете, неловко объяснять профессиональному писателю П. Амнуэлю, в чем именно должна заключаться новизна литературного произведения.

Лучше Витезслава Незвала не скажешь:

«Логически стакан относится к столу, звезда – к небу, двери – к лестнице. Поэтому эти предметы мы не видим. Необходимо было звезду положить на стол, стакан поставить вблизи пьяных ангелов, а двери поместить по соседству с океаном. Речь шла о том, чтобы сорвать маски с действительности, придать ей светящиеся формы, как в первый день творенья». (Из поэтики Незвала)

Итак, не новизна отдельных элементов, а их принципиально новое сочетание. Именно это и сделал Сергей Синякин в своей повести, совместив, казалось бы, несовместимое: прозу в духе Варлама Шаламова и абсурдное фантастическое допущение. Ради чего? Вот вопрос, который так и не задал автор статьи. Да и зачем оно ему? И так все ясно: Земля – круглая!

Тем не менее – ради чего? П. Амнуэль пишет:

«Я так и слышу хор моих оппонентов: ведь повесть-то СОВСЕМ НЕ О ТОМ! Повесть-то о герое-мученике, о его мужественном сопротивлении бездушной машине подавления…»

Что ж, тема определена более или менее верно. Однако речь в данном случае идет не о теме, а скорее об идее повести. Пользуясь формулировкой Михаила Зощенко: «Чего хотел сказать автор этим художественным произведением?» Так вот…

Своей повестью «Монах на краю Земли» Сергей Синякин хотел сказать и сказал: «Научное утверждение может быть истинным, может быть ложным, но, взятое на вооружение идеологией, оно неминуемо становится поводом к уничтожению людей!»

Для П. Амнуэля, видящего спасение человечества именно в

науке и технике, подобная мысль – нож острый. Так и не доказав литературной ущербности «Монаха», он прибегает к последнему, отчаянному аргументу:

> «Но я, извините, не верю этому герою, и этому автору, и этому сюжету, по той простой причине, что не могу поверить в то, что это – серьезно».

Не верит, потому что не может поверить… Нет, критик не притворяется – он искренне возмущен. А теперь спросите себя: если в наши дни гражданин цивилизованного государства Израиль П. Амнуэль с таким пылом негодования обрушивается на еретическую мысль о плоской Земле, то что же должны были сделать с аэронавтом Штерном за подобную ересь в СССР сталинских времен?

Стало быть, идея повести – верна. И П. Амнуэль, нечаянно уподобившись гонителям Штерна, доказал это с блеском. Всем, кроме себя самого.

Я уже предупредил, что по мелочи придираться не намерен. Поэтому готов считать забавным недоразумением явный промах, когда критик в качестве положительного примера приводит роман Святослава Логинова «Многорукий бог далайна», где мир, если помните, описан не просто плоский, но еще и квадратный.

Я даже готов допустить, что ошибка, послужившая поводом к написанию данной статьи, также сделана критиком неумышленно. Кстати, вот она:

> «А поджанр всех этих произведений один – научная фантастика. Как и повести Синякина».

Кто ему это сказал? Найти бы, в глаза посмотреть…

И это все о Синякине. Но далеко еще не все об авторах, выродившихся вслед за читателем, который «голосует рублем».

«Авторы вывелись еще и потому, – пишет П. Амнуэль, – что на протяжении десятилетий слышали от мэтров, что новые идеи фантастике не нужны, фантастика НЕ ДОЛЖНА прогнозировать, фантастика НЕ ДОЛЖНА то, а ДОЛЖНА это…»

О каких же это он, интересно, мэтрах? Да уж наверное, не о тех озорных старикашках эдельвейсах, что учинили когда-то мятеж в литературоведении, объявив НФ жанром, разбив ее на поджанры и окончательно отгородившись от прочей изящной словесности частоколом самодельной терминологии. Той самой терминологии, которую использует в своей статье П. Амнуэль. Слово «идея», к примеру, он употребляет в одном-единственном смысле: сюжетоообразующая научно-фантастическая гипотеза…

Так что же это за мэтры, испортившие вкус читателю и, как следствие, растлившие авторов? Имен, к сожалению, критик не называет, лишь пространно пересказывает наставления этих вредителей. Суть наставлений можно выразить одной фразой: «Фантастика – это прежде всего литература».

И дальше – без перехода:

> «Вот еще утверждение, которое мне в последнее время приходилось многократно и читать, и слышать: „Читателям плевать на философские мысли и проблемы автора, они платят деньги не за это, а за интересную историю“».

Чье утверждение-то? Тоже мэтров? Выходит, что тоже…

Остается лишь надеяться, что и эта подтасовка сделана П. Амнуэлем не умышленно, а так, по простоте душевной…

За десять последних традиционно проклинаемых лет те, кто пытался в условиях России мыслить самостоятельно, вынуждены были резко повзрослеть. Недаром же сказал Достоевский: «От истинного, настоящего горя даже дураки иногда умнели… это уж свойство такое горя». Мы лишились многих иллюзий – в том числе убежденности, что наука работает на благо человека. Увы, наука работает исключительно на благо науки и к счастью людскому никакого отношения не имеет. Железяки становятся все совершеннее, а люди по-прежнему убивают и предают друг друга, по-прежнему образуют собой систему, которая их же и давит…

Невольно возникает ощущение, что в каком возрасте человек покинул Россию – в том он и остается до конца дней своих. Статья Амнуэля «Время сломанных велосипедов» словно вынута из 80-х годов. Именно с позиций критики тех лет громит он антинаучное и, стало быть, реакционное произведение. Скажу больше: если заменить обобщающее слово «читатель» на более обтекаемое выражение «некоторые наши читатели» (то же самое и с авторами), статью эту можно было бы смело публиковать еще при Советской власти.

Не верите? Ну так я вам сейчас приведу две цитаты, изъяв из них пару-тройку слов, чтобы задание не казалось слишком легким:

> «Ах, какие замечательные примеры можно найти в фантастике, где герои <…> восстают против косности, идут вперед и побеждают (или погибают, но все равно побеждают, ибо в любом случае новое, неизведанное одерживает победу над косным, отживающим)…»

> «Фантастика – это прежде всего мечта, проникновение в возможные события, это показ людей <…>, преодолевающих трудности, борющихся и побеждающих. Это литература, пробуждающая любовь к знаниям, <…> зовущая к светлому началу, а не тянущая в болото невыкорчеванных недостатков и в темный угол безысходности».

А теперь вопрос на засыпку: которая из цитат принадлежит П. Амнуэлю (2000 г.), и которая А. Казанцеву (1983 г.)?

Как будто и не было этих семнадцати лет, верно?

Видно, сладко им там живется, «в безмятежной аркадской идиллии», если только и осталось, что сидеть да мастерить заводные механические игрушки НФ.

P.S. А что, Земля в самом деле круглая?

Сравнительное естествознание
Заметки национал-лингвиста

Мне тебя сравнить бы надо…

Из песни

Наверное, с момента своего появления на земле человек полюбил присваивать себе почётные титулы: он и царь природы, и венец творения, и мера всех вещей. Сам себя не похвалишь – никто не похвалит. Существует даже экзотическая гипотеза, будто именно с этой целью и был изобретён язык. Следует, впрочем, заметить, что истинные национал-лингвисты никогда её всерьёз не воспринимали. Язык не изобретёшь, ибо изобрести что-либо можно только с помощью языка. А если кто приведёт в пример бессловесных крыс, тем не менее придумывающих и передающих потомству всё новые и новые приёмчики и уловки, то я сочту себя вправе сослаться на Эдисона, сделавшего уйму открытий и при этом, насколько мне известно, тоже не знавшего ни слова по-русски.

Одно из главных положений партии национал-лингвистов звучит так: язык, на котором мы лжём, по сути своей правдив. Против нашей воли он, стоит в него вникнуть, беспощадно обнажает подоплёку вещей и явлений. К примеру, нет смысла возмущаться несвоевременной доставкой почты (бумажной). По-другому и быть не может, пока над дверью красуется вывеска «Отделение связи». Тут уж, сами понимаете, либо отделение, либо связь – одно из двух.

Итак, какие бы тёплые слова мы о себе ни говорили, как бы ни титуловали себя венцом, царём и мерой, правда неминуемо выйдет наружу. Поможем ей в этом.

Замечено, что, чем точнее сравнение, тем оскорбительнее оно для рода людского. Наименее всего человек сопоставим с небесными телами – должно быть, именно поэтому так лестно слышать, что тебя уподобили звезде, комете, галактике! Единственный космический объект, от сравнения с которым хочется невольно уклониться, это, конечно, чёрная дыра, но после того, как создатель теории чёрных дыр публично отрёкся от своего детища, данное явление перекочевало из астрофизики в эзотерику. Так сказать, выпало из номенклатуры.

Теперь переберёмся поближе, в места обитания самочинного царя природы, на планету Земля. Начнём с чего-нибудь крайне

далёкого от человекообразности. Лучше всего, с царства минералов.

Геология поставляет не менее приятный материал для сравнений, чем астрономия. Какой бы горной породе ни уподобили вы своего ближнего, он будет неизменно польщён. Стойким назвали, упорным. Особенно хороши в похвальной речи драгоценные и полудрагоценные камни. Одно условие: ни в коем случае не злоупотребляйте научной терминологией, обходитесь исконной лексикой. Даже за «обсидиан» по нашим временам можно ответить, поскольку незнакомые слова многими расцениваются как матерные. Мрамор, гранит, лава (конечно же, кипящая) – это дело иное, это пожалуйста.

Но обратите внимание: сомнительных комплиментов явно поприбавилось. («Ну ты слюда-а!..» «Ну ты раку-ушечник!..» За такое, согласитесь, побить могут, причём не столько за интонацию, сколько за общее звучание и неприличную хрупкость упомянутых пород.)

Да! Забыл предупредить: ирония при сопоставлении недопустима в принципе, ибо неминуемо вывернет смысл высказывания наизнанку. Второе: понятие обязательно должно прилагаться к человеку в целом, а не к какой-то его части. И третье: никаких суффиксов – с их помощью можно придать слову любой оттенок: от пренебрежительного (алмазишко) до ласкательного (уголёк).

С минералами покончили, приступим к рельефу местности.

География также способна пощекотать наше самолюбие: континент, океан, остров, хотя бы даже и риф – всё это звучит вполне уважительно. Но заметьте, как множатся и наползают термины, вызывающие откровенную досаду: пропасть, пустыня, болото. Разумеется, не случайно. Сойдя с небес на грешную землю, мы сильно приблизились к себе любимым.

Но подлинное унижение начинается, стоит нам вторгнуться в мир живой природы. Даже самые дальние человеческие родичи, растения, наряду с гибкой ивой и стройным тополем уже являют нам строевой дуб и контрафактную липу. Названия трав, овощей, грибов – преимущественно бранные: крапива, репей, тыква, хрен, мухомор, сморчок, опёнок. Список можно продолжить, вычеркнув из него разве что одни лишь цветы – между прочим, с точки зрения обывателя, самые никчёмные растения, не годящиеся ни в пищу, ни на одежду, ни на стройматериалы. Из крапивы хотя бы суп сваришь! Любопытно, что некоторые плодовые деревья, будучи сопоставлены с особами женского пола, также нисколько не оскорбляют достоинства прекрасных дам, однако не потому что приносят урожай, а именно потому что цветут.

Из этого можно сделать осторожный предварительный вывод: язык предпочитает красоту пользе. Стало быть, Пушкин прав – и Аполлон действительно выше печного горшка.

А теперь соберитесь: настала очередь родного царства животных, где нас ожидает полный беспредел наименований. Здесь, кстати, мы убедимся, что выявленная нами закономерность (чем ближе к человеку, тем обиднее) отнюдь не линейна. До определённой ступени эволюционного развития все существа суть прямое оскорбление величества. Поэтому не стоит даже упоминать о насекомых, членистоногих, амфибиях и рептилиях. Все они в смысле инвективы стоят друг друга.

Поговорим о птицах и млекопитающих, среди которых пусть крайне редко, но всё же встречаются милые нашему сердцу орлы и гепарды. В остатке – попугаи, петухи, козлы и шакалы. Имя же им легион.

Выделим три следующие странности.

Во-первых, все благозвучные птицы и звери – сами не местные (ласточка – и та мигрант). Они обитают в Африке, в Индии, на худой конец в уссурийской тайге – где угодно, только не в средней полосе России.

Во-вторых, большинство из них – хищники. Всё травоядное в приложении к нам звучит бестактно. Кроме лани и ещё там кого-то занесённого в Красную Книгу.

В-третьих, они поголовно дикие. Не дай бог, если тебя сравнят невзначай с домашним животным! Позору не оберёшься.

Что же из этого следует? А следует из этого то, что великий и могучий, правдивый и свободный страсть как не любит тех, кого мы приручили (собака, индюк). Ему, как видим, больше по нраву наши враги и жертвы (и лев, и лань). Далеко не все, естественно. Как уже упоминалось, крыс, гиен и ворон – несчитано-немерено. Что же касается домашних животных, то, кажется, исключений среди них не бывает вообще. Нейтрально звучит одна лишь кошка, но только потому что гуляет сама по себе.

Интересные пристрастия у нашего языка, правда?

Ему не нравится то, что мы сделали с домашними животными.

Ему не нравится то, что мы делаем с дикими животными.

Ему нравится то, что дикие животные делают с нами.

Но хватит о дальних родственниках, вспомним о близких. В отряде приматов что ни вид – то пощёчина роду людскому. Мы не знаем ни единой обезьяны, с которой можно было бы безнаказанно соотнести меру всех вещей. Лемуры? Ну, эти похожи больше на тех же кошек, нежели на двуногое без перьев и с плоскими ногтями.

Вот мы и приблизились вплотную к царю природы. Продолжив ряд, неминуемо получишь вывод, что нет ничего оскорбительнее, чем отказ от сравнения. Достаточно просто назвать человека человеком, чтобы опустить его до конца.

Ан нет! Выясняется вдруг, что человек – царь, венец, мера и вообще звучит гордо.

Те, кто не знаком с программными документами партии национал-лингвистов, скорее всего, решат, будто причина данной непоследовательности – вульгарный инстинкт самосохранения. Дескать, потому-то и сберегли душевное равновесие, что вовремя научились останавливать мысль. Выжили не благодаря разуму, а вопреки ему.

Или даже благодаря глухоте в отношении собственной речи.

Всё, однако, обстоит несколько сложнее, но об этом чуть позже, поскольку пропущена такая обширная залежь словес, как имена артефактов. Умолчать о ней было бы несправедливо и нечестно.

Итак, произведения рук человеческих.

Достаточно первого взгляда, чтобы и здесь выявить подмеченную ранее странность: мы злимся, будучи уподоблены чему-нибудь насущному, и млеем, когда нас равняют с бесполезным, а то и вредным. Лишь бы оно было красивым!

Кирпич, балка, булыжник, надолба – хотелось бы вам услышать нечто подобное в свой адрес?

Станок, тормоз, шестерёнка, винтик?

Шляпа, валенок, хлястик, штанина?

Колбаса, буханка, лапша, котлета?

А изделия-то ведь всё полезнейшие…

Исключения опять-таки редки и сомнительны: из механизмов – мотор (он же двигатель), из продуктов питания – кое-какие спиртные напитки (шампанское, например), из одежды – даже и не знаю…

Совершенно иначе обстоят дела с орудиями убийства. Особь, уподобленная вами холодному оружию (кинжалу, стилету), возможно, ошалеет, но неизбежно проникнется уважением к себе и благодарностью к вам. А вот оглушающими снарядами (палицами, булавами) лучше никого не называть, что, кстати, на мой взгляд, свидетельствует о меньшей эффективности ударных приспособлений по сравнению с колюще-режущими.

В любом случае язык явно предпочитает старые, испытанные временем средства уничтожения чудесам научно-технического прогресса. (Вспомним незабвенное: «Пуля – дура, штык – молодец».) Пулемёт, бомба, танк в приложении к человеку звучат несколько насмешливо. Зато неплохо звучит истребитель. Да и

перехватчик тоже.

Короче, та же история, что с хищниками. Красиво, опасно, лестно. Но опять же не без уродов (рогатина, гаубица).

Патентованно ласкают слух одни лишь произведения искусства. Много ли найдётся людей, которых бы не тронуло сравнение с картиной, статуей, мелодией, поэмой? Надо думать, искусство – единственный род человеческой деятельности, угодный языку (архитектуру, понятно, в расчёт не берём, поскольку бесполезное сочетается в ней с насущным).

Подведём черту.

Напрашивается догадка, что язык позволяет нам говорить о самих себе хорошо, поскольку мы – его носители, а носителей надо беречь и не слишком огорчать. Но подспудно он питает к нам глубокую неприязнь.

Ему не нравится то, что приносит нам пользу.

Ему нравится многое из того, что нас убивает.

Ему отвратительно всё, что мы делаем.

Кроме искусства.

Потому что главное для него, получается, красота.

* * *

В отличие от других народов мы, русские люди, с большей чуткостью прислушиваемся к пожеланиям родной речи и вредим себе везде, где только можем. Мы спустя рукава обустраиваем свой быт, мы погрязли в собственных отбросах, нам трудно пройти мимо стены, не испохабив её афоризмом, при взгляде на что-либо общественно полезное нас немедленно подмывает его сломать. Иногда мы, правда, пытаемся противостоять требованиям языка, и тогда нас тянет сломать что-нибудь красивое.

«Нельзя же предположить смешную мысль, что природа одарила нас лишь одними литературными способностями!» – воскликнул в отчаянии Фёдор Михайлович Достоевский. Разумеется, нельзя. Оружие мы тоже неплохо делаем, поскольку язык против него ничего не имеет. Во-первых, изящные штуковины, во-вторых, вред человеку наносят.

И всё-таки, знаете, манят порой уют, чистота, благоденствие… Возможно ли их достичь и если да, то каким способом?

Первое, что приходит в голову: утратить языковое чутьё и тупо заняться приборкой территории. Но для этого наш народ-языкотворец слишком талантлив и упрям.

Впрочем… Теоретически имеется одна возможность, хотя не представляю, осуществимо ли такое на практике. Язык невозможно одолеть, но почему бы не попытаться его обмануть? Скажем, оставив слово в неприкосновенности, изменить его эмоциональную окраску, то есть наше к нему отношение.

Перестав быть бранным, имя потребует от нас большей теплоты к обозначаемому им предмету. Подумайте, насколько улучшится уход за крупным рогатым скотом, когда корова начнёт звучать гордо!

Но для этого необходимы добровольцы. Необходим безумец, способный, рискуя физией, с нежностью назвать любимого человека чем-нибудь полезным. Только чур не прибегать к уменьшительно-ласкательным суффиксам!

2006

Типа неопределенный артикль
Заметки национал-лингвиста

Иногда грамматике надоедает упрощаться, и тогда она отчиняет что-нибудь этакое на первый взгляд не вписывающееся ни в одни ворота. Согласитесь, что артикль, т.е. служебное слово, прилагаемое к существительному и придающее ему значение определенности или неопределенности, в русском языке явление неслыханное. Скажи мне кто-нибудь лет десять назад, что такое возможно, я бы поднял его на смех. И тем не менее волей-неволей приходится признать присутствие в современной устной речи стремительно формирующегося неопределенного артикля.

Любители анекдотов, конечно, решат, что в виду имеется общеизвестное мелодичное словцо из ненормативной лексики – и ошибутся. Вопреки фольклору данное слово никак не может претендовать на роль артикля. Во-первых, оно не прилагается к какому-либо конкретному существительному, а во-вторых, не привносит оттенка определенности или неопределенности.

Зато несправедливо объявленное паразитом словечко «типа» вполне удовлетворяет вышеперечисленным требованиям и, как мы вскоре убедимся, не только им.

Обратите внимание, сколь естественно сочетается оно с именами, придавая им очаровательную размывчатость:

И. типа друг.
Р. типа друга.
Д. типа другу.
В. типа друга.
Т. типа другом.
П. типа о друге.

Очернители западного толка наверняка попытаются объяснить этот феномен заокеанским влиянием. Естественно, что главным их козырем будет наличие в английском артиклей, а также иноязычное происхождение слова «тип». Да, оно не относится к исконной лексике, что огорчает меня как патриота. Как патриот я бы, конечно, предпочел, чтобы артиклем стало какое-нибудь чисто русское слово («вроде», «якобы», «как бы»). Однако языку видней – и в выборе средств мы ему не указчики.

Предвижу, что в ходе предстоящей полемики мои оппоненты прибегнут к умышленному неразличению существительного «тип» и артикля «типа». Однако отличие их друг от друга очевидно. Промежуточная форма (существительное «тип» в родительном падеже) в сочетании с другими именами требует управления

(«типа корабля»). Но это еще не артикль. Настоящий артикль начинается там, где управление перестает действовать («типа корабль»).

Добавим, что ни в одном языке, кроме русского, слово «тип» не играло роль служебного. Замечательно и то, что, присоединяясь к существительному, оно не просто придает ему значение неопределенности, но как бы ставит под сомнение в целом, что совершенно не свойственно иноязычным артиклям. Исходя из этого, можно смело утверждать, что служебное слово «типа» есть чисто отечественное явление, возникшее на русской почве и впрямую связанное с крахом тоталитарного режима.

Начнем с того, что советскому человеку сомнения вообще не были свойственны. Каждое слово стремилось к единственно возможному, идеологически выверенному смыслу.

Вот прекрасный образец фразы советского периода: «Человек произошел от обезьяны». Постсоветский индивидуум так ни за что не выразится. Он скажет: «Человек произошел типа от обезьяны». То есть говорящий уже и сам не уверен: а точно ли от обезьяны. Может быть, все-таки «типа Бог сотворил»?

Иными словами, крушение материалистического мировоззрения нашло отражение в грамматике, хотя и не было, на мой взгляд, главной причиной возникновения артикля. Главная причина, как ни странно, чисто финансовая. С приходом в сферу экономики утюга и паяльника значительно возросла ответственность за каждое произнесенное слово. Сравним два предложения: «Я твой должник…» – и «Я твой типа должник…» За первую фразу приходится отвечать. За вторую – типа отвечать.

Следует заметить, что неопределенный артикль «типа» по многим характеристикам превосходит лучшие зарубежные образцы. Он, правда, не склоняется подобно артиклям древне– и среднегреческого языков, не изменяется по родам и числам, как немецкие артикли, зато он может быть распространенным. Например: «типа того, что как бы». («Ну, он типа того, что как бы лингвист».)

Пока я вижу лишь одно действительно серьезное возражение: неопределенный артикль «типа» может прилагается не только к существительным, но также к иным именам («типа деловой»), к местоимениям («типа у нее») и даже к глаголам («типа есть»). Строго говоря, артиклям это не свойственно. Во всяком случае, в мировой практике ничего подобного до сей поры не наблюдалось. Хотя, с другой стороны, у них вон и бензин с водой не смешивается – так что ж теперь!

Данное затруднение, как мне кажется, можно разрешить двумя способами. Первый: признать за артиклями право

прилагаться не только к существительным, но и к другим частям речи, включая глагол (тем более что глаголы в русском языке все равно обречены, и исчезновение их – лишь вопрос времени). Однако языковеды по косности своей вряд ли отважатся на коренную ломку традиционных, слагавшихся веками представлений. Поэтому более реальным мне видится второй выход: объявить слово «типа» принципиально новой служебной частью речи.

Это – не просто неопределенный артикль, это – типа неопределенный артикль.

2000

Читая Соловьева

Умным себя я никогда не числил, разве что по молодости лет, то есть по той же глупости. Со временем однако удалось разработать ряд приемов, позволяющих хотя бы отчасти имитировать процесс мышления. На поведении моем это, впрочем, никак не отразилось, однако повезло – стал литератором, а в этой области делать вид, что думаешь, куда важнее, чем делать вид, что действуешь.

Прием, о котором хочу рассказать, выглядит довольно легкомысленно и больше напоминает детскую игру. Тем не менее я до сих пор охотно его использую – каждый раз, когда приходится противостоять магии существительного. А магия эта, смею заверить, велика. Кодовые слова («Отечество», «Спартак» и проч.) действуют столь сильно, что начисто утрачиваешь свой и без того-то скудный критический рассудок. Хочется бежать, ликовать, громить…

Тут и приходит на помощь мой приемчик, разработанный на базе простенькой аксиомы: *не важно, как зовется явление; важно, как оно себя ведет.* Причем все с этим согласны. Но едва лишь коснется дело практики, начинаются унылые разглагольствования о том, сколь трудно проникнуть в суть явлений. Да смените вы название – это же так просто!

Впервые я проделал нечто подобное еще будучи студентом. Жертвой моей шалости пал известный мичуринский афоризм «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача!» Стоило заменить слово «природа» на слово «прохожий» – как бандитская сущность лозунга обозначилась сама собой.

Теперь я могу без боязни идеологической инфекции вникать даже в сочинения такого пленительного демагога, как Владимир Соловьев. В своем фундаментальном труде «Оправдание добра» сей философ, например, решительно осуждает смертную казнь, войну же считает явлением неизбежным, а стало быть, вполне допустимым. И какое наслаждение читать его апологию войны, заменяя везде по тексту «военную службу» – на «исполнение приговора», «солдата» – на «палача», а «рукопашную схватку» – на «отсечение головы с помощью топора»!

Итак, Соловьев. Наслаждаемся вместе.

Вот он приводит позицию своего воображаемого оппонента:

> «Дело представляется в таком виде. „Каково бы ни было историческое значение смертной казни, она есть прежде всего убийство одних людей другими; но

убийство осуждается нашею совестью, и, следовательно, мы по совести обязаны отказаться от всякого участия в исполнении смертного приговора и другим внушать то же самое. Распространение такого взгляда словом и примером есть настоящий, единственно верный способ упразднить смертную казнь, ибо ясно, что, когда каждый человек будет отказываться от службы палача, смертная казнь сделается невозможною“».

А далее начинает разносить приведенное по кирпичикам:

«Чтобы это рассуждение было убедительно, нужно было бы прежде всего согласиться с тем, что смертная казнь и даже служба палача – не что иное, как убийство. Но с этим согласиться нельзя. При палаческой службе сама смертная казнь есть только *возможность*. <…> Но и в тех случаях, когда она наступает, смертная казнь все-таки не может быть сведена к убийству как злодеянию, т.е. предполагающему злое намерение, направленное на определенный предмет, на этого известного человека, который умерщвляется мною. При исполнении смертного приговора у отдельного палача такого намерения, вообще говоря, не бывает, особенно при господствующем ныне способе казни *невидимого* преступника простым нажатием кнопки. Только при отсечении головы с помощью топора возникает для отдельного человека вопрос совести, который и должен решиться каждым по совести. Вообще же смертная казнь <…> не есть дело единичных лиц, пассивно в ней участвующих, и с *их* стороны возможное убийство есть только *случайное*.

Не лучше ли, однако, отказом от палаческой службы предотвратить для себя самую возможность случайного убийства? Без сомнения, так, если бы дело шло о свободном выборе. На известной высоте нравственного сознания или при особом развитии чувства жалости человек не изберет, конечно, по собственной охоте службу палача, а предпочтет мирные занятия. Но что касается обязательной службы, требуемой государством, то, вовсе не сочувствуя современному судопроизводству, неудобства которого очевидны, а целесообразность сомнительна, должно признать, что, пока оно существует, отказ от подчинения ему со стороны отдельного лица есть *большее зло*. Так как отказавшийся знает, что определенное число палачей будет поставлено

во всяком случае и что на *его* место призовут *другого,* то, значит, он *заведомо* подвергает всем тяготам палаческой службы своего ближнего, который иначе был бы от них свободен».

Разве не убедительно?